

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 3₍₂₉₎

2002

Витольд Гадомский: Как пережить реформы?

Леопольд Унгер о России, Америке и Европе

Лидия Цёлкош: Я — последняя

ФЕНОМЕН «КРАСНОГРУДЫ»

Юзеф Хурвиц — маленький большой человек

ОЧЕРКИ ЮЗЕФА МАЦКЕВИЧА

Барбара Скарга о человеке

ВАРШАВА

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 3(29)

2002

МАРТ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Лидия Цёлкош 3
Я — ПОСЛЕДНЯЯ

Витольд Гадомский 7
КАК ПЕРЕЖИТЬ РЕФОРМЫ?

Эдмунд Мокшицкий 11
РУЧНОЙ КАПИТАЛИЗМ

Виктор Кулерский 15
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

РОССИЯ, АМЕРИКА, ЕВРОПА... 21
Беседа с Леопольдом Унгером

Лидия Остаповская 25
СЕЙНЕНСКИЕ ХРОНИКИ

Эльжбета Полудник 32
ГРУШИ ВЫРОСЛИ НА ВЕРБЕ

Дорота Йованка Чирлич 33
ГОРОД-КОСМОС

ГАЗЕТНЫЙ КИОСК 34
Кшиштоф Бурнетко
«КРАСНОГРУДА», ИЛИ ЖУРНАЛ ЛЮДЕЙ ПОГРАНИЧЬЯ

Лешек Шаруга 36
ПРИШЕСТВИЕ К СТИХУ

Кристина Милобендзка 38
СТИХОТВОРЕНИЯ

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ**Рышард Матушевский** 43
МАЛЕНЬКИЙ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК**Ян Зелинский** 47
КРЕПКИЙ СТИЛИСТ**Юзеф Мацкевич** 51
ИЗ ПАПКИ «НЕУДАЧНЫЕ СУДЬБЫ»

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСИЗМ 55

Лешек Шаруга 56
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ**Катажина К. Гардзина** 59
ЕДИНСТВЕННОЕ В МИРЕ КОНТРАЛЬТО**Янина Куманецкая** 61
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ**Татьяна Вольтская** 64
ЧЕЛОВЕК И РОЯЛЬ**ТЕАТР ТЕЛЕВИДЕНИЯ****Янина Куманецкая** 67
ПРОБУЖДЕНИЕ ОТ ЛЕТАРГИИ**О ЧЕЛОВЕКЕ** 68
*Беседа с Барбарой Скаргой***Редакционный совет**Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек**Ежи Помяновский***(главный редактор)***Редколлегия**Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Станислав Филипчак*(ответственный секретарь)*Лешек Шаруга
Дмитрий Шевичонков-Кисмелов
*(главный художник)***Графика и макет**

Дмитрий Шевичонков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49 Тел.: 280-83-52 e-mail: mik@mecom.ru

Издатель**ВИБЛИОТЕКА NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА**По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Переводчики: Н.Астафьева, А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, Г.Погожева, С.Тонконогова, С.Филипчак, Ю.Чайников, Г.Шиманская.

Фото ©: А. Titkow (стр. 3), Agencja Gazeta (стр. 7), P.Wójcik-Agencja Gazeta (стр. 25, 26.), A.Falkiewicz (стр. 36), Archiwum Dokumentacji Mechanicznej (стр. 43,44), K.Walkowska (стр. 59, 60), L.Wolkowa (стр. 64, 65).

Лидия Цёлкош

Я — ПОСЛЕДНЯЯ

Рассказ, переписанный со звуковой дорожки одноименного документального фильма, снятого в 1994 г. Анджеем Титковым и Павлом Смоленским.

Лидия Цёлкош (1902-1999) — деятель Польской социалистической партии (ППС), публицистка и историк, с 1979 г. — председатель ППС в эмиграции (Лондон).

Я — последняя из ныне живущих членов довоенного руководства ППС, никого больше не осталось.

Если говорить о том, как я пришла к социализму, то не могу исключить влияния литературы, того, что я читала. Я из еврейской семьи, польско-еврейской, нас воспитывали в духе уважения к книгам, мы зачитывались теми книгами, которые нам попадали в руки. То же самое и с социализмом. Несомненно, все эти социальные моменты появлялись, скажем, в романах Ожешко или стихах Конопницкой. Они должны были на меня воздействовать — и воздействовали. Мы ходили в гимназию им. Элизы Ожешко, где по крайней мере несколько учителей и членов правления гимназии состояли в ППС, отсюда и влияние школы. Это во-первых. Второе: влияние моей матери, которая с головой была погружена в борьбу с бедностью, нищетой и т.д., и меня втянула в это. С шести лет я мыла молочные бутылки в обществе «Капля молока», выдававшем бесплатное молоко женщинам с детьми. Я жила в Лодзи, где нищета так бросалась в глаза, что даже дети это понимали.

После окончания школы оказалось, что все мои подруги, собиравшиеся продолжать образование, поехали в Варшаву, а я — в Краков. Я с детства мечтала о нем, и хотя знакомых у меня там не было, я решила поступать в краков-

ский университет. Как только я туда приехала, я сразу, в первые же дни, пошла в правление еврейской общины и официально вышла из ее состава. А потом пошла в редакцию «Напшуд» («Вперед») и подала заявление о вступлении в ППС. С началом занятий в университете возникла и студенческая секция ППС. На первое собрание пришел Адам. Я увидела его впервые в жизни. У него за плечами уже была армия, Силезское восстание. Чему было посвящено то первое собрание — абсолютно не помню. Помню только, что Адама выбрали председателем, и я, 18-19-летняя девушка, заранее знала, что это он и есть.

В то время я отождествляла ППС с Обществом друзей детей, устраивавшем летние лагеря, детский театр и т.п. Общество друзей детей было моей первой работой, которая мне очень нравилась, а второй стал Народный университет им. Мицкевича, проводивший лекции в профсоюзах и т.п. Но в 1922 г., после смерти президента Нарutowича, в знак протеста против этого убийства возникло То-

варищество рабочих университетов. Естественно, Адам очень много в нем работал, ездил, читал лекции почти везде, был прекрасным оратором и на политические, и на просветительские темы. Он явно превосходил меня, я была влюблена в него по уши, и говорить нечего. В конце концов мы решили вступить в гражданский брак, и Адам обратился к своему священнику за метрикой. Священник спросил, где будет заключаться брак. Адам сказал, что в городском управлении, у президента Кракова. «Тогда я не дам метрику». Адам пошел в воеводские власти. Был там такой заместитель воеводы, который сказал Адаму: «Я вам дам освобождение от метрики». Пошли мы в управление с двумя свидетелями, а президент говорит: «Вы, господа, люди образованные, не мне вам объяснять, что такое супружество. У меня сегодня очень важная встреча под Краковом, так что, может, подпишетесь вот здесь, на этих двух листах?». Ну и подписали, там было так хорошо написано: новобрачный, новобрачная.

Майский переворот 1926 г. совпал с расцветом фашизма в Италии. А эндеки [национал-демократы] тогда поддерживали политику Муссолини, идеологию фашизма. Поэтому Пилсудский со своим переворотом их опередил, а левые поддержали Пилсудского: ППС, народники, демократы — все поддержали майский переворот. И большинство ППС было решительно на стороне Пилсудского. Он еще до переворота пообещал тем партиям, которые его поддерживают, что при успехе он тут же распустит Сейм и на самое ближайшее время назначит новые выборы, однако, этого не сделал: с разругавшимся и расколотившим Сеймом, за которым числились самые разные грехи, играть было удобнее. И с тех пор ППС выступала против политики Пилсудского, направленной на установление президентского правления и ограничение власти парламента, словом, наносившей удар демократии. Из выборов 1928 г. ППС вышла довольно сильной, но не настолько, чтобы суметь вместе с крестьянской партией ПСЛ-«Вызволеньє»

(«Освобождение») образовать парламентское большинство. Тогда моего мужа впервые избрали депутатом Сейма. А в Сейме начиналась борьба с фракцией санации. В Кракове, на вокзале, среди бела дня на Адама напали их боевики. Врач «скорой помощи» сказал, что еще бы немножко, и ему не жить, потому что его били по голове. Главарь боевиков отделался за это нападение 20 злотыми штрафа.

После произошли брестские события*, шел 1930 год. За мужем пришли трое, ночью. Дома его не оказалось, поэтому его ждали внизу, у ворот, а со мной разговаривали наверху. Когда пришел Адам, ему предъявили ордер на арест, посадили в автомобиль и увезли.

Как только брестские узники вернулись, оппозиционные фракции в Сейме сделали депутатский запрос по поводу Бреста и того, как там обращались с людьми, того бесправия, которым стал Брест. Потом началась подготовка процесса, который проходил в Варшаве. На скамье защиты сидели виднейшие польские адвокаты, сами предложившие свои услуги. В результате мой муж получил 4 года тюрьмы и 10 лет лишения гражданских прав.

В Кракове мы жили несколько лет, а поскольку Адама лишили гражданских прав, в городской совет выбрали меня: ему было нельзя. Он занимался партийными делами. Годы с 1936-го до начала войны были годами мощных забастовок.

Была в Кракове такая шоколадная фабрика Пясецкого. Пясецкий не допускал профсоюз на фабрику. Профсоюз сам туда вторгся, и его секретарь попросил меня выступить и разъяснить ситуацию женщинам и мужчинам (большинство все же были женщины). Профсоюз потребовал заключить коллективный договор, а Пясецкий, как только люди в тот

* Арест депутатов от оппозиции, которых поместили в Брестскую крепость. Затем их судили на процессе, получившем название Брестского. — *Ред.*

день ушли с работы, закрыл фабрику. Приходят они утром, ворота закрыты, не войти. Секретарь послал за мной, я прихожу. Он говорит: «Что делать будем?» Я отвечаю: «Уже июнь, привезем солому под ворота, и он не сможет вывезти товар, а они сядут на солому и будут сидеть день и ночь, пока он не согласится». Так и сделали. Само собой, оркестр железнодорожников приходил играть, рабочие с других фабрик после работы приходили на танцы и всякое такое, а женщины пели, декламировали и т.п. Стоял полицейский и смотрел за порядком, выступала в основном я, но и другие ораторы тоже. Словом, Пясецкий проиграл, отступил, подписал коллективный договор. Адам тогда был председателем партийной организации Малопольши и Кракова, и делегация работников с этой фабрики пришла его поблагодарить. «Есть у нас к вам, товарищ Цёлкош, одна просьба, — сказала руководительница делегации, — не присылайте к нам ораторов из евреев, лучше пусть всегда приходит товарищ Лидия Цёлкош».

Когда началась война, Адам, будучи офицером, обратился на призывной пункт, но ему сказали, что он лишен гражданских прав и потому не может служить в армии. Из Кракова мы ушли пешком и около Луцка узнали о вторжении советских войск. Мы поехали во Львов. Туда прибыл курьер от Пужака**, чтобы Адам обязательно как представитель партии всеми возможными способами как можно быстрее добирался до Парижа, потому что Сикорский формирует правительство и ППС должна быть представлена. И мы пошли пешком с ребенком на венгерскую границу. Там нас схватили, привели на допрос к советскому полковнику. Переводчиком у него был милиционер-украинец. Ну, значит, начал он с нами: «Профессия?» —

** Казимеж Пужак (1883-1950), в годы юности узник царского режима. В межвоенный период генеральный секретарь ЦИК ППС, а во время войны — ее преемница, организации «Свобода, Равенство, Независимость». Убит в польской тюрьме. — *Ред.*

Я говорю: «Библиотекарша». — «А муж?» — «Книги пишет». — «Какие книги?» — «По истории». — «Тогда чего вы тут около границы околачиваетесь?»

Однажды наш сын Анджей говорит: «Ну, пожалуйста, поцелуй меня, а то я больше не выдержу». Это было уже после двух или трех недель сидения в тюрьме, чего ему хватило сполна. Полковник велел перевести, что он сказал. Я убеждена, что где-то в России у него остался ребенок примерно в возрасте нашего, может, тоже мальчик. Как он услышал слова Анджея, его это, должно быть, за душу взяло, и он нас выпустил. Мы вернулись во Львов, Адам выбрался за границу, а я с ребенком была во Львове и собиралась в Литву. И добралась туда. В Вильнюсе мною уже занялись местные социалисты и бундовцы. Когда мы установили контакт с Парижем, мне пришлось поехать в Каунас за французской визой. Визу я получила и через Ригу легально отправилась в Швецию, впервые в жизни самолетом. Потом — в Амстердам, из Амстердама — в Бельгию, из Бельгии — в Париж. В Париж я приехала позже, чем ожидалось. На вокзале я совершенно неожиданно увидела мужа — оказалось, что он приходит на вокзал вот уже почти две недели.

Все это мы пережили и начали обычную эмигрантскую жизнь. Как политик-эмигрант, политик-социалист, Адам придавал огромное значение установлению контактов и укреплению отношений с социалистами других стран, тоже эмигрантами, но прежде всего стремился наладить прочные связи с английскими лейбористами.

Должна сказать, что и во время войны, и после, до конца жизни он играл видную роль в международном социалистическом движении, представляя в нем не только польских социалистов, но и социалистов тех стран, которые находились под немецкой, а потом под советской оккупацией. Здесь, в эмиграции, возник глу-

бокий раскол в ППС относительно политики Гомулки: поддерживать Гомулку или нет. Мы принадлежали к числу противников. Но под влиянием Зигмунта Зарембы Главный совет с перевесом в два голоса выступил за поддержку Гомулки. Тогда они нас вопреки уставу без партийного суда исключили из ППС, и раскол продолжался еще... около 30 лет, вплоть до момента, когда Ян Юзеф Липский начал создавать ППС в Польше. А поскольку я была и до сих пор остаюсь привязана к той нашей старой ППС, я очень переживаю за то, что происходит в ППС на родине, очень, очень переживаю. Естественно, никакого влияния на это я уже не имею. Мы оба были так эмоционально связаны с ППС, с этими людьми.

С Густавом Херлингом-Грудзинским я познакомилась еще во Львове, во время советской оккупации. Когда мы приехали в Лондон, мы жили в трехкомнатной квартире, где в каждой комнате было по семье. Короче, условия действительно трудные, но Густав с Кристиной жили у нас, и тогда же началась наша большая дружба. Когда Густав начал писать «Иной мир», они уехали от нас. Потом Анджей переведил эту книгу [на английский].

Прекрасно помню, как Анджей пришел и снизу кричал, что Хайнеман принял книгу, а Бертран Рассел написал к ней предисловие. Лучше и быть не могло. Рецензии были исключительные и во всех много высоких похвал переводчику. А потом Анджея не стало... В марте 1952 г. он покончил с собой.

У Адама было очень болезненное сердце, он умер в 1978 г. от шестого инфаркта. Врач пришел и определил, что у него опять инфаркт, хотел вызвать «скорую» и отвезти в больницу. Я отозвала доктора из комнаты и спрашиваю: «Как долго, по-вашему, он протянет в больнице?» Он говорит: «Дня два-три». Тогда я сказала: «Пожалуйста, сделайте это для ме-

ня, не отправляйте его в больницу, это не имеет ни малейшего смысла, пусть лучше он умрет здесь, рядом со мной, рядом со своими книгами, со своими бумагами». И Адам остался дома. В тот день в гости пришел Войцех Карпинский. Они, естественно, долго говорили, и настал момент, когда я решила, что Адаму уже устал от разговора, позвала гостя в кухню, будто бы поесть, а Адам ужасно разволновался и не отпускал его, все держал за руку и повторял: «Вы — последний человек из Польши, последний».

На похоронах был о. Спорный, и флаг ППС стоял у гроба. О. Миревич начал свою речь словами, что наконец-то настало время, когда священник-иезуит может произносить речь над могилой самого заслуженного социалиста и это не вызывает никаких возражений. А я через несколько лет после смерти мужа крестилась.

Когда я ехала в Польшу после 1989 г., мне было страшно не по себе, что еду я, а не Адам, что Адама больше нет. Я не ожидала такой встречи в аэропорту, Ян Юзеф Липский действительно очень постарался. В Кракове я хотела пойти в университет, но не пошла, потому что боялась, что расплачусь, не смогу говорить. Не пошла я и к дому, где мы жили, тоже боялась расплакаться. Да и по Кракову-то я ходила, чуть не плача, чуть не плача. Психологически я была разбита. Но и счастлива, что приехала, что доехала. Из товарищей по партии моих времен уже почти никого не осталось.

Вся моя жизнь с краковских, с университетских и далее времен — это была жизнь с Адамом, самая счастливая. Несчастье нас встретило со смертью сына. Думаю, когда человеку 92 года, то определенные вещи кончаются, и... через неделю мне предстоит операция — как завершится, неизвестно. Но ни о чем в моей жизни я не жалею.

Витольд Гадамский

КАК ПЕРЕЖИТЬ РЕФОРМЫ?

В последние 12 лет все польские правительства сталкиваются с практически одинаковой динамикой изменения своей популярности в обществе. Вначале их рейтинг высок, что отражает надежды избирателей, только что проголосовавших за новое правительство — более компетентное, менее коррумпированное, более ответственное. Затем наступает некоторое снижение популярности — избиратели как будто удивляются, что правительство не выполняет своих обещаний. И наконец — резкое падение настроений в обществе и убежденность, что политики в очередной раз предали своих избирателей, изменили тем идеям, которые они торжественно провозглашали, и собственной программе.

Точно так же дело обстоит и сегодня. Недавние выборы в Сейм ознаменовались крупнейшим после 1989 г. триумфом «Союза демократических левых сил» (СДЛС), который завоевал почти половину депутатских мест в Сейме, — но уже через три месяца после выборов показатели популярности правительства Лешека Миллера ниже, чем были соответствующие цифры для правительства Ежи Бузека ровно четыре года назад.

Основная причина этого проста: очередные правительства — с большим или меньшим энтузиазмом — претворяют в жизнь программу экономических и социальных реформ, делая это вопреки желанию значительной части общества.

Почему же каждый раз повторяется одна и та же схема: политики обещают одно, делают другое, а люди чувствуют себя обманутыми? Потому что реформы должны быть доведены до конца, а макроэкономическую политику нужно проводить ответственно. Политики это, как правило, понимают, даже если в ходе предвыборной кампании и говорят нечто иное, тогда как значительная часть населения — не понимает (или не хочет понимать).

Рыночная экономика в Западной Европе основана на понятиях и механизмах, которые укоренились столетиями: на частной собственности, контрактном и торговом праве, кредитах, которые нужно возвращать, банкротствах и т.д. Любое покушение на эти институты рассматривается как безусловное преступление.

Социалистические партии, которые в начале XX века целиком и полностью вписались в политическую систему Европы (то есть стали частью «истеблишмента»), повышали налоги, проводили национализацию, но, несмотря ни на что, основы рыночных институтов сохранились. «Тэтчеровская революция» для некоторых была шоком, но она при этом обращалась к разуму и пониманию собственных интересов различных групп общества, в том числе и наемных работников.

Многие избиратели голосовали за консерваторов, потому что им уже опостылело своеволие и беспредел профсоюзов, действия которых большинство британских граждан считало неэтичными и противоречащими интересам общества.

Януш КОРВИН-МИККЕ

лидер «Унии реальной политики»

В общих чертах общественно-политические системы выглядят так:

Маоизм:

у меня есть три коровы; государство забирает все три, забивает их, а мясо делит поровну.

Коммунизм:

у меня есть три коровы; государство забирает их в колхоз, где они сдыхают с голода.

Национал-социализм:

у меня есть три коровы; государство забирает две и выменивает их на пушки («вместо масла»).

Фашизм:

у меня есть три коровы; государство устанавливает верхний предел цен на молоко, а коров велит пометить бирками, чтобы я их нелегально не съел.

■ **Социализм:**

у меня есть три коровы; государство силой забирает у меня молоко, которое я потом могу купить в государственном магазине на карточки.

■ **Социал-демократия:**

у меня есть три коровы; государство скупает у меня молоко и раздает его даром в школах, где детишки выливают его в раковину.

■ **«Государство всеобщего благосостояния»:**

у меня есть три коровы; я вынужден продать одну из них, чтобы мне хватило на обязательные ветеринарные освидетельствования и на налоги за те две, что у меня остались.

■ **Евросоциализм:**

у меня есть три коровы; государство требует забить одну из них, потому что коров стало слишком много, и другую — потому что у соседа корова заболела ящуром.

■ **Капитализм:**

у меня есть три коровы; я продаю одну и покупаю быка!

*Из беседы
с Уришулей Михальской,
«Тыгодник цехановский»,
5 февраля 2002*

Многие польские политические группировки, в особенности правые, полагают, что госпожа Тэтчер может служить нам примером и образцом и что ее политику можно (и нужно) проводить в наших условиях. Я в этом не убежден. Дело не только в том, что преобразования в Польше и соседних с ней странах были несравнимо глубже, чем те, которые принесла с собой «тэтчеровская революция». Гораздо важнее тот факт, что британские демократические механизмы давно укоренились и их никто не подвергает сомнению: общество умеет ими пользоваться и вполне сознает, что именно в политике и экономике лежит в пределах возможного, а что — очевидная утопия. Полякам провести это различие значительно труднее. Неудивительно, что они чаще, чем жители Западной Европы, высказываются за утопию.

Легко доказать — и экономисты уже неоднократно это сделали (разумеется, в теории), — что наибольшую выгоду общество получает, когда полагается на законы (и вердикты) свободного рынка. Поэтому экономическая политика должна сводиться к охране свободной конкуренции и к тому, чтобы обеспечить всем гражданам одинаковые исходные возможности. Однако политики подвергаются давлению различных групп, которые стремятся обеспечить себе более благоприятные условия, чем у всех остальных.

Демократический механизм не ликвидирует давления групп, отстаивающих свои корпоративные интересы, — он лишь направляет его в упорядоченное русло. Каждые несколько лет мы идем на выборы, голосуя за то или иное правительство и его политику. Но если на выборах побеждает партия, которая намерена ввести закон или регламентацию, ставящие под угрозу наши интересы, мы стараемся не допустить осуществления ее программы.

Нет никакой нужды получать большинство голосов на выборах, чтобы эффективно разыгрывать свою партию на политической шахматной доске. Более того, чем менее многочисленна группа, чем более она сплочена и чем четче осознает свои интересы, тем выше может оказаться ее эффективность. Примером могут служить западноевропейские крестьяне, составляющие менее 5% от общего числа избирателей, — их влияние на экономическую политику Евросоюза и входящих в него стран несоизмеримо выше.

Чрезмерное выпячивание интересов какой-либо одной группы всегда идет вразрез с интересами большинства населения. По сути дела, каждая профессиональная группа, отрасль бизнеса, регион страны или даже возрастная категория имеет свои интересы, которые стремится удовлетворить. Они используют свои деньги, становясь спонсорами избирательных кампаний конкретных политиков; они используют свое влияние в СМИ, симпатии в других группах общества (кто, например, осмелится затронуть интересы пенсионеров?), а также свою роль «блокирующего меньшинства» на местных выборах и т.п. Нередко группы, лоббирующие корпоративные интересы, провозглашают демагогические лозунги, стремясь доказать, что их партикулярные интересы совпадают с интересами большинства.

Западные общества привыкли к подобным играм, понимают их следствия и знают, где проходят допустимые границы этих по-

литических игр. При этом все отдают себе отчет в том, что действия групп, отстаивающих корпоративные интересы, могут угрожать демократии и экономической эффективности страны. А правительства, в свою очередь, имеют возможность принимать решения вопреки интересам этих влиятельных групп, опираясь на поддержку «молчаливого большинства» — граждан, которые понимают, что горластые лоббисты «решают свои вопросы» в ущерб интересам всего остального населения.

С другой стороны, в посткоммунистических странах политикам не удается завоевать поддержку большинства, которая могла бы противодействовать нажиму групп, борющихся за очередную «халяву», тогда как прорыночное лобби все еще не слишком влиятельно. Эта ситуация имеет несколько причин.

Прежде всего, структура общественных интересов уходит корнями в предшествующую систему. От социализма мы унаследовали крупные и неэффективные предприятия, ориентированные на внутренний или советский рынок, несколько неизменно убыточных отраслей (горнодобывающая и угольная промышленность!), слабое сельское хозяйство, в течение двух десятилетий (70-80-е гг.) получавшее от государства огромные субсидии, а также мелкие частные фирмы, существовавшие за счет недостатков и упущений социалистического потребительского рынка. В процессе реформ это наследие подвергается преобразованиям, а тем самым затрагиваются интересы групп, связанных с прежней структурой экономики. Эти реформы приносят свои плоды (сегодня страна в целом на 30% богаче, чем в 1989 г.), но отдельные группы могут испытывать ухудшение своего положения — субъективно, но также и объективно, как это происходит с безработными, крестьянами, работниками бывших госхозов.

Социальные преобразования зачастую означают, что некоторые группы лишаются своих (экономически не оправданных) привилегий. Последние коммунистические правительства в Польше полагали, что социальное спокойствие зависит прежде всего от доступности продовольственных товаров (главным образом мяса) по низким ценам. Поэтому сельскохозяйственную продукцию государство скупало у крестьян по сравнительно высоким ценам, а продавало покупателям — по низким. К тому же крестьяне получали кредиты, процентная ставка которых была ниже уровня инфляции, а иногда задолженность просто погашалась. Все это привело к катастрофическому финансовому положению государства в 1989 г., каковое и унаследовало правительство Тадеуша Мазовецкого. С точки зрения интересов всей экономики подобные дотации были патологией, к тому же имевшей под собой политическую мотивировку — страх перед массовыми забастовками. Однако выгоду из этой патологии извлекало крестьянство, и потому ее ликвидацию оно восприняло как ухудшение своей ситуации.

Преобразования начались с введения рынка, то есть реальных цен. Одновременно наступила либерализация внешней торговли, что позволило сравнить цены и издержки внутри страны и на мировых рынках. Рынок и свободные цены привели к разрушению мифов — например, о том, что польская горнодобывающая отрасль рентабельна, металлургическая отрасль производит самую дешевую в мире продукцию, а производительность сельского хозяйства выше, чем в странах Евросоюза. Тем самым были подорваны самые разнообразные интересы. В стабильных и более развитых странах приговор рынка — вполне убедительный аргумент. Его можно оспаривать, но обжаловать его невозможно. А вот в Польше это вполне возможно: значительная часть людей вообще не признает вердиктов рынка, по-прежнему рассуждая в категориях прошлой эпохи: «они это заслужили, потому что работа у них тяжелая» или «надо им это дать, потому что они в этом нуждаются».

Политики в Польше вынуждены считаться с тем, что в течение еще многих лет политика, которую они проводят, будет оставаться непопулярной. Чем быстрее и эффективнее будут идти реформы, тем выше риск возникновения напряженности в обществе. Это выглядит как парадокс, особенно болезненный для политиков, вышедших из кругов демократической оппозиции. Как можно проводить политику вопреки значительной части избирателей? Политики плохо чувствуют себя в подобном положении и пытаются справиться с этим различными способами.

Во-первых, они относятся к избирательным программам как к «красивым словам», которые после выборов уже ни к чему не обязывают. Иногда разрыв между программой и фактически проводимой политикой бывает огромен.

Во-вторых, правительство старается отвлечь внимание избирателей от процесса преобразований путем усиления политической напряженности.

В-третьих, политики стремятся приуменьшить достижения своих предшественников, чтобы лучше выглядеть на их фоне. Так происходит везде, но в Польше — в куда большем масштабе, чем в

западных странах. Однако опыт показывает, что время, выгаданное за счет критики предыдущего правительства, обычно невелико, а очерняя прошлое, правительство может загнать себя в ловушку. Настроения в обществе, и без того не блестящие, падают еще больше, затрудняя выход экономики из кризиса. К тому же ожидания избирателей по отношению к новому правительству могут оказаться завышенными. Действительно, если его предшественники делали глупость за глупостью, то теперь достаточно просто их не делать, чтобы положение сразу улучшилось.

В-четвертых, правительство может попытаться опередить события, ускорив темп реформ. Так поступило правительство Ежи Бузека, который намеревался большинство реформ провести в самом начале своего срока, чтобы потом уже спокойно «почивать на лаврах». Как закончилась эта история, всем известно. Некоторые реформы были плохо подготовлены, царил атмосфера хаоса и постоянной импровизации, некоторые министры совершили непростительные ошибки.

В-пятых, правительство хочет, чтобы перемен было как можно меньше. Четыре года правления СДЛС в коалиции с крестьянской партией ПСЛ (1993-1997) пришлось на период благоприятной конъюнктуры. Можно было сделать очень многое, особенно в сфере государственных финансов, — провести хотя бы одну из реформ, с которыми пыталось справиться следующее правительство, сформированное коалицией «Солидарности» и «Унии свободы»; можно было реструктурировать хотя бы угольную промышленность. Но коалиция СДЛС-ПСЛ решила, что чем меньше будет перемен, тем выше будет ее популярность. Действительно, поддержка СДЛС несколько повысилась, но это ни к чему не привело — через четыре года левые проиграли выборы и оказались в оппозиции. Сегодня коалиция СДЛС-ПСЛ вынуждена делать то, от реализации чего в свое время отказалась.

Ни один из вышеперечисленных способов не обеспечил прочных политических успехов, поскольку все правительства — быстрее или медленнее — все равно продолжали осуществлять экономические и социальные преобразования или хотя бы мириться с тем, что преобразования идут сами собой. А это вызывало разочарование у тех групп, которые считали, что они теряют свои привилегии или что их интересы недостаточно защищены.

В нынешний состав Сейма вошли политические группировки, которые, по всей видимости, всерьез помышляют о том, чтобы повернуть вспять рыночные реформы и вступить на некий «третий путь» — я имею в виду «Самооборону» и «Лигу польских семей». У них немного шансов прийти к власти, разве что в случае резкого ухудшения общественно-политической ситуации. То, что сегодня они не пользуются поддержкой большинства избирателей, так или иначе все равно недовольных существующей действительностью, свидетельствует об обнадеживающих перспективах для польских реформ. Можно полагать, что большинство избирателей, пусть даже обманувшееся в своих ожиданиях и недовольное, считающее, что реформы принесли им лишь ухудшение их личной ситуации, по сути дела примирилось с мыслью, что они все равно неизбежны и что попытка затормозить их привела бы к еще большим трудностям.

Есть и группа тех, кто в результате реформ оказался в выигрыше. Они тоже испытывают разочарование, недовольство низкой эффективностью государства, разгулом коррупции, политическими склоками — но при этом прекрасно понимают, что их интересы неразрывно связаны с преобразованиями. К вящему сожалению прорыночных политических группировок, численность этой группы растет пока еще медленно. Но когда-нибудь эта группа польского электората станет доминирующей. Быть может, это будет «молчаливое большинство», а может, и мощное прорыночное лобби.

Таким образом, пережить период социально-экономических преобразований оказалось гораздо труднее, чем можно было предполагать 12 лет назад, когда перемены в Польше только начинались. Единственное, что может радовать, — это то, что большая часть пути уже пройдена и мы видим «свет в конце туннеля». Этот свет — членство в Евросоюзе, то есть в клубе стран зажиточных и стабильных. И прежде чем мы выйдем из этого «туннеля», как политиков, так и большую часть трезво мыслящих людей ждет еще не один неприятный сюрприз. Но чем скорее мы пройдем завершающую часть пути, тем лучше. Быть может, лишь тогда начнет стабилизироваться наша политическая сцена, а избиратели будут руководствоваться более рациональными соображениями.

Эдмунд Мокшицкий

РУЧНОЙ КАПИТАЛИЗМ

Насколько глубоки преобразования нашей общественно-политической системы? Необходимо сказать сразу: они гораздо более поверхностны, чем это следует из нашей массовой самооценки и мнения западных СМИ.

СМИ, как им и полагается, живут в мире стереотипов. Профессиональные анализы специализированных западных центров касаются лишь отдельных аспектов польской экономики и не дают оснований для выводов обо всей совокупности системных преобразований.

Между тем наши элиты совершенно «по-марксистски», т.е. в духе холизма и конструктивизма, рассуждают о построении нового капиталистического порядка на развалинах тоталитарного социализма. В этом деле — деле системных реформ, построения демократии и свободного рынка — мы-де идем проторенным путем, используя опыт Запада. К сожалению, такое мышление антиисторично и чрезмерно оптимистично, хотя и не вполне ошибочно.

Начнем с самого главного. Цель любой реформы — преобразования в той или иной сфере общественной жизни посредством ее рационализации. Таким образом, говоря о «реформе системь», мы имеем в виду реформу систем адвокатуры, предпринимательства, высшего образования, здравоохранения и т.д. Однако, когда правительство Ежи Бузека приступало к своим четырем реформам, понятие системной реформы было уже двусмысленно. Одни имели в виду обоснованные изменения в административном делении страны, здравоохранении, образовании и системе пенсионного обеспечения, т.е. системные реформы в традиционном смысле слова. Другие исходили из того, что речь идет о чем-то большем — о четырех последовательных «системных» шагах на пути от социализма к капитализму. Поэтому, если мы совершенно справедливо скажем, что правительство Бузека возобновило процесс системных реформ, которыми в период правления коалиции «Союза демократических левых сил» и [крестьянской партии] ПСЛ никто всерьез не занимался, то прибегнем скорее ко второму языку, нежели к первому.

Какое значение имеет это различие? Самое принципиальное. Дело в том, что частичные преобразования, т.е. реформы в узком смысле слова, испокон веков являются хлебом насущным любого государства. Целостная же реформа, т.е. изменение общественного устройства в соответствии с заранее принятой концепцией, — начинание по определению революционное.

Как известно, история не знает эффективных и успешных целостных реформ, зато слишком хорошо знает кровавые революции, занимавшиеся радикальными политическими и общественными преобразованиями, а также разрушительные попытки построения нового утопического мира с помощью кровавого террора.

Можно ли построить капитализм «сверху» — в условиях, отличающихся от тех, в которых он сформировался в результате длительных, невероятно сложных, стихийных исторических процессов? До сих пор попытки радикальной рыночной модернизации экономики путем реформ «сверху» приносили самые разные результаты: получше или похуже, но всегда зависевшие от многих внеэкономических факторов и не вполне определенные.

Пожалуй, самый важный и чаще всего приводимый пример — это ошеломляющий успех «четырех азиатских тигров»: Гонконга, Тайваня, Сингапура и Южной Кореи. Однако если пример этот должен послужить аргументом в споре о польских преобразованиях — а именно в таком контексте его, как правило, приводят, — то необходимо помнить, что мы отличаемся от этих стран как культурой, так и расстановкой общественных сил.

Впрочем, есть и явное сходство. Ускоренное развитие «азиатских тигров» началось в атмосфере «холодной войны» и связанных с ней страхов перед «эффектом домино», т.е. угрозой вспышки коммунистических революций наподобие китайской в других странах Азии. «Азиатские тигры» — один из немногих позитивных примеров страте-

Рис. Ignacy Czwartkos

гии поддержки демократии путем содействия экономическому развитию. В этом смысле их развитие отвечает условиям «развития через приглашение», т.е. такого, когда второстепенная страна развивается посредством включения ее в сферу экономического влияния центра.

Польша развивается согласно этой модели со времен падения коммунизма. Пространство, именуемое сегодня (во многом вопреки исторической истине) Центральной Европой, сформировалось как выделенная часть посткоммунистической Восточной Европы, в частности, благодаря относительно привилегированным отношениям этого региона с Западом.

Эти отношения быстро привели в движение самопроизвольный механизм перемен. Вероятно, механизм этот укрепило бы членство государств Центральной Европы в Евросоюзе, однако пока что скромная финансовая помощь ЕС ограничивается главным образом выделением средств на реструктуризацию экономики. Предположение, что такая помощь может успешно способствовать развитию посткоммунистических стран, не было детально проанализировано, а опыт Восточной Германии, получившей на реструктуризацию своей экономики огромные средства, порождает множество сомнений.

Возможно, когда-нибудь польский эксперимент позволит нам ответить на многие вопросы, связанные с идеей системных преобразований. Сегодня, на двенадцатом году реформ, вопросов все еще очень много — пожалуй, даже больше, чем на начальном этапе.

Изначально как сторонники, так и противники шоковой терапии уверенно стояли на своем, были преисполнены веры в силу своих теоретических и идеологических аргументов. Одни говорили о «проверенных образцах», имея в виду нелиберальную экономическую модель, другие требовали «равного распределения затрат на реформы», что лишало смысла саму идею введения рыночной экономики. Сегодня мы уже располагаем эмпирическими данными: общеизвестны факты, все более различимы некоторые процессы и их глубокая обусловленность.

Прежде всего следует констатировать, что шоковая терапия не только принесла экономический успех, но и спасла Польшу от судьбы таких государств, как Украина, Молдавия, Румыния или Болгария. В исходной точке наша экономика находилась в состоянии такого развала, какого эти страны еще не знали. Зато с общественно-политической точки зрения мы были готовы встать на путь «социализма с человеческим лицом» — разумеется, под другим названием. Именно этот путь указывала программа «Солидарности», поддерживаемая широкими массами и, главное, соответствовавшая тогдашнему соотношению групповых интересов.

Успеха шоковой терапии польским реформаторам удалось добиться благодаря скорости действий в исключительной политической ситуации переходного периода. Принципиальный перелом в экономике наступил еще прежде, чем начали действовать демократические механизмы выражения групповых интересов.

Однако уже к концу 1990 г. начался процесс приручения реформы, т.е. такого переосмысления ее принципов, чтобы она не вела к ухудшению положения самых сильных и особенно решительно протестующих профессиональных групп. Логическим следствием этого стало торможение и изменение характера преобразований. Задуманные и предпринятые как орудие мирной общественно-политической революции, они начали быстро утрачивать свой радикализм и терять из виду поставленную цель, незаметно превращаясь в ряд не слишком связанных действий, за которыми стоял не столько целостный образ нового порядка, сколько необходимость реагировать на всё нарастающие проблемы, сводить к минимуму непосредственные угрозы (иногда стране, а иногда и властям) и ликвидировать особенно докучливые нелепицы реального социализма.

Таким образом Польша незаметно встала на путь системного синкретизма, который возник не столько в силу компромисса различных идеологических направлений, сколько как равнодействующая стихийного натиска различных групп на все более безыдейный и коррумпированный политический класс.

Процессы, происходящие на нашей политической сцене, следует рассматривать именно в этом контексте. Последнее десятилетие принесло некоторую стабилизацию — сформировались экс-коммунистические левые силы, популистские правые и две партии центра, одна из которых («Уния свободы») действительно может считаться центристской, другая же (ПСЛ) претендует на эту роль исключительно в силу своей нескрываемой готовности входить во властные структуры с кем угодно.

В то же время это было десятилетие измельчания польской политики, сведения ее к технологии завоевания власти и максимального использования этой власти для умножения политического капитала. В политизированной

экономике такой капитал усиливает индивидуальные и групповые социальные позиции, а также приносит существенные материальные выгоды. Доступ к власти сделался в Польше еще лучшим орудием обогащения, чем в коммунистические времена, когда для сохранения видимости «пролетарской морали» аппетиты номенклатуры либо умерялись сурово-пуританским партийным руководством (в период Гомулки), либо скрывались — правда, неумело — за той или иной «желтой занавеской» [на окнах различных спецраспределителей]. Впрочем, подобные или еще худшие вещи происходят сегодня во многих «новых демократиях» Восточной Европы.

Бесспорно и отчасти объяснимо, что политический класс демократической Польши сохранил или перенял многие черты додемократической власти. Польский пример показывает, что в Восточной Европе процедурная демократия сама по себе не заставляет радикально изменять стиль правления. Те, кто замечает в нашей стране признаки консолидации демократии, правы, но лишь в чисто описательной сфере. Они ошибаются, отождествляя эту консолидацию с реализацией извечной мечты о демократической Польше.

Однако ключ к такой Польше — в руках общества. К сожалению, наше общество до сих пор представляет собой силу, способную только реагировать: несмотря на огромное недовольство всеми существующими политическими структурами, оно не в состоянии породить никакой альтернативы нынешним группировкам. Это подтверждает и неожиданная, стихийная поддержка «Гражданской платформы», которую значительная часть недовольного общества сочла очередной надеждой на позитивную «антиполитику», хотя «Платформу» породили конфликты в среде либеральных политиков, а отнюдь не гражданское политическое движение «снизу».

Нельзя исключать, что часть политического класса возьмется за ум, хотя пример «Унии свободы» и СДЛС показывает, что по мере приобретения партией массового характера ее руководство теряет контроль над аппетитами и нахрапистостью своих представителей на местах, быстро деморализуемых легкостью, с которой можно «демократически» манипулировать местными общинами и безнаказанно присваивать общественное имущество.

Дрейфующие преобразования порождают явления неожиданные, хотя вполне понятные и легко объяснимые пост-фактум. В период шоковой терапии ее сторонники предполагали, что быстрое улучшение экономического положения страны принесет выгоду всему обществу. Они были правы, по крайней мере в том смысле, что, спасаясь от экономической катастрофы, Польша избежала скатывания значительной части общества к порогу биологического прозябания. Достаточно сравнить статистику, касающуюся уровня жизни в Польше с аналогичной статистикой, например, в России или на Украине, чтобы убедиться, что это не пустые слова.

В свою очередь критики шоковой терапии предсказывали резкий рост социального расслоения и возникновение огромного слоя людей, оказавшихся за чертой бедности. Они были совершенно правы, особенно в том, что касается второго пункта. Исследования проф. Эльжбеты Тарковской показали, что в настоящее время помимо «классической» нищеты людей, неспособных обеспечить себя ввиду тех или иных жизненных обстоятельств, появилась нищета иного рода — структурная, порожденная резкими изменениями экономической системы.

Добавим, что степень поражения общества новой нищетой и пути ее распространения зависят не столько от темпа перемен, сколько от существующей структуры общественных сил и от случая. Новая нищета наносит удар по всем слоям общества, по людям с различным образованием, квалификацией и мотивировками, подчас преуспевающим, которые становятся совершенно беспомощными перед лицом новых событий. Особенно яркий пример представляют собой те регионы Польши, развитие которых было тесно связано с нуждами экстенсивной плановой экономики или просто имперской политики Советского Союза. В этих местах происходит быстрое вырождение всей ткани общества, нищета поражает даже людей работающих, способных, образованных, предусмотрительных и предприимчивых. Бегство же из этих регионов очень затруднительно из-за хронической нехватки квартир и высокого уровня безработицы по всей стране.

Именно на этом примере хорошо видны результаты отсутствия ответственной политики преобразований, которая сопутствовала бы процессам приспособления к новым условиям хотя бы там, где имеется особо ценный «человеческий капитал». Существующая система социальной защиты, а также различные программы реструктуризации, погашения задолженностей и т.д. являют собой полную противоположность такой политике и пример преобладания силы над правом, справедливостью и принципами рационального распределения общественных средств. Наиболее щедро субсидируются самые сильные, хорошо организованные и боевые группы. Более слабые не в состоянии даже публично выразить свои интересы, а самые слабые — например, многочисленная армия бывших сельскохозяйственных рабочих из госхозов — идут на дно, в быстром темпе приобретая черты постсоциалистического «подкласса».

Падение на общественное дно происходит в Польше иначе, нежели на Западе, и имеет несравненно более деструктивный характер. В западных странах мы, как правило, имеем дело с разложенным на целые поколения процессом ломпензации немногочисленной части общества в силу сложившихся критериев отбора (справедливых или нет — это уже другой вопрос). В Польше резкое изменение самих критериев и его экономические последствия с большей или меньшей силой наносят удар по подавляющему большинству общества, которое вследствие этого определяет свое положение в категориях несправедливости и обмана.

Задачи, стоящие перед Польшей, выходят за рамки наших обычных познаний и воображения. Речь идет о проблемах, касающихся структуры общественных интересов, которые совершенно необходимо учитывать в стратегическом мышлении о системных преобразованиях. Эта тематика все еще не находит отражения в общественном дискурсе, если не считать банальных стереотипов, связанных с классовыми отношениями, привилегиями и т.п.; тем самым она, естественно, не может лечь и в основу реформаторских программ.

Именно в этом коренится источник торможения реформ, нарастания конфликтов, жестокой борьбы за местные интересы и постепенного возвращения утраченных позиций самыми сильными и агрессивными группами проигравших за счет самых слабых.

Успех команды Бальцеровича был связан с временной приостановкой нормальных политических процессов. Нынешняя экономическая стратегия уже определенно относится к сфере политической игры, зависящей от общественных процессов. В таких условиях «чистая экономика» и «чистая политика» — слишком хрупкая основа для мышления о смене общественно-политической системы.

gazeta

ЭДМУНД МОКШИЦКИЙ

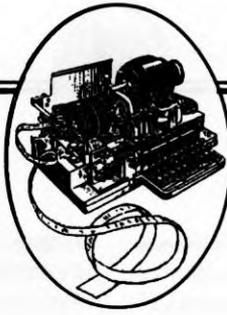
6 января 1937 — 4 августа 2001

Умер Эдмунд Мокшицкий, выдающийся социолог и философ науки, вдумчивый комментатор польской действительности — социалистической и нынешней, демократической. Вероятно, он был одним из самых выдающихся представителей послевоенной польской социологии. Эдмунд Мокшицкий преподавал в Варшавском университете, в Европейском колледже в Натолине, в Школе общественных наук и департаменте социологии Центральноевропейского университета, а также в известных зарубежных университетах, вел исследовательские работы в университетах Чикаго, Нью-Йорка, Беркли, Брюгге и Флоренции.

Ему мы обязаны тем, что польская и мировая социология заняла должное место в современной польской культуре. Об этом могут свидетельствовать такие его труды, как «Принципы гуманитарной социологии» (Варшава, 1971), «Социология в философском контексте» (Варшава, 1990), а также опубликованные им антологии (например, двухтомный сборник «Кризис и раскол: антисциентистские тенденции в современной социологии», Варшава, 1984) и многочисленные монографии, посвященные научной и социальной рациональности, теоретическим и методологическим моделям в польской и мировой социологии, познавательным и общественным функциям социологии.

На протяжении долгих лет Эдмунд Мокшицкий был членом редакций многочисленных польских и зарубежных социологических журналов, а также членом многих важных для общественной и научной жизни советов, комитетов и обществ. Достаточно вспомнить огромную роль, которую он сыграл в Польском социологическом обществе, в Социологическом комитете ПАН, в Польском обществе политических исследований, в Консультативном совете по делам науки при президенте Польши и Консультативном совете по делам государственных системных реформ при председателе совета министров; он был также представителем Польской АН при Международном совете общественных наук (ISC), членом правления Фонда им. Стефана Батория и многих других.

В мае прошлого года на семинаре Ежи Едлицкого в Институте истории ПАН проф. Эдмунд Мокшицкий прочел свой последний, как оказалось, доклад — «Какова наша демократия» (о ней он говорил критически). В июне он сдал в печать две книги: одну — своего, другую — коллективного авторства; их бесспорным героем стала современная форма «демократии по-польски» со всеми ее внутренними трудностями и ограничениями как в сфере ценностей, так и в сфере институтов. Своей книге он дал знаменательное заглавие «Несентиментальный итог».

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

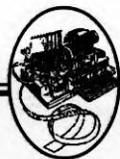
■ Президент Александр Квасневский о президенте Владимире Путине: «Он производит очень хорошее впечатление. Как лидер и президент он располагает огромной властью, но ведет себя скромно, очень естественно. В нем нет высокомерия, патернализма или какой-то отчужденности, маски, которая мешала бы общению (...) Он очень конкретен, компетентен, знает, о чем говорит. Весьма практичен, избегает пафоса. Путин — это человек, который задает вопросы, и это в нем тоже трогательно. Он не заявляет: «Мы лучше знаем». Он ведет себя не как глава империи, знакомой нам в прошлом. (...) В современном мире, по-видимому, сложилась готовность к сотрудничеству, потому что все поняли, что мир — система сообщающихся сосудов. Самую ничтожную хитроумную интригу стало невозможно скрыть. Шимон Перес мудро сказал, что мир XXI века должен считаться с несколькими совершенно новыми фактами. Во-первых, в наши дни очень трудно пользоваться исключительно военными методами. (...) Танк, как это случается на войне, переедет ребенка, и весь мир отвернется от этой страны. В глобальном мире военные возможности весьма ограничены. Во-вторых, теряют значение традиционные с XIX века тайные дипломатические переговоры. Сегодня дипломат убежден, что провел тайные переговоры, но не успеет он сесть в самолет, как Си-Эн-Эн уже передает их содержание. Поэтому следует исходить из того, что мы играем при открытом занавесе. И, в-третьих, даже весьма амбициозный политик вынужден считаться с тем, что он принимает решения лишь по нескольким процентам существенных вопросов. Остальное — это торговля, экономика, культура, туризм, спорт, СМИ. (...) Есть смысл пожелать России стать стабильным, предсказуемым государством, истинным партнером «большой семерки» богатейших государств мира. Этот процесс будет идти многие годы, и одно из его условий — демократизация России, проведение открытой, не-имперской по отношению к кому бы то ни было политики. (...) Он [Путин] по-своему трогателен. Внутренне сосредоточен — может быть, так он был обучен. Я бы сказал, что он мне прямая противоположность: я человек непосредственный, а он довольно замкнутый, но в то же время готовый к разговору, готовый слушать». (*«Вива!»*, 28 января)

■ «Премьер-министр Лешек Миллер встретился в Вашингтоне со всеми значительными лицами в правительстве США — от президента Буша до директора ЦРУ. (...) Лешек Миллер заверил Буша, что от сближения России с НАТО Польша только выиграет». (*Бартош Влодарчик из Вашингтона, «Газета выборча», 12-13 января*)

■ Во время конференции «Россия и Запад после 11 сентября», организованной в Варшаве Фондом им. Стефана Батория, Сергей Рогов, директор Института США и Канады Российской АН, спросил, почему в рамках сближения НАТО и России до сих пор не выдвинуто предложение расширить размещенный в Щецине польско-датско-немецкий Северный корпус, включив в него российское подразделение из Калининграда: сотрудничество простых военнослужащих может оказаться лучше любых соглашений или инспекций по контролю над вооружениями. Бывший министр обороны Польши Януш Онышкевич ответил: «На протяжении ряда лет мы усиленно приглашали в Щецин какую-нибудь делегацию из России, чтобы она своими глазами убедилась, что такое Северный корпус, но наши старания оставались тщетными». Стивен Ф. Ларранби, заведующий кафедрой европейской безопасности в вашингтонском исследовательском институте корпорации «Рэнд», спросил: «Если предложение расширить Северный корпус за счет включения российских военнослужащих обладает какими достоинствами, почему его до сих пор не выдвинуло правительство в Москве?» (*Мариан Войцеховский, «Газета выборча», 12-13 января*)

■ По словам Криса Паттена, комиссара по иностранным делам Евросоюза, ЕС не согласен, чтобы через Польшу и Литву шел «коридор», по которому жители Калининградской области будут свободно ездить в Россию и обратно. Как говорят чиновники Европейской комиссии, Россия отказывается обсуждать этот вопрос с Брюсселем, зато пытается заставить Польшу и Литву вести с ней на эту тему двусторонние переговоры. Пресс-секретарь К.Паттена Гуннар Виганд заявил, что этот вопрос должен обсуждаться между Москвой и Брюсселем. (*«Жечпосполита», 29 января*)

■ Владимир Лукин, заместитель председателя партии «Яблоко»: «Роль регионального лидера для Польши естественна. Это самая большая страна в этой части континента, и страна с глубоко укорененной демократией. В этом никто не сомневается. Но многое из того, что Польша предлагает, но-

сит антироссийский характер. Какие-то попытки реанимации средневековых отношений с Украиной за счет России. Это нереально и опасно. (...) Польша могла бы помочь России, Украине и Белоруссии более гладко войти в европейскую семью». (*«Газета wyborча»*, 14 января)

■ Находясь с визитом в Киеве, премьер-министр Лешек Миллер заявил, что независимая и сильная Украина — стратегический партнер и ценный сосед Польши. В свою очередь Польша хочет играть роль глашатая европейских интересов Украины. Одной из главных тем переговоров двух премьер-министров было строительство польской секции нефтепровода Одесса—Броды—Гданьск. Миллер обещал поддержку польским фирмам, которые примут участие в проектировании и строительстве этой нефтяной трубы, крупнейшей в нашей части света. (*«Жечпосполита»* и *«Газета wyborча»*, 5 февраля)

■ Власти Познани не позволили комитету «Свободный Кавказ» провести демонстрацию против войны в Чечне, которая должна была состояться во время визита президента Путина в этот город. (*«Газета wyborча»*, 16 января)

■ Польский «Союз сибиряков» направил президенту Путину открытое письмо, требуя возмещения ущерба примерно 50 тысячам еще живущих в Польше бывших ссыльных и эзков.

■ Из интервью со Збигневом Глужой, одним из создателей центра «Карта», в 20-ю годовщину его основания: «Мы искали для «Указателя репрессированных» данные о 60 тысячах поляков, вывезенных в 1940-1941 гг. в Архангельскую область. Их документы лежат в местном архиве КГБ, совершенно недоступном. Сотрудничающие с нами люди из «Мемориала» знали об этом, но увидеть документы не удавалось и им. В конце концов они убедили архивистов сделать на основе этой документации компьютерную базу данных с биографиями. Те согласились. (...) И оказалось, что они провели чрезвычайно добросовестную работу: у нас теперь есть полные списки с описаниями судеб всех депортированных в эту область, включая данные о том, кто где умер, где похоронен. (...) Однако по-прежнему сотрудничество с архивами к востоку от Польши бывает успешным лишь в порядке исключения. (...) По нашим данным, в 1939-1945 гг. на восточных польских землях были убиты, интернированы, депортированы, арестованы около 566 тыс. польских граждан. В окончательных проверенных списках мы располагаем данными о 73 174 лицах — личные данные, ход репрессий, ссылки на все источники. То есть более или менее восьмая часть. Обработанные списки мы публикуем в очередных выпусках указателя». (*«Газета wyborча»*, 24 января)

■ Проф. Бронислав Геремек и Марек Эдельман (последний оставшийся в живых член командования восстанием в варшавском гетто, 1943) были гостями Бундестага в День памяти жертв нацизма. На встрече с немецкой молодежью Марек Эдельман сказал: «Я приехал посмотреть, что у вас в головах. Многие приезжают ко мне, чтобы я отпустил им грехи или сказал, как жить. Вот я вам и скажу: нельзя не только стрелять, но и быть пассивными. Надо стоять на стороне слабого. Тогда вы будете в согласии со своей совестью, тогда будет другая Германия». (*«Газета wyborча»*, 29 января)

■ Апелляционный суд в Познани оставил в силе приговор 79-летнему Генрику Мане за активную помощь гитлеровцам в истреблении евреев в 1941-1943 гг. в лагере уничтожения в Хелме-на-Нере. Маня был одним из восьми польских членов вспомогательного персонала, избивал привезенных людей, отнимал у них ценные вещи и одежду, а затем загонял в душегубки. Это первый вступивший в силу приговор по обвинению, выдвинутому прокурором следственного отдела Института национальной памяти. (*«Жечпосполита»*, 6 февраля)

■ Во вроцлавском убежище для бездомных проходит выставка фотографий антисемитских надписей на стенах города. Автор фотографий — 14-летняя гимназистка, которая в прошлом году сфотографировала свыше 700 таких надписей. Фамилию свою она, однако, не решилась обнародовать. (*«Ньюсуик-Польша»*, 20 января)

■ Беженские центры с трудом вмещают иностранцев, просящих политического убежища в Польше. За последнее время восемь центров приняли 1600 человек. Самую многочисленную группу беженцев составляют свыше двух тысяч чеченцев. Однако лишь 5% пришельцев с Кавказа могут рассчитывать на получение убежища. Во второй половине 2001 г. убежища попросили 370 беженцев из Афганистана. Число всех прошений о предоставлении убежища в 2001 г. достигло 5 тысяч. Статус беженца в прошлом году получили 285 иностранцев, в том числе полтора десятка семей. (*«Жечпосполита»*, 15 января)

■ Ректоры краковского Ягеллонского университета и московского РГГУ подписали договор об обмене студентами и преподавателями и о проведении совместных исследований. Ягеллонский университет подпишет аналогичные договоры также с Московским и Санкт-Петербургским государственными университетами. (*«Газета wyborча»*, 21 января)

■ Группа известных польских политиков (в т.ч. Владислав Бартошевский, Чеслав Белецкий, Бронислав Геремек, Тадеуш Сирийчик) направила правительству обращение по поводу контракта с «Газпромом» на поставки газа в Польшу. В нем, в частности, говорится: «Шаги правительства по восстановлению контроля над «Европольгазом» [владельцем польского отрезка Ямальского газопровода] и сделанные назначения [в Управлении польской нефте- и газо-

добывающей промышленностью — УПНГП вызывают ряд сомнений и порождают опасения: не ставятся ли интересы одной из частных фирм выше интересов польской экономики? Энергетическая безопасность нашей страны, не располагающей достаточными залежами газа, требует поставок газа из нескольких источников. Для сохранения этой безопасности рекомендуется, чтобы объем поставок газа из одного источника не превышал 30% общего объема поставок. Между тем Польша, если не считать отечественной добычи газа, почти целиком зависит от одного поставщика». (*«Газета выборча», 10 января*)

■ Новыми представителями УПНГП в наблюдательном совете «Европольгаза» стали лица, связанные с фирмой «Бартимпэкс» Александра Гудзоватого (тоже члена этого наблюдательного совета). (*«Газета выборча», 12-13 января*)

■ «В своем отчете перед депутатами премьер-министр Лешек Миллер сообщил, что некогда взял кредит в Банке европейского сотрудничества, контролируемом Александром Гудзоватым. Кредит был предложен всему жилищному кооперативу «Дембина», членом которого является премьер-министр. Это предложение в деятельности банка — исключение: банк в принципе не предоставляет жилищных кредитов. (...) Премьер с негодованием отверг предположения, что кредит от Гудзоватого может повлиять на решения о поставках газа. (...) Однако я рекомендую господину премьер-министру сменить банк. Из принципа. Ибо эта особая услуга дембинскому кооперативу — еще одно проявление тесных связей Гудзоватого с кругами «Союза демократических левых сил»». (*Петр Пацевич, «Газета выборча», 8 февраля*)

■ Во время состоявшегося в Познани II экономического форума «Польша—Россия», в котором участвовали президенты Александр Квасневский и Владимир Путин, были, в частности, подписаны контракт о монтаже автобусов и троллейбусов в Калининграде (польская фирма «Засада-груп» и российская «Автотор»), договор о сотрудничестве между банками (польские Банк продовольственной экономики и «Кредит-банк» с российским Внешторгбанком), соглашение об экономическом арбитраже (Польская экономическая палата и Торгово-промышленная палата РФ). (*«Жечпосполита», 17 января*)

■ «Больше всего (т.е. треть) фирм с участием иностранного капитала, зарегистрированных в Калининградской области, принадлежат полякам. Однако с точки зрения сделанных капиталовложений мы всего лишь на шестом месте. (...) Поляки делают инвестиции в импорт минеральных удобрений, продовольственную продукцию, мебельную промышленность и строительство. Польские предприниматели хотели бы инвестировать больше, но их отталкивает нестабильность предписаний, отсутствие регулирования земельной собственности и

невозможность застраховать капиталовложения из-за отсутствия крепких банков и страховых обществ. Заинтересованы в сотрудничестве с Калининградской областью и польские крестьяне из Поморья и региона Вармия и Мазуры: последние десять лет продовольственные потребности области обеспечиваются импортом из Польши». (*Томаш Телюк из Калининграда, «Тыгодник повсехний», 10 февраля*)

■ Высшая школа торговли и права им. Р.Лазарского в Варшаве первой открыла курсы повышения квалификации дипломированных специалистов, желающих специализироваться в торговле со странами Восточной Европы. (*«Жечпосполита», 14 января*)

■ Начала свою деятельность Государственная аттестационная комиссия по высшей школе. Задача комиссии — заботиться об уровне высшего образования. Комиссия будет оценивать уровень обучения, давать рекомендации по заявлениям об открытии новых вузов и лишать полномочий те вузы или факультеты, которые получают плохие оценки. В комиссии 65 представителей различных дисциплин, работающих в десяти тематических группах. Председатель комиссии — проф. Анджей Ямёлковский, физик из торунского Университета им. Николая Коперника. (*«Жечпосполита», 12-13 января*)

■ Согласно опросу ЦИОМа, если бы референдум о вступлении Польши в Евросоюз проводился в январе 2002 г., в нем приняли бы участие 75% польских избирателей. 69% из них голосовали бы за вступление, а 18% — против. (*«Жечпосполита», 23 января*)

■ В прошлом году погранохрана завернула обратно почти 8 тыс. граждан государств-членов Евросоюза, уверенных, что Польша — уже член ЕС и поэтому им не требуется предъявлять паспорта [а достаточно, как внутри ЕС, удостоверения личности]. (*«Ньюсуик-Польша», 20 января*)

■ Европейская комиссия на пять лет лишила Польшу доступа к рынку товарных перевозок по автодорогам стран ЕС. Причиной этого стало требование Польши предоставить ей 13 лет на доведение своих транзитных дорог до европейских стандартов. (*НР, 20 января*)

■ Документ Еврокомиссии о претворении в жизнь директивы ЕС об охране животных во время транспортировки крайне невыгоден для Польши. Согласно оценке Комиссии, польские грузовики для перевозки животных к ней не приспособлены: тесные, без отопления и вентиляции, не разделенные на боксы, со скользким и дырявым полом, с острыми краями, ранившими животных, которые падают и давят друг друга. В документе констатируются частые случаи жестокости к перевозимым животным: их бьют, а также, засовывая в задний проход электрические дубинки, подвергают действию электрических разрядов. С мая 2002 г. в Польше вступят в действие новые предписания, начнет свою деятельность транспортная инспекция, уполномо-

ченная применять силу и оружие против транспортников, оказывающих сопротивление. По словам депутата Хелены Гуцвинской, иностранные контролеры потрясены польской транспортировкой. Из Польши экспортируют — для большого веса — беременных кобыл, с той же целью коней поят водой с примесью цемента. (*«Газета выборча», 5 февраля*)

■ В 2001 г. поляки заняли второе место по числу зарегистрированных (т.е. прошедших предварительный отбор) жалоб в Европейский суд по правам человека в Страсбурге — 1763 жалобы, в основном относящиеся к затянутой судебной процедуре. Занимающие первое место граждане России подали 2108 жалоб, а французы, находящиеся на третьем месте, — 1117. Следующие места занимают Украина и Турция. (*«Жечпосполита», 2-3 февраля*)

■ В польской полиции служат сто тысяч человек. Случаи злоупотребления силой в течение года доказаны в отношении 72 полицейских, 69 из них уволены. (*«Жечпосполита» и «Газета выборча», 2-3 февраля*)

■ Свыше 3,1 млн. поляков не имеют работы. Главное статистическое управление сообщает, что в декабре 2001 г. безработица достигла 17,4%. Это самый высокий показатель за годы после 1989-го. (*«Жечпосполита», 23 января*)

■ «За размах польской безработицы и деконъюнктуры несут ответственность профсоюзы (...) добившиеся роста зарплат выше уровня, оправданного ростом производительности труда и стоимости продукции. Они вызвали рост затрат на оплату труда и различных социальных обязательств, успешно отпугивающих предприятия от создания новых рабочих мест. (...) Польские профсоюзы не хотят принять к сведению известное правило, говорящее, что чем выше зарплата и социальные взносы, тем выше безработица. Тем выше при этом затраты и тем ниже прибыль, тем ниже уровень капиталовложений, от которого зависит спрос на дополнительных работников». (*Вацлав Вильчинский, «Впрост», 3 февраля*)

■ Согласно опросу «Рентора», 49% поляков считают, что предприниматель должен иметь свободу найма и увольнения работников в зависимости от состояния предприятия. 44% — против этого. 9% считают, что предприниматель должен иметь право уволить работника, пользующегося медицинским освобождением от работы на срок больше месяца. 88% — против. (*«Впрост», 3 февраля*)

■ «По результатам последних выборов [парламентских, сентябрь 2001] можно сориентироваться, чего ожидают голосующие от государства и как они к нему относятся. 49,98% ждут увеличения выплат и пособий, 18% испытывают ненависть за то, что их оставили в стороне от преобразований, лишили выгод от нового положения вещей, лишив одно-

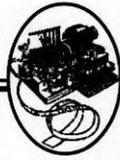
временно и того ощущения безопасности, какое дает невольнику рабство. 9,5% ожидают гарантий безопасности и справедливости, которые все они представляют себе по-разному, хотя считают, что существует какая-то единая норма справедливости. Всего 12,68% довольны и думают о совершенствовании государства, ибо часто на собственной шкуре испытывают его недружелюбное отношение к гражданину. (...) Свиристует безработица, но когда кто-то хочет дать безработным работу, желающих не находится — есть лишь такие, кто хочет получать пособие по безработице. Это явление распространено повсеместно, а значит, вся система борьбы с безработицей и пособий по безработице бессмысленна. (...) Дыра в бюджете дает надежду, что политики опомнятся и отойдут от тенденции увеличивать государственные выплаты, пособия и дотации. Что они, наконец, осмелятся сказать: страна бедна и не может продолжать жить не по средствам, ибо это ведет к краху». (*Анатолий Лавина, «Жечпосполита», 25 января*)

■ Роман Ягелинский, бывший вице-премьер и министр сельского хозяйства: «В деревне живут крестьяне и фермеры. Фермеры — люди, получившие образование, — закончили по крайней мере профессиональное училище, читают журналы по своей отрасли, модернизируют производство — они-то и снабжают наш рынок продовольствием. Живут в деревне и крестьяне — люди, как правило, лишь с неполным средним образованием; об их трудолюбии говорить трудно: у них такие маленькие хозяйства, что они не используют своих сил полностью. Продовольствие, которое они производят, действительно содержит немного химических добавок, да только они это продовольствие не продают, а съедают сами. То, что попадает на наш рынок, идет из крупных хозяйств, где использование химических средств близко к среднему по Евросоюзу. В настоящее время у нас только 120 тыс. таких хозяйств — около 6%. Когда их станет 25%, польское сельское хозяйство избавится от угрозы [западной конкуренции]». (*«Газета выборча», 24 января*)

■ Уже тысяча голландцев занимаются сельским хозяйством в Польше. Граждане Голландии арендуют 25 тыс. гектаров земли, а акционерные общества, где голландский капитал не превышает 49%, — еще 12 тысяч. Голландцы после немцев и датчан — третья по численности группа иностранцев, которые ведут хозяйство на земле, арендованной в Польше. Занимаются они в основном разведением скота. (*«Ньюсуик-Польша», 3 февраля*)

■ Один миллион поляков получают зарплату с опозданием. Два миллиона не получают премий, наград и надбавок за сверхурочную работу. (*«Ньюсуик-Польша», 20 января*)

■ Министерство финансов признаёт вероятность того, что под конец года внутренний долг может превысить половину ВВП. В таких обстоятель-

вах закон запрещает госбюджету делать новые долги и увеличивать бюджетный дефицит. Причины создавшегося положения — плохая экономическая конъюнктура и неконтролируемое повышение задолженности местных органов самоуправления, а также государственных и муниципальных больниц. (*«Жечпосполита», 18 января*)

■ ВВП (валовой национальный продукт) в 2001 г. возрос на 1,1% (в 2000 г. этот рост составил 4%), а спрос внутри страны упал на 2% (в 2000 г. — на 2,8%). (*«Тыгодник повсехный», 10 февраля*)

■ Лешек Бальцервич: «Состояние польской экономики куда лучше, чем можно судить по большинству даваемых оценок. В принципе за последние полтора года удалось во многом преодолеть проблемы, представляющие опасность для здорового долгосрочного роста: наполовину снижен дефицит в расчетах с заграницей (с более чем 8% до менее 4%), уменьшена и инфляция (с опасного уровня 11% в июле 2000 г. до 3,6% в декабре 2001 г.). Это означает, что укрепляются макроэкономические основы развития. Разумеется, мы зарегистрировали и замедление экономического роста, но его надо сравнивать с положением, которое возникло бы, если бы вышеназванные опасности остались на прежнем уровне. Польская экономика в долгосрочной перспективе оказалась бы тогда в куда более трудном положении. (...) Я надеюсь, что Польша вступит в Евросоюз в первой очередности и как можно быстрее примет евро. К счастью, за это выступают 68% поляков». (*«Тыгодник повсехный», 10 февраля*)

■ Все больше родителей открывают банковские счета своим детям. Если ребенок хочет и умеет экономить, он может отложить кругленькую сумму, так как процентная ставка на детских счетах чаще всего выше, чем на обычных. (*«Газета wyborча», 12-13 января*)

■ Стоимость польского экспорта в 2001 г. достигла около 30,3 млрд. долл. Это на 7% больше, чем в 2000 г. Импорт возрос на 1% и составил около 42 млрд. долл. Дефицит текущих оборотов упал в 2001 г. по сравнению с 2000-м с 10 до семи миллиардов долларов. Это составляет 4% ВВП и считается безопасным. В 2000 г. этот дефицит составлял 6,2% ВВП. Все это означает, что польские экспортеры пережили и укрепление злота в 2001 г., и экономическое ослабление внутри Евросоюза — главного торгового партнера Польши. (*«Жечпосполита», 1 февраля*)

■ Кшиштоф Козловский, бывший министр внутренних дел в правительстве Тадеуша Мазовецкого: «Лишь в одном все польские СМИ согласны: министр Збигнев Семёнковский подготовил проект закона о спецслужбах не только для того, чтобы вместо Управления охраны государства (УОГ) и Военной информационной [разведывательной] службы создать Агентство разведки и Агентство внутренней безопасности, но также — а может

быть, прежде всего — для того, чтобы дать возможность возвращения на службу старым сотрудникам Службы безопасности ПНР, притом как вышедшим на пенсию, так и прошедшим в 1990 г. проверку, по результатам которой им было запрещено служить в УОГ и полиции. (...) Таковы факты — и тут не помогут запутанные объяснения министра Семёнковского, разве что Сейм или президент внесут поправки в предложенный законопроект. Оптимисты считали, что СДЛС все больше рвет связи со своими корнями, уходящими в коммунистическое прошлое. Однако порой кажется, что он прямо к ним возвращается». (*«Тыгодник повсехный», 27 января*)

■ Попытка ограничить люстрацию не удалась. Сейм постановил, что бывшие сотрудники разведки и контрразведки по-прежнему будут проходить люстрацию и что определение сотрудничества не изменится. Кроме того, Сейм признал, что люстрационный суд не сможет закрывать дела о люстрации за недостатком доказательств и что разбираательства по этим делам будут открытыми. (*«Жечпосполита», 26-27 января*)

■ На протяжении целого дня депутаты «Самооборонь» не давали Сейму рассмотреть предложение о лишении Анджея Леппера парламентского иммунитета по ходатайству генерального прокурора. Предложение так и не было рассмотрено, однако, не из-за «Самооборонь», а потому, что депутат Витольд Фирак из СДЛС, докладчик комиссии по регламенту, «по причине злоупотребления спиртными напитками» был не в состоянии представить Сейму доклад этой комиссии. (*«Жечпосполита», 25 января*)

■ Большинством 281 голоса Сейм лишил Анджея Леппера парламентского иммунитета. Против голосовали 87 депутатов, семеро воздержались.

■ Согласно опросу ЦИОМа, общественная поддержка Анджея Леппера упала: в октябре 2001 г. ему доверяли 53% поляков, на рубеже 2001 и 2002 гг. — только 38%. (*«Ньюсуик-Польша», 3 февраля*)

■ Депутат Витольд Фирак, который «по причине злоупотребления спиртными напитками» был не в состоянии представить Сейму доклад комиссии по регламенту, исключен из парламентской фракции СДЛС и отказался от членства в комиссии и от всех партийных постов: он был членом Национального совета и Национального исполнительного комитета СДЛС. (*«Жечпосполита», 26-17 января*)

■ Проф. Анджей Айненкель, историк: «В истории польского парламентаризма ни разу не было ничего, что можно сравнить с нынешними событиями. Я не знаю случая в межвоенный период, чтобы в парламенте укрывались люди, на которых заведено уголовное дело. (...) До войны (...) звание депутата было равнозначно посвящению в рыцари, и люди уважали депутатский мандат, независимо от уровня образования депутата и избирателя». (*«Жечпосполита», 26-27 января*)

■ «Отсутствие публичной дискуссии, порождающей просвещенных граждан, приводит к тому, что наша

демократия довольно сомнительна. Ибо демократия опирается на идеал просвещенного гражданина. Когда же гражданин не просвещен, то и всеобщее голосование приобретает весьма сомнительную ценность. (...) Наша конституция говорит, в частности, о терпимости, о том, что нельзя ненавидеть другие расы. В связи с этим я считаю, что треть парламента принесла лживую присягу. Демократии [в Польше] грозит опасность изнутри, ибо существует антидемократический потенциал, который попал в парламента». (*Мартин Круль, «Форум дзенникажи» [«Форум журналистов»], декабрь 2001*)

■ 85% поляков высказываются за прямые выборы войтов (сельских старост), бургомистров и президентов городов, 7% — против этого. На выборы местных органов самоуправления собираются пойти 62% поляков, 29% заявляют, что на выборы не пойдут. Опять-таки 62% поляков считают, что органы самоуправления оказывают реальное влияние на повседневную жизнь; 30% считают, что такого влияния у них нет. 45% участвующих в выборах отдадут свои голоса местным объединениям, 35% — общепольским политическим группировкам. (*«Жечпосполита», 4 февраля*)

■ На станции «скорой помощи» в Лодзи шоферы и диспетчеры на протяжении многих лет торговали информацией о скончавшихся пациентах. Владельцы похоронных бюро платили за тело до 1800 злотых. Есть также подозрения, что в некоторых случаях «скорая помощь» намеренно приезжала по вызову с опозданием или же по прибытии больному делали инъекцию павуллона — сильного средства, расслабляющее мышцы, в том числе дыхательные, что ускоряло смерть пациента. Это средство, примененное без подключения к аппаратуре искусственного дыхания, вызывает остановку дыхания. (*«Газета wyborcza», 25 января*)

■ Полицейские из Центрального следственного бюро арестовали в Лодзи трех врачей «скорой помощи» и четырех представителей похоронных бюро. (*«Жечпосполита», 28 января*)

■ Как сообщил прокурор Наперский из Польской прокуратуры, лодзинские врачи дали показания, что некоторые санитары «скорой помощи» применяли препарат, останавливающий кровообращение и вызывающий смерть. (*«Впрост», 3 февраля*)

■ «Отклики на дело, описанное журналистами «Газеты wyborczej», в который раз доказывают, что общеизвестные вещи начинают существовать лишь в момент, когда становятся медиа-фактом. (...) Существовать не только в общественном сознании, но и в сфере ответственности полиции, прокуратуры, Врачебной палаты, правительства. (...) Не подвергая сомнению ценность журналистских расследований, приходится признать, что только СМИ (телевидение и многотиражная печать) ныне играют роль демиурга, который что-то создает, а что-то другое погружает в небытие». (*Тадеуш Гадач, «Тыгодник повшехний», 3 февраля*)

■ О. Станислав Мусял, иезуит: «Сколько людей замерзло в Польше этой зимой? Говорят, больше двухсот. (...) Не знаю, сколько бездомных в Кракове, городе, где я живу. Знаю только, что их больше, чем имеющих в их распоряжении мест в ночлежках. Очень многие из них ищут убежища на ночь в отопительных подземных инженерных коммуникациях или хотя бы в подземных переходах, где укладываются спать на принесенных с собой картонках. Между тем, рядом стоят несколько десятков храмов с запертым в них теплом». (*«Тыгодник повшехний», 13 января*)

■ «Я слышу о жгучей потребности подвоза продовольствия в деревни, отрезанные от мира заметенными дорогами. Будто это дома без запасов, хозяйства без домашних животных, жители, беспомощные соседи. А в телепередачах — люди не сгребают снег с крыш и со дворов, не прокапывают дорожки между хозяйствами, а бездейственно стоят на заметенной дороге и жалуются журналистам, что не приехала снегоуборочная машина и не подвезли хлеба». (*Юзефа Хеннелёва, «Тыгодник повшехний», 13 января*)

■ «Большой оркестр рождественской помощи» под управлением Ежи Овсяка не только собирает средства на закупку медицинского оборудования. Мало того, что за прошедшие 10 лет оркестр собрал 140 млн. зл. и оснастил оборудованием свыше 400 больниц, — он еще и изменил поведение в обществе. Каждый год в его работу включаются десятки тысяч людей. Если это число умножить на 10 финалов, получится больше миллиона. В этом году, в X финале, было собрано свыше 19 млн. зл. на спасение новорожденных с врожденными дефектами. По всей Польше прошло несколько сот концертов и аукционов, а в сборе средств приняли участие около ста тысяч волонтеров. (*«Тыгодник повшехний», 20 января*)

■ Ежи Овсяк занимает в умах молодежи второе место вслед за Папой Иоанном Павлом II. Молодежь, не доверяющая политикам, рассматривает Овсяка как противоположность им — как человека бескорыстного, поставившего себя под постоянный контроль, играющего при открытом занавесе. Оркестр завоевал доверие, так как всегда известно, сколько точно денег собрано и на какое оборудование и кому они предназначены. Благодаря оркестру молодежь стремится заниматься полезным делом. В деятельности в пользу оркестра охотно участвовали бы 82,1% поляков с высшим образованием и 83,3% — со средним и незаконченным средним. 47% поляков младше 30 лет хотели бы принадлежать к своей местной организации, созданной по образцу «Большого оркестра рождественской помощи» и действующей, как и он, на общее благо. О том же заявляют 46,3% поляков в возрасте 30-49 лет и 37,2% — старше 50 лет. (*«Впрост», 20 января*)

РОССИЯ, АМЕРИКА, ЕВРОПА...

Беседа с Леопольдом Унгером

Предлагаем вниманию наших читателей интервью с Леопольдом Унгером, взятое Ярославом Курским из «Газеты выборчей» накануне визита президента Путина в Польшу. Следует отметить, что мнения Унгера не потеряли своей актуальности: за прошедшие несколько недель его прогнозы в большинстве своем сбылись, а его предостережения продолжают оставаться весьма ценными. Леопольд Унгер (см. статью о нем Стефана Братковского в «Новой Польше», 2001, №7-8) — не только выдающийся польский публицист, но и истинный авторитет в международном журналистском сообществе. На протяжении многих лет он был обозревателем газеты «Интернэйшнл геральд трибюн» и брюссельской «Сурар» (постоянным сотрудником которой остается по сей день), в последнее десятилетие печатается также в «Газете выборчей».

— 11 сентября, день террористического авианалета на Всемирный торговый центр, изменил направление мировых геополитических векторов. Визит Владимира Путина в Варшаву вписывается в новую внешнюю политику России. Но какой России?

— Начнем с парадокса. 11 сентября стало переломной датой, однако, Соединенные Штаты этот день изменил лишь в малой степени. По-настоящему глубоко он изменил Россию. Президент Путин и раньше посматривал на Запад. Но крупный политический поворот в отношениях с Западом он совершил только после 11 сентября. Его ходы, как в шахматах, были мастерскими с точки зрения тактики, разумности и политического инстинкта. Путин первым отреагировал на террористический акт в США. Он первым осознал, какой вызов брошен Бушу, первым схватил трубку и позвонил ему. Он первым сел в вагон, а точнее, в локомотив того поезда, который отправился 11 сентября с Манхэттена. И, наконец, не спрашивая ни у кого сове-

та, наверняка вопреки своим генералам и гебистам (которые до сих пор не скрывают своего недовольства), а также давней российской традиции равновесия сил он открыл американцам базы в постсоветской Средней Азии.

— Не была ли это всего лишь тактика? Неужели Россия действительно отказалась от великодержавных амбиций и избрала прозападный курс на сближение с НАТО и Европейским союзом?

— К этому надо подходить осторожно, еще не время давать гарантии. Однако есть красноречивые сигналы — например, спокойная реакция Путина на односторонний выход американцев из договора по ПРО. Грубо говоря, он проглотил это, хотя раньше утверждал, что договор по ПРО — основа мировой стабильности в области вооружений. Несмотря ни на что, Путин пока твердо держит курс на Запад. Вписывается ли визит в Польшу в этот новый курс и до какой степени — покажет будущее.

— Что этот новый курс дает России?

— Немало. Кто теперь помнит, а уж тем более упоминает о кровавой расправе российской державы с Чечней? Тишина, никто и не пикнет. Ни один политик на свете не сошлется на чеченский ад, чтобы помешать России войти в западные салоны. Кроме того, Россия с ходу получила то, чего Ельцин добивался годами и, собственно, так до конца и не добился, — не откидное сиденье, а настоящее восьмое кресло в группе семи богатейших стран мира. «Большая семерка» — это прежде всего экономическая организация, и принадлежность к ней должна зависеть исключительно от экономических критериев, которым Россия, разумеется, не соответствует.

Это далеко не последний парадокс со сместившимися после 11 сентября полюсами геополитики. Например, благодаря американцам Россия

вернулась в Афганистан. То, что не удалось сделать всей советской армии на протяжении многих лет войны, Путин совершил, не потеряв ни единого солдата.

— Это хорошо звучит, однако, что общего у этих слов с действительностью? Россия не оккупирует Афганистан, там нет даже ее миротворческих сил.

— Путин не хочет колонизировать Афганистан. Он хочет контролировать ход событий. Сегодня в Афганистане (по крайней мере официально) российских военнослужащих — есть гуманитарная миссия, специалисты по строительству. Но России есть на кого рассчитывать в Кабуле. «Северный альянс» — это ведь в большинстве своем люди вооруженные, обученные и воспитанные русскими, а в некоторых случаях и Советским Союзом. Скажем, министр обороны в новом кабульском правительстве генерал Фахим — бывший офицер ХАДа, афганской коммунистической службы безопасности, воспитанник учреждения, породившего Путина.

— Все это повышает престиж, дает политические выгоды, но ведь ясно, что дело не только в этом...

— Не только. Россия предлагает Западу крупный, ключевой для ее будущего места в мире энергетический пакт. Она предлагает огромные поставки нефти и газа. Всем известно, что Россия располагает неограниченными топливными ресурсами, но, по мнению специалистов, без западных инвестиций, без массового трансферта технологий добычи ей никогда не удастся добывать нефть и газ в том объеме, который она предлагает поставлять. Конечно, какие-то инвестиции уже давно осуществляются, но все же им далеко до необходимого уровня. Путин играет наверняка. Он чувствует конъюнктуру и делает предложение Западу как раз тогда, когда тот ищет независимости от поставок со Среднего Востока (как Польша ищет в Норвегии независимости от российских поставок).

— А отношение России к НАТО?

— Лед тронулся. Мы стали свидетелями своего рода помолвки России с НАТО. Пока все происходит в сфере жестов, связанных скорее с престижем. Новая конструкция: заседания двадцатки вместо прежней формулы «19 плюс 1», иначе говоря, НАТО вместе с Россией, а не НАТО плюс

Россия, — это еще только проект. Но ведь России важна не арифметика, а престиж, т.е. прежде всего политика. Она хочет обеспечить себе участие в принятии решений, по крайней мере по некоторым ключевым для нее вопросам, наравне (насколько это возможно) с другими членами НАТО.

— Для польской дипломатии членство Польши в НАТО должно было стать страховым полисом, защищающим ее от России. Имеет ли сегодня эта концепция хоть какой-то смысл?

— Членство Польши в НАТО — это много больше, чем страховой полис. Однако неудивительно, что сближение России с НАТО и ее возможное влияние на некоторые его решения может и даже должно вызывать, мягко говоря, настороженный интерес как у Польши, так и у стран-кандидатов, особенно у стран Балтии. В принципе — и пока что — в сближении России с НАТО нет ничего опасного. Ведь если в кругу 20-ти Россия скажет свое «нет», члены НАТО всегда могут обратиться в кругу 19-ти и принять решение, отвечающее их интересам.

— Однако и без кресла в НАТО геополитический потенциал России неоспорим. Не будет ли ее голос в диалоге с НАТО значить больше, чем нам бы того хотелось? Одним словом, не пускает ли Запад медведя на пашу?

— Нет. Медведь пока знает меру, а паша хорошо охраняется. Конечно, это не меняет факта, что без России невозможно построить прочный мир — ни в Европе, ни во всем мире. Сегодня Россия, как держава, не представляет собой угрозы для демократического мира, но зато обладает колоссальным потенциалом нанесения вреда. Нужно превратить его в потенциал партнерства.

— Вот именно, можно ли назвать новую внешнюю политику России устойчивой?

— Это покажет время. Пока что, ввиду явных международных успехов и необыкновенно прочного личного положения Путина (кажется, около 70% поддержки), в России нет сопротивления его политике. Как обычно, протестуют коммунисты, немного Жириновский, но все это пока скорее

фольклор. Но внимание: именно в таких условиях в России возможно все. Не знаю, сумеет ли Путин (если вообще захочет) преодолеть противоречие между нынешней политикой по отношению к Западу и попиранием западных ценностей во внутренней политике. Ведь он контролирует все основные рычаги власти: армию, госбезопасность, регионы, да и парламент, в котором практически нет оппозиции. Россию еще нельзя назвать демократическим и по-настоящему правовым государством. Итог неутешителен. Путин ликвидировал независимую комиссию по делам помилования, лишил общественное мнение таких источников информации (т.е. средств контроля над действиями властей), как задушенная в прошлом году независимая телекомпания НТВ или уже обреченная последняя свободная телевизионная трибуна ТВ-6. Это знаменательный пример отношения команды Путина к свободе слова. К этому следует добавить недавний приговор, вынесенный журналисту Григорию Пасько. Иными словами, и абстрагируясь от намерений, можно сказать: раз Путина никто не контролирует, раз все зависит от одного человека — все становится легко обратимым.

— Какой может быть его политика по отношению к объединяющейся Европе? Сознает ли он, что становится свидетелем великих перемен к западу от Польши, а может быть (вскоре после расширения ЕС), и к западу от России?

— Видимо, да. Европа переживает революцию. В один день были ликвидированы 12 национальных валют, т.е. каждое из 12-и государств отказалось от принципиального атрибута своей суверенности. Введение евро — не только финансовая операция. Евро — это закваска нового европейского самосознания, первый шаг к истинной политической интеграции Европы. Конечно, иногда дело еще доходит до компрометирующих торгов на самой верхушке Евросоюза. Однако евро — это и условие, и шанс исцеления Старого Света от политической и военной немощи.

— Что вы хотите этим сказать?

— Как что? Достаточно вспомнить паралич Европы перед лицом осады Сараево или трагедии Сребреницы. А ведь это всего лишь в часе полета от Брюсселя! Но и после 11 сентября Европа осталась на обочине мировой политики. Европа, за

исключением Великобритании, упустила поезд, отправившийся с Манхэттена. Каждое государство реагировало по-своему.

Европа всегда шла вперед скачками в экономической сфере, которые лишь затем высвобождали политическую динамику. С этой точки зрения введение евро имеет огромное политическое значение. Это доказательство потенциала Европы. Благодаря общей валюте, а также общей (в будущем) дипломатии и оборонной политике на мировой арене появится новая сверхдержава, причем не только торговая.

— А что из этого следует для России?

— Россия должна понять, что растет новый партнер, причем, повторяю, не только торговый, и что сегодня ей недостаточно по старой привычке говорить о судьбах мира исключительно с Америкой. При этом Россия не должна поддаваться искушению сыграть на американо-европейских разногласиях, ставя на Европу против США или наоборот. Сильная Европа будет более надежным союзником США. Стратегический союз Европы и Америки не ослабнет. Ни у Европы, ни у Америки нет альтернативы этому союзу, и уж Россия наверняка такой альтернативой не станет...

— Однако во внешней политике США никогда особо не считались с другими.

— Это правда. Достаточно вспомнить выход из договора по ПРО, срыв Киотского договора, наложение вето на Международный трибунал по правам человека. С этим можно не соглашаться, но понять это необходимо. Война с терроризмом в глобальном масштабе — абсолютный приоритет Буша и Америки. Террорист может оказаться где угодно. Неизвестно, не сядет ли в очередной самолет Париж—Майами пассажир-самоубийца со взрывным устройством в ботинке. 11 сентября кончилось американское ощущение неприкосновенности. Поэтому война с терроризмом будет продолжаться. И если до 11 сентября американцы не очень-то знали, как им использовать свою колоссальную мощь, то теперь они это знают. Поэтому стоит предупредить Путина, да и не только его, что склонность Буша к принятию односторонних решений, пожалуй, даже возрастет. Это будет прагматическая односторонность: американцы и так убеждены, что никто их не любит (и часто

бывают правы), поэтому они тем более будут делать то, что сочтут согласующимся с интересами их войны, а партнеров будут себе подбирать по мере надобности.

— И одним из партнеров «по мере надобности» будет Россия?

— Да, и Россия. Многое, как мы уже знаем, будет зависеть от Путина. Видимо, его поле маневра начнет сжиматься. В ближневосточном конфликте Соединенные Штаты в еще большей степени (хотя бы на фоне перехвата судна с иранским оружием для палестинцев) примут сторону Израиля — с американской точки зрения, единственной заслуживающей доверия проамериканской демократии между Средиземным морем и Тихим океаном. Москва будет поставлена перед лицом антагонизма между Америкой и арабскими союзниками России. И может настать момент, когда ей придется выбирать.

— Какую ситуацию вы имеете в виду?

— В США желание разбить террористическую сеть так сильно, что Буш всерьез рассматривает возможность нападения на Ирак или Ливию, если окажется, что они замешаны в операции бен Ладена. Как отнесется к этому Россия? Ведь это не только дружественные России страны и в какой-то мере последняя сфера влияния российской дипломатии, но и главные покупатели (за наличные!) российского оружия. А продажа оружия — важная статья российского бюджета.

— Станет ли это концом коалиции?

— Говорить об этом еще рано, но антитеррористическая коалиция долго не продержится. Впрочем, она с самого начала была лишь фасадом. Для ведения войны США ни в ком не нуждались. Скорее им нужно было алиби, подтверждающее, что они не одни и воюют не с исламом. В сущности коалиция — образование противоположенное. Трудно поверить в антитеррористический энтузиазм Саудовской Аравии, жестокой феодальной сатрапии (недавно там как раз отрубили головы полутора десяткам гомосексуалистов), финансирующей всевозможные террористические организации: как антиизраильские, так и вообще мусульманских фундаменталистов. А Пакистан?

Ему пришлось уступить перед лицом двойной угрозы (поскольку задействована была и Индия), но ведь именно в Пакистане находится самое большое скопление мусульманских экстремистов. Наконец, Иран. Конечно, Тегеран это отрицает, однако, афера с судном, полным иранского оружия, показывает, что на самом деле интересуется Иран в коалиции.

— Не будет ли столкновение с исламским экстремизмом раздирать саму Россию, в которой живут 20 миллионов мусульман?

— С мусульманами внутри своих границ Россия должна считаться. Иногда только до определенной степени, как это видно на примере Чечни. С этой точки зрения можно только сожалеть, что российская пресса, насколько мне известно, не решилась опубликовать статью Орианы Фаллачи. Этот провокационный текст породил горячую полемику повсюду, где был напечатан (в т.ч. и в «Газете выборчей»). В России такая полемика позволила бы так называемым авторитетам, в том числе и мусульманским, отчетливо осознать (впрочем, не только в связи с исламским экстремизмом), что национализм и фанатизм ведут в ад, а не в рай, что не только теократическое, но и всякое авторитарное государство — пагубная форма правления, что необходимо отделять религию от политики. Наконец (хотя я понимаю, что это вопрос деликатный) — что цивилизации или, скажем более осторожно, формы их проявления не равны друг другу. Одни из них лучше, другие хуже. Цивилизация, провозглашающая права человека и терпимость, порождающая прогресс, лучше той, которая отрубает руки, проклинает и вешает иноверцев, сажает половину общества [Унгер имеет в виду женщин. — *Ред.*] за «суконную решетку» и тормозит развитие. Поэтому обсуждение некоторых тезисов статьи Фаллачи в России могло бы стать интересным и полезным. Разумеется, нужно познавать и вырывать корни зла вообще и терроризма в частности. Одно из предварительных условий этого — называть вещи своими именами. Без обиняков. Журналисты, даже истеричные, иногда бывают правы.

Беседу вел Ярослав Курский

Лидия Остаповская

СЕЙНЕНСКИЕ ХРОНИКИ

Кончается август 2001 года. В темном коридоре старой обувной фабрики, где раньше была талмудическая школа, две девочки-подростка, волнуясь, листают пахнущие свежей краской страницы. Страниц этих почти двести. Много красок, много снимков, шрифт — как из ученической тетради. Девчонки смотрят друг на друга:

— Магда, да мы же книгу написали!

Начало сентября. Жители Сейны идут в синагогу, которая совсем рядом с гимназией. Теперь над зданием, оставшимся после местных евреев, шефствует центр «Пограничье». Это он издал книгу и пригласил гостей на встречу. Уже пришли пани Елена Варакомская, вся в черном, и доктор Тереза Витковская-Ругенис, закутанная в платок, который ее отец подарил маме, когда они обручились. Пришел пан Юзеф Романовский. Они тоже участвовали в создании «Сейненских хроник».

В синагоге актеры детского театра расскажут зрителям то, что услышали от своих дедушек и бабушек, — это тоже есть в книге. Дедушки и бабушки сидят в первых рядах. Тишина такая, что и муха жужжать не смеет.

На сцене массивный деревянный стол, а на нем Сейны — из обожженной глины. Между домиками горят свечи. Звук трубы предвещает, что сейчас фонарщик погасит свет. Во тьме пробуждаются ангелы. Подглядывают, что происходит под крышами городка. Тут слышится «Отче наш» по-польски, там — по-русски, тут поют литовцы, там раздаются еврейские нигуны: «Ой-бой-бой...»

Ангелы выбирают дом.

У евреев была особая жизнь. Все у них было по-другому. Праздник начинался в пятницу, а заканчивался в субботу. Торговать они уже не могли, религия не позволяла. Даже если кто хотел купить с черного хода — ничего не выходило.

Что это было такое — шабат? Свечи, обязательно рыба, кугель — тертая картошка, запеченная в особой форме, ну и, конечно, селедка. Не откусать селедки было никак невозможно. Такой вот был ужин. Ну, и шли в храм молиться. В синагоге происходило главное действо. Раз в год был такой праздник, когда все из синагоги шли к реке и вытряхивали грехи из всех карманов. Такая у них была общая исповедь. Там, где сейчас мост, было два моста. Один вел прямо в кузницу, а другой шел вдоль него. Тут, за гостиницей, был один короткий мост, а другой, деревянный, — подлиннее. Вот туда они и ходили.

В глиняном городке заметное оживление.

Приехали цыгане. Ой, что будет на улицах! Детвора, бабы — все летят на поляну. Окна позакрывали, двери позапирали. А там уже звучит: «Чаваре! Рома! Тука ме!»

Помню, пришла ко мне цыганка. У нее были длинные черные волосы, бусы, кольца — на каждом пальце. Она входит, а я кричу: «Ой, цыганка, она нам правду скажет». А цыганка оборачивается и говорит: «Детка, правда — она у Бога на небе, а вот хитрость — у цыганки в кармане». Так-то.

Цыганы уехали, а куды молельня?

Центр «Пограничье»
Сцена из спектакля «Сейненские хроники»

Это староверы — боятся, что цыгане украдут у них молельню. На очереди дом староверов.

Они так красиво молятся. У себя в домах — так красиво молятся. Иной раз придешь навестить, а они стоят и молятся. Все мужчины бородатые, в память Христа, а у женщин такие длинные юбки и платки на голове. Знаете? И в баню ходят. Не знаете, что такое баня? Это такое место, где парятся, они каждую субботу баню топят.

Октябрь. Люди на улицах листают «Сейненские хроники». С гордостью показывают друг другу фотографии:

— Вот мои родители. Мой дом. Рисунок моего сынишки. Вы уже купили эту книгу?

Над «Хрониками» вместе с детьми трудилась Божена Шредер. Михал, один из ее подопечных, говорит:

— Дед с бабушкой утром садятся, и дед читает бабушке нашу книгу. А потом они начинают вспоминать.

Город открыл свою память, ему хочется вспоминать.

■ НАПОЛЕОН ЕЛ КОТЛЕТЫ С МОРКОВЬЮ

«Хроники» посвящены жителям города. Глава первая: «Рассказы старых книг».

Божена: — Молодежь обычно не увлекается историей, а мы с этого начали. Сначала я попросила, чтоб каждый изучил историю своей семьи. Они говорят: «Моя мама молодая, она ничего не помнит». Я тоже не старуха, а помню, как несла в починку фарфоровую куклу. Когда у мамы на чулке петля спускалась, мы отдавали чулки мастеру по «поднятию петель». Забытые слова. Как и многие другие: ярмарка, Кучки, баня.

Божена и Войцех Шредеры родом не из этих мест. Приехали десять лет назад вместе с театром. Они создавали его вместе со своими друзьями — Малгожатой и Кшиштофом Чижевскими.

Чижевские и Шредеры познакомились в Чарной-Домбрувке, на западе Польши. Божена и Войтек, выпускники педагогического факультета, руководили местным Домом культуры. Однажды приехал Кшиштоф, рассказал об опыте «Гардзениц». Предложил проводить в Домбрувке встречи альтернативного театра.

Божена: — Кшиштоф привез нам вести из внешнего мира. Я посмотрела множество спектаклей, узнала, что есть другой театральный язык. Это было мое посвящение. Я поняла, как надо с людьми встречаться, как важно уметь слушать.

Со временем Чижевским и Шредерам перестало хватать Чарной-Домбрувки, они почувствовали, что надо двигаться дальше. Соорудили телегу, запрягли коней и двинулись искать свое место на свете. Так они попали в Сейны, на самой литовской границе.

Божена: — Мы очень скоро перестали быть театром. Театр только показывает спектакли, он равнодушен к тому, внутри чего живет. А мы хотели жить Сейнами, у нас были на этот счет идеи. Возник центр «Пограничье — искусств, культур, народов», в котором каждый из нас мог что-то делать. Кшиштоф — главный. Малгожата и Войтек работают с сейненской молодежью в классе культурного наследия, в клезмерском ансамбле, в театре. Мы показываем фильмы о Центральной и Восточной Европе, ведем школу Пограничья.

Центр «Пограничье»
Сцена из спектакля «Сейненские хроники»

самбле, в театре. Мы показываем фильмы о Центральной и Восточной Европе, ведем школу Пограничья.

Божена: — Я с самого начала занялась детьми из Сейн. Хотела, чтобы, открывая прошлое, они ощутили его живую ценность. Иначе посмотрели на собственную историю, полюбили ее и научились ею делиться.

«Пограничье» собирает коллекции. Несколько лет тому назад Божена Шредер вместе с друзьями из «Пограничья» провела скромную выставку фотографий и открыток «Наши старые добрые Сейны». Их принесли дети. Еще она придумала особый школьный урок. Показывала в классах фотографии, рассказывала о городе, вспоминала легенды. Дети приводили на выставку родителей, дедушек и бабушек. Открытки растрогали взрослых — коллекция пополнилась новыми фотографиями.

Божена: — На пограничье трудно что-либо сделать вместе. В Сейнах у поляков и литовцев отдельные мероприятия. А на снимках, которые мы получили, были все вместе. Я подумала: это важно. И объявила конкурс под тем же названием, что и выставка. Детей, чьи работы показались мне интересными, пригласила на занятия. Состоялось путешествие в прошлое. Я хотела, чтоб юные литовцы открыли литовские Сейны, поляки — польские, чтоб о своих Сейнах рассказали русские старообрядцы. Многонациональная группа сложилась не вдруг. Дети были тогда в неполной средней школе, сегодня они в гимназиях и лицеях. Работа над «Сейненскими хрониками» шла почти четыре года. Когда мы начинали, никто не думал, что возникнет книга. Тот, кто ее прочтет, обнаружит запись совместного приключения. Дети занялись историей города. Материалов часто не хватало. Пришлось превозмочь себя и начать искать по библиотекам и архивам, рыться в сухих текстах, просеять массу информации. Это тянулось долго, но сведения необходимо было добыть. Дети задумывались: кто построил ратушу? Кто — первое кафе? Когда возникли торговые ряды? Где останавливался Наполеон по пути из Москвы? Как люди развлекались? Какой оркестр играл в немом кино? Что ставили школьные театры? Существовали ли спортивные клубы? Кто выигрывал? Книжки отвечали.

Теперь молодые люди водят меня по Сейнам.

Магда: — Это синагога, еврейский храм.

Вероника: — После войны ее осквернили. Устроили тут склад минеральных удобрений.

Илона: — В создании синагоги участвовали доминиканцы. Приор вместе с раввином внесли в храм Тору. Это было прекрасно. Сейнам везло на раввинов. Самым знаменитым был Авигдор. Он основал у нас знаменитую высшую талмудическую школу.

Эва: — Торговые ряды были деревянные, потом они сгорели. А до этого был еще один пожар. Горела коптильня. Люди говорят, в воздухе летали окорока и шкварки.

Кацпер: — Тогда построили эту часовню. Святая Агата хранит Сейны от огня.

Магда: — А в этом доме Наполеон остановился на пути из Москвы. Здесь он ел свиные котлеты с морковью. Эва, а ты расскажи о памятнике.

Эва: — Это Антанас Баранаускас, сейненский епископ, поэт и математик. Он написал эпос «Оникштинский бор» — литовский аналог «Пана Тадеуша». Это был первый епископ, который во время освящения храма обратился к верующим по-литовски, а не по-польски. Он ввел богослужение на литовском языке.

Вероника: — Поляки его не любили, потому что он был литовцем. А литовцы не любили, потому что он поддерживал поляков. Он считал, что поляки и литовцы должны объединиться против православия.

Мы входим в базилику. Справа портрет жертвователя.

Вероника: — Ежи Гродзинский был кальвинист. Он заболел, и ему было видение, что он выздоровеет, если построит костел. А перед смертью он из другого видения узнал, что должен подарить костелу статую Богоматери в створчатом окладе.

Михал: — Гродзинский заказал статую кенигсбергскому резчику, дорого заплатил. И случилось чудо. Резчик заметил, что за фигурой приехали на вороных конях, а уезжают на сивых. Он счел, что мало взял за труды. Догнал Гродзинского. Договорились, что плата будет по весу. Вернулись в Кенигсберг, взвесили фигуру. Опять чудо. Оказалось, что вернуть часть денег должен, наоборот, резчик. Каждый год на престольный праздник 7 сентября Матерь Божию вносят в главный алтарь и открывают створки.

Эва: — Здесь похоронен Антанас Баранаускас. И здесь же один из лучших в Польше органов. По воскресеньям в час дня месса совершается по-литовски. Раз в год в Страстную субботу — общая месса для литовцев и поляков.

Вновь сейненские улицы.

Михал: — За костелом был доминиканский монастырь, потом гимназия св. Казимира. Теперь там ничего нет.

Эва: — А здесь располагалась литовская типография и издательство. В Сейнах получала образование и работала элита литовской интеллигенции.

Илона: — Это бывшая евангелическая кирха. Евангелисты были так милы, что сдали помещение в аренду староверам. Теперь староверам было где молиться на Пасху и Рождество.

Вероника: — Когда литовцы захотели поставить возле базилики памятник епископу Барановскому [Баранаускасу], поляки долго не соглашались. Но вышла осечка! Примерно тогда же поляки установили свой памятник. Вон тот, с орлом. Литовцы на его открытие не пришли.

Монумент посвящен «Защитникам отечества», павшим в сейненском восстании. Память об этом восстании все еще разделяет город.

В 1918 г. немецкие оккупационные власти передали Сейны под литовское правление. Северные гмины быстро это признали, южные — ни в какую. Летом 1919 г. в Сейнах прошел патриотический митинг. Местные жители выразили свою волю — присоединить город к Литве. Тогда Сейны посетил глава литовского правительства. Так говорят литовцы. Во время I Мировой войны из-за немцев обострился конфликт между поляками и литовцами. Сейны были переданы Литве незаконно, вопреки решению Антанты. Поэтому утром 23 августа 1919 г. началось сейненское восстание. Так считают поляки.

Город одиннадцать раз переходил из рук в руки. Соседи допустили друг против друга много жестокостей. Эта тема возвращается на похоронах, годовщинах свадеб, именинах.

Вероника: — Поляки и литовцы еще не созрели для того, чтобы поставить общий памятник жертвам восстания.

Мы на кладбище. Дети показывают заросшую цветами могилу Мечислава Станевича. Это легендарный учитель. Его помнят многие поколения. «О, пан Станевич, его уроки — это были увлекательнейшие рассказы. А какой красочный был у него язык!»

Когда все еще только начиналось, подопечные Божены Шредер договорились встретиться с паном Станевичем, знатоком истории Сейн, в епископском дворце. Они стали его расспрашивать, но при этом делали массу ошибок. К примеру, войну они путали с военным положением. Они заметили это сами. Поняли, что к встречам надо готовиться, недостаточно просто сесть за один стол.

Мечислав Станевич терпеливо помогал детям. «Где жил раввин? Где была улица Кошерная? Завтра позвоним пану Станевичу».

А завтра пан Станевич умер. И некому было ответить. Дети приняли близко к сердцу эту утрату.

В память мне врезалось одно событие. Был 1938 год, произошел польско-литовский конфликт после того, как литовцы убили польского солдата — Серафима. Были демонстрации и митинги в Сейнах, и не только здесь. И тогда перед уроками в класс вошел воспитатель. Спросил, здесь ли Чапулевич. Когда убедился, что его нет, сказал: «Помните, когда он придет, не дайте ему почувствовать, что он литовец».

Вот один из ориентиров, который дал детям Станевич во время беседы в епископском дворце.

■ МНЕ БЫЛО ЧЕРТОВСКИ ЛЮБОПЫТНО

Божена Шредер: — Наша работа происходит без всякого сценария, просто одно тянет за собой другое. К примеру, так. Раз мы уже столько знаем о городе, давайте нарисуем на холсте его план. И настоящий, и мифический. Пускай на нем будут не только даты и здания, а еще и легенды, и мечты. План был нарисован. Можно было его отскерокопировать, пройти по Сейнам с картой в руке. С гостями из Варшавы случился конфуз: они искали церковь, не зная, что дети пожалели староверов, у которых не было своей молельни, и решили ее нарисовать.

В «Пограничье» у каждого своя дорожка. Но он может пригласить кого хочет, если нужна помощь. Божена обратилась к Веславу Шуминскому — художнику, другу и товарищу по художественной работе. Арендовали старый дом, устроили керамическую мастерскую.

План — это хорошо, но мало. Надо построить весь город. Каждый из детей выбрал то, что было для него важно: базилику, синагогу, несуществующие торговые ряды, тот или иной дом. Потом дети вылепили их из глины.

Весек Шуминский: — Божена работает не спеша, такая у нее система. Постепенно вводит в курс дела. Если бы ее группа начала с постройки Сейн, возник бы какой-нибудь «лего-ленд», не более того.

Божена: — Когда они прикоснулись к глине, они уже знали, что именно строят. Конкретный храм, конкретный дом. Дом, в котором сами хотели бы жить. Источником вдохновения были довоенные фотографии.

Дети сами обжигали свои дома. Божена пошла в мастерскую посмотреть, как идет дело:

— Весек стоял рядом. Он сказал: «Господи, да тут же ангелочков не хватает». Мы тут же сделали ангелочков. Дети шили поделки из разноцветных лоскутков, потом давали им имена. Так родились ангелы: Любви, Согласия, Музыки, Судьбы, Домашнего Очага, Жизни, Хлеба и Воды. Все здесь, на пограничье, хотели бы повстречать таких ангелов. Мастерской гобеленов замечательно руководила Уршуля Василевская.

Потом Юрек Чижинский обтесал вместе с детьми громадную плиту песчаника (работали в масках). Готовые Сейны были водружены на массивное каменное основание: три площади, дороги, ведущие в Гродно, Августов, Вильнюс, Сувалки, каменные здания, которых давно уже нет. На улицах глиняные человечки. Литовец идет на ярмарку, поляк ведет коня, цыган продает горшки. Еврей спешит в синагогу, а старообрядец — в молельню. Множество детей и женщин. Кот, собака. А над ними парят лоскутные ангелы.

Божена: — Но город молчал, а он должен звучать. В Сейнах есть старые люди, которые помнят, как было раньше. Божена и Малгожата Чижевская навещали сейненских стариков. Те, бывало, готовы были рассказывать обо всем, что произошло здесь за последние сто лет. Это был знак, что стоит сюда вернуться.

Они возвращались вместе с детьми, которые садились возле печки или у ног стариков. «Рассказы дедушек и бабушек» — следующий раздел «Сейненских хроник».

Мы жили у самой границы, поэтому, как и теперь, была контрабанда. Чем торговали? Когда ездили в Литву, везли ткани — в основном теплые женские платки, а из Литвы везли всё: махорку, соль, сахарин, ну а потом, уже развернувшись пошуре, даже гусей мы там покупали. Для ясности могу добавить, что я их перегонял через границу. В Литве гусь стоил два литы пятьдесят грошей (а золотый был на двадцать грошей дороже литы). Так что если в Литве ты купил одного гуся и продал его здесь, в Польше, то потом ты мог купить в Литве уже двух гусей. Если купил сто гусей, то потом мог купить уже двести. Хороший заработок.

Помню, однажды, уже под осень, гнал я гусей. Их всегда покупали под осень. Ну и... снег пошел, а нам надо было ночью сотню гусей перегнать. Их всегда перегоняли ночью, потому что ночью они не шумят, только сбиваются в кучу, поближе друг к дружке, и тихохонько так гогочут, так что можно без хлопот гнать их через границу. Но выпал снег, военные напали на след — знаю только, что какой-то еврей из Сейн — не то Зенрик, не то Щупацкий — ждал нас в Красногруде. Там было условленное место, уже все гуся были связаны, еврей уже расплатился, и тут врываются военные. Ох, что было тогда с нашими гусями...

Этот рассказ Ольгерда Скрыпка дети записали на магнитофон. Как и все прочие рассказы.

Божена: — Поляки зарабатывали на хлеб поденщиной у евреев. Кто-то с горечью вспоминал: «У моей мамы руки очерствели от того, что она евреям полы мыла». И тут же восхищенно добавлял: «А какие у них горшки были чистые! И делиться они умели, беднякам всегда давали булки». Но старики рассказывали не только о чудесном довоенном равновесии.

Помню одного такого молодчика, который все евреев донимал. Раздавал детям конфеты, чтоб они несли транспарант с лозунгом и шли за этим транспарантом. Жили-то не так хорошо, как теперь, редко когда конфеты ели, вот детворы и набралось порядком.

Ну и моего брата он уговорил, чтоб тот с транспарантом прошелся. Боже, что у нас творилось. То и дело прибегала какая-нибудь еврейка — все хорошо знали мою маму — и давай голосить: «Зося, твой Болек по улицам с лозунгами ходит! Зося, Болюсь марширует и кричит: «долгой жидов!»»

Ох и всыпали ему тогда... Большие он никогда бы не пошел, ни за какие сокровища.

А нынче? В Сейнах ни одного еврея нет, а на стенах все равно глупости пишут.

Божена: — Боевые дружины в Сейнах! Дети с болью узнали, что и такое было. Немцы согнали евреев на площадь, потом вывезли за границу и расстреляли, а в бывших еврейских домах поселились другие люди. Как так? Им казалось это совершенно невероятным. Однажды девочки — польки и литовки — пошли к одной женщине. Она интересно рассказывала о цветах, врученных Пилсудскому, об эlegantных женах довоенных офицеров, о балах, которые давал Корпус пограничной охраны, и вдруг ни с того ни с сего задела большой вопрос — Сейненское восстание, когда поляки и литовцы убивали друг друга. Многие поляки считают, что литовцам этого нельзя простить. Слова той женщины были полны ненависти. Литовцы — это ничто. Литовцев надо предавать, как букашек. Дети были потрясены. Они впервые столкнулись с таким рассказом об истории города. Много времени прошло, прежде чем они поняли, что и это надо знать, и через это надо пройти. А потом сделать что-нибудь, чтобы зло не повторилось. Это был урок встречи с другим человеком. Мы должны его принять, пусть даже он не прав. Старших легко осуждать. А вот чтобы понять их, надо погрузиться в их мир. Детей нельзя прятать от этого мира — иначе они будут беспомощными, как телята. Получат по башке за то, что они литовцы или поляки, и даже не поймут, в чем дело.

Глиняный город мог говорить, но еще не умел петь.

Божена: — В старом городе должны звучать старые песни. Пан Ольгерд Скрыпко принес нам литовские песни. Малгося Чижевская — еврейские, я добавила цыганские. Отыскали мы и народные песни с Подлесья.

Потом каждый выбрал из рассказов стариков самый любимый, записал своими словами и сделал маленькую книжечку. Дети сами спроектировали обложки, дали книжкам названия: «О том, как в польском доме еврейского ребенка воспитали», «Как двое братьев в Сейнах жен себе искали», «Как в Сейнах святого Иоанна Евангелиста принимали», «Как староверы в память о Христе длинные бороды носили» и т.д.

Божена: — Мы пригласили дедушек, бабушек, родителей и друзей в ешиву. Дети, празднично одетые, читали свои книжечки возле глиняного макета Сейн. Пели, воскрешая забытый звуковой образ города. Создавали связь. Они приняли от стариков их правду о том, что было, и передали ее дальше. В истории города нет пробела. Евреев не стало, но рассказ не прервался. Кто-то продолжает его за них.

■ КАЖДЫЙ МОЖЕТ БЫТЬ НИЩИМ

По мере того, как мы открывали наш город, нам становились все ближе его прежние жители и уголки, связанные с прошлым, улочки и дома. Мы стремились спасти от забвения рассказы стариков. Оживить их рассказы и на сцене театра возродить картины, которые запомнились нашим дедом. Мы перевоплощались в фонаричка, охраняющего город от тьмы, в ангелов, прислушивающихся к отзвукам уснувших ночью Сейн. Мы были нищими у сейненского собора, пели литовские песни на свадебном пиру, рассказывали о сейненских староведах, о еврейских домах, о цыганских таборах. Один рассказ тянул за собой другой, каждый напев искал гармонии с другим. Это был для нас праздник — делиться сокровищами истории нашего города, — пишут дети в третьей главе «Сейненских хроник».

Долго все это складывалось. Сначала они познавали театр через игру, учились владеть голосом, телом, наконец началась работа над спектаклем. Он тоже называется «Сейненские хроники». Божена Шредер несколько раз похищала детей из дома. Уезжали на несколько дней, вкалывали с утра до ночи.

Божена: — Наш спектакль все время развивается, мы включаем в него новые истории и песни. Лучше всего те новшества, что исходят от детей. Сцена с нищими — каждый раз иная. «Звезд» у нас нет. Каждый может быть фонаричком, каждый — нищим, каждый может петь еврейские нигуны. Все умеют всё. Дети рассказывают, а не учат роль на память.

«Хроники» играли уже раз тридцать — в Польше, Германии, Дании. Они любят неожиданности, это для них проба сил. Представление тогда становится интересней.

Магда: — Лучше всего рассказывать тем людям, от которых этот рассказ слышал. Они перешептываются: «Слушай, это же о нашей семье. Это про нас».

Вероника: — Я говорю, что Рахиль была красивая. А какая-то женщина вставляет: «Вовсе нет!»

Когда Михал появился в «Пограничье», Божена попросила его спеть. Она помнит, как он ответил: — Нет, голосом я в папу.

В конце представления все дети спускаются в зрительный зал. Несут зрителям свечи и свой рассказ. Одаряют их тем, что получили сами: светом, памятью, дорогой.

Михал: — Больше всего я люблю последнюю сцену, когда мы возвращаемся. В последнюю песню всю душу вкладываю! Знаю, что больше ничего плохого не случится.

ПОМЯНЕТ ЛИ КТО-НИБУДЬ ДОБРОМ

Доктор Тереза Витковская-Ругенис, педиатр: — В рассказах звучала фамилия отца. «Магазин Казимежа Ругениса, перед домом господина Ругениса...» Дети пришли в больницу. Я их всех знаю, это мои пациенты. Сначала их интересовал именно дом — один из самых старых в городе, тот, в котором теперь магазин «Субъект». Брат достал договор о продаже, я — альбом с фотографиями. Дети — народ непосредственный, начали расспрашивать об отце. Папа был такой интересный человек, а ведь я мало знаю о его жизни. Тогда я это осознала. Всею виной послевоенное время. Когда я учила вслух историю ПНР, он просил делать это потише. Никогда не говорил о прошлом. Помню, приехала на «скорой помощи» куда-то под Сейны, а один из домашних больного спрашивает: «Вы дочь Ругениса? О, ваш отец был золотой человек». У меня тогда времени не было на разговоры. Сегодня я понимаю, что мне надо туда вернуться. Я не знаю, что было с отцом в лагере. Только один эпизод, о котором рассказал мне мой пациент, сидевший вместе с ним. «Казимеж поддерживал нас, ободрял. Велел молиться. Напоминал о гигиене. Как-то я вернулся с работы такой усталый, что мыться не хотелось. Тогда он сказал, что сам вымоет мне ноги». Как же хорошо, что это увековечено в «Сейненских хрониках»!

Божена Шредер: — Я ведь не из этих мест. Мне пришлось немало узнать, чтобы сказать о Сейнах: мой город. Чтобы найти в этом городе себя. С детьми мне было легче. Я никогда не избегала разговоров со стариками. Такие беседы помогают обрести душевную зрелость. Во время работы над книгой я попросила детей, чтоб они написали свои биографии. После того, как встретились с другим человеком, — заново.

Меня зовут Вероника Чижевская. Мне четырнадцать лет. Моя страсть — история, а точнее — открытие истории. Истории народов складываются из историй отдельных людей. Судьбы жителей нашего города могут показаться неправдоподобными. Так много культур и религий, живущих в близком соседстве. Принимая участие в этой работе, я очень привязалась к этому городу и его традициям. Сейны стали для меня чем-то большим, чем маленький приграничный городок. Передо мной открылся почти сказочный мир.

Меня зовут Илона Йодзис, мне четырнадцать лет. Я другой веры — я староверка. Пока я не начала ходить на занятия, я немного знала о своей религии. На каждой встрече я узнаю что-то новое об истории староверов, которые жили в Сейнах и их окрестностях. Когда прихожу домой, все рассказываю маме. Мой папа — католик; о его религии я тоже знала мало. Хорошо, когда узнаешь новое.

Меня зовут Кацпер Шредер. Мне пятнадцать лет, и я уже немного знаю город Сейны. Два года я участвую в работе детского театра, которым руководит моя мама. Еще я играю на трубе. В спектакле я трубач, который будит и усыпляет ангелов. Мне очень нравится эта роль. Из всех, кто жил в Сейнах, меня больше всего интересуют евреи, но, к сожалению, их тут уже нет. Мне очень нравятся их песни и музыка. Мой папа играет как раз в таком ансамбле. Иногда я прихожу в синагогу к нему на репетиции... Тогда я представляю себе, как раввин готовится к молитве Тору, а снаружи старики-евреи ждут, когда настанет час молиться. Это так необычно, что я мог бы сидеть тут часами.

Меня зовут Томаш Вцисло. Я христианин-пятидесятник. Самое важное в моей жизни — Бог. Я стараюсь вести себя так, как учит Библия. Большое значение придаю терпимости, а в театральном коллективе, где я играю, она особенно необходима для того, чтобы между нами возникло единство.

Меня зовут Магда Мейза. Мне четырнадцать лет. Я увлекаюсь историей своего города. Открывать эту историю мне помогает бабушка. Я обожаю сидеть с ней вечерами и слушать разные интересные истории.

Божена Шредер: — Мне хотелось, чтоб город из «Хроники» был сказочным, шагаловским, ярким. И чтобы «Хроники» стали книгой, близкой людям. Я надеюсь, что книга будет жить вместе с теми, кто живет в Сейнах. Пригодится им, когда вырастут их дети и внуки.

Тереза Витковская-Ругенис: — Через Сейны словно искра прошла. Город мобилизуется. «Хроники» многих навели на мысль, что и новую историю надо бы записать. Я ведь слышу, что говорят на улицах. Знаете что? Мы, сейненчане, должны встретиться и поговорить. Помните, как, бывало, первого мая?

Эльжбета Полудник

ГРУШИ ВЫРОСЛИ НА ВЕРБЕ

В один прекрасный летний день, несколько лет тому назад, из автобуса в центре Сейн вышла молодая еврейка, приехавшая из США. По-польски она не знала ни слова. На груди у нее висела табличка с надписью: «Мою бабушку звали Рахиль. Вы ее помните?» Так она шла через Сейны, пока не попала в Белую синагогу. Там шел концерт клезмерского ансамбля [исполнителей еврейской народной музыки]. Это ее потрясло.

Если бы центр «Пограничье» начинал в монокультурном городке, к нему относились бы как к чему-то чужеродному. Но здесь, в Сейнах, этим людям нашлось место. Католической Церкви возвращали ее имущество, а «Пограничье» получило синагогу, которая некогда была центром еврейского городка. Местных жителей это не удивило.

— Иегова смотрит на нас и наверняка ничего не имеет против того, что здесь происходит, — говорил профессор Анджей Струмилло на встрече с Шевахом Вейсом, послан Израиля в Польше. В январе в Сейнах проходили встречи и переговоры, на которых подводили итоги одиннадцатилетней деятельности «Пограничья». В старой синагоге, справа от входной двери, хранятся ветхие мацевы. Киркута нет, но оставлено место для уцелевших надгробий. Вернуть синагоге прежний вид решил профессор Струмилло. В 70-е здесь был склад минеральных удобрений. Тогда никто еще не знал, что в Сейны из Познани приедут двое молодых людей, увлеченных культурой пограничья.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ЧЕСЛАВ МИЛОШ

Кшиштоф Чижевский и его жена много раз путешествовали по нынешним окраинам Польши в поисках забытого фольклора. Тогда они еще были связаны с собственным театром и театрально-практическим центром «Гардениць». И не предполагали, что осядут в Сейнах навсегда, что здесь вырастят своих детей, хотя интуиция не раз приводила их в эти места. Однажды они приехали со спектаклем «Груши выросли на вербе» по мотивам народной поэзии и сказок. Они чувствовали, что жители Сейн понимают слова, звучащие со сцены, что слова эти близки им и знакомы. После спектакля, на встрече с местными властями и деятелями культуры, оказалось, что есть возможность использовать Белую синагогу.

— Однажды мы с женой Малгосей прогуливались по берегу Чарной Ханчи под Красногрудой. И по той же тропинке шел Чеслав Милош. Он вернулся в детские годы. До войны Милош проводил каникулы у родственников в Красногруде, — рассказывает Кшиштоф Чижевский. — «Здравствуйте, мы Чижевские», — поклонились мы. — «Здравствуйте, я Чеслав Милош», — ответил поэт. Мы оторопели, не могли и слова сказать. Через несколько часов Милош приехал на машине в Сейны.

— Куда вы спешите? Поговорим, — предложил он.

Разговор в монастыре на Виграх шел несколько часов. Так центр «Пограничье» обрел поддержку самых авторитетных людей. Оказал помощь Ежи Гедройц. Анджей Вайда, который был в те годы сенатором от Сувалякского воеводства, спорил с депутатами совета гмины, вместе с профессором Струмилло убеждал их, что имеет смысл передать молодым энтузиастам здание синагоги. Эти люди помогли наладить контакты с частными лицами и фондами, которые затем поддерживали деятельность «Пограничья». Так все и началось.

РОЖДАЕТСЯ БОЛЬШОЕ ДЕЛО

В первые годы в основном ставили театральные спектакли, но этого оказалось недостаточно. Спектакль можно было показать местной публике, съездить на фестиваль, но этого было мало. Они решили войти в более тесные отношения с жителями Сейн.

Сначала была скандинавская идея «телехать» — активизация местного сообщества, контакт с миром через новейшую спутниковую связь. С тех пор существует Общество развития Сейн и Сейненской земли, которое покровительствует прежде всего агротуризму. В те времена, когда тут и телефоны-то были наперечет, идея превратить Сейны в «глобальную деревню» воспламеняла умы. На воскресной мессе приходский священник взывал с амвона:

— Люди! В Сейнах рождается большое дело! Телехата!

— Его воодушевление эхом отзывалось в костеле, — рассказывает Кшиштоф Чижевский.

Первый шаг они сделали навстречу молодежи. Подготовили спектакль по мотивам цыганского фольклора. Показали его на Сувалячине, но самое большое впечатление он произвел в цыганских деревнях на юге Польши. Потом были «Сейненские хроники». Дети воссоздали историю городка. На спектакль почти все Сейны собрались.

Во время поездки в Косовскую-Митровицу они осознали, что Сейненский край — это маленькие Балканы начала XX века.

ОБЩИЙ ДОМ

Сейненская молодежь готовится ехать в Литву. Открывает для себя историю виленских поляков, литовцев, евреев, русских, татар:

— Мы смотрим на Вильнюс как на колыбель культур и видим, что Сейны — такая же колыбель. И гордимся этим.

В «Пограничье» избегают понятия «национальное меньшинство». Это мешает строить общность. После одиннадцати лет работы пришла пора поделиться опытом с многокультурными общинами в Литве, на Украине, в Белоруссии.

— Мы хотим строить общий дом, — говорит Кшиштоф Чижевский.

**Дорота
Йованка Чирлич**

ГОРОД-КОСМОС

Очень личный фоторепортаж, а также серию скульптур и абстрактных картин выставил в сейненской Белой синагоге Анджей Струмилло.

Выставка, приуроченная к завершению юбилейных торжеств центра «Пограничье — искусств, культур, народов», получила название «Сити — Всемирный торговый центр — Деталь». Экспозиции сопутствует другая, менее масштабная выставка в расположенном поблизости здании бывшей обувной фабрики — цикл «Медитации», инспирированный Псалмами Давида.

Несколько лет назад Анджей Струмилло, ученик Стшеминского, художник, график, скульптор, рисовальщик, фотограф и путешественник, создал три цикла. В один из них вошли фотографии, выбранные из почти 17 тысяч, сделанных им в 1982 году на Манхэттене. На фотографиях — башни Всемирного торгового центра, снятые снизу и с вертолета, город, каким он видится с высоты башен, кладбище в районе Куинз с небоскребами Манхэттена далеко на горизонте и городские детали: раздавленные банки из-под кока-колы, фрамуги, станции метро, мусор, дверные звонки, таблички (например, с надписью «end»). В объективе Струмилло деталь становится символом города, который должен был перенести космос на землю.

Художник бьется над материей и формой города, а тот открывается перед ним, подсказывает ему точки зрения, манит перспективами, заставляет задирать голову вслед за уходящими в небо башнями. Сегодня башен уже нет. Нет и работавших в них людей. Тем более красноречива фотография, на которой башни сняты с перспективы двух развесистых мертвых деревьев. Как все-таки тонка линия, отделяющая мир живых от мира мертвых!

Сознавая это, художник заряжал свой фотоаппарат черно-белой пленкой, накладывал на холст краску, сводя мир цветов к серому и черному и лишь в нескольких местах добавляя немного коричневого и голубого. Сознавая это, он высекал из мрамора и гранита маленькие каменные домики, которые затем расставлял словно кубики вдоль оси Белой синагоги. Этот миниатюрный город не напоминает стабильной действительности: хотя он построен из камня, его можно легко смести с поверхности земли.

Вертикальные картины Струмилло — как витражи в соборе. Лишенные их цветного мерцания, они так же стрельчато возносятся к небу, как некогда возносились башни Всемирного торгового центра.

На картинах, фотографиях и среди каменных домиков нет людей. Когда художник фотографирует деталь, он может зафиксировать в лучшем случае краешек пальто или носок ботинка прохожего. Однако он не делает и этого. Он задерживает взгляд на реквизитах цивилизации. Когда с высоты птичьего полета он смотрит вниз, у него нет шансов разглядеть человека — тот слишком мал.

gazeta
WARSZAWA

Кшиштоф Бурнетко

«КРАСНОГРУДА»,
или Журнал людей пограничья

В 1993 г. был создан центральноевропейский журнал «Красногруда». Редакция сообщает: «Красногруда — это место на Сейненской земле, возле самой литовской границы. Волею Чеслава и Анджея Милошей, последних наследников имения в Красногруде, здесь создается Европейский центр диалога под покровительством центра «Пограничье — искусств, культур, народов». Литературный тезка Красногруды вскармливается многокультурной атмосферой этого места.

И действительно, в 13 вышедших номерах «Красногруда» описывала те местности и города Центральной и Восточной Европы, где многокультурность по-прежнему остается ценностью, а традиции — частью повседневной жизни. Разумеется, журнал не избегал и показывать, какие проблемы появляются на стыке различных религиозных, национальных и политических систем. На страницах журнала были представлены Босния и Буковина, Прага и Вильнюс, Белоруссия и Украина, Сараево, Мостар и Белград. Авторы — таков принцип — тоже принадлежат к кругам различных культур. В «Красногруде» печатались хотя бы Томас Венцлова и Чеслав Милош, Василь Быков и Юрий Андрухович, Наталла Арсеньева и Иштван Бибо, Йосеф Шкворецкий и Дьердь Конрад.

Более того, в журнале соединяются многие литературные жанры и традиции. Здесь есть эссе и стихи, репортажи и проза, рецензии и мемуары, политическая публицистика и социологический анализ. На страницах «Красноруды» публиковались как современная литовская проза, молодые белорусские поэты-авангардисты и чешский андеграунд, так и «Дневник путешествия по Литве и Жмуди, совершенного в 1856 году» Теодора Триплина или работа Юзефа Юндзилла «Описание растений в Литве, на Волини, Подолье и Украине как дикорастущих, так и освоенных». Есть здесь философско-антропологические эссе — о значении памяти и истоках национализма, политологические, в т.ч. о возрождении национального самосознания в прибалтийских странах, исторические — например, о роли национальных и религиозных братств и групп в Польше, Литве и Белоруссии былых времен или о судьбах российских казаков. Печатались заметки Ежи Гедройца о польско-белорусских отношениях и сделанный Сократом Яновичем (живущим в Польше писателем-белорусом) анализ концепции польской восточной политики, выдвинутой Гедройцем в парижской «Культуре». Были представлены результаты исследований, посвященных нынешнему положению национальных меньшинств в Центральной Европе. Особое место занимают документы о вкладе евреев и цыган в культуру стран, где они жили.

Так же разнороден и иллюстративный материал: редакция обращается к произведениям современных художников и фотографов, воспроизводит средневековые православные фрески, картины XIX века и архивные фотодокументы начала минувшего века.

Широкий спектр авторов, различающихся возрастом и опытом, нередко живущих в эмиграции или просто в соседней стране, соединяясь в многообразии тем и форм, позволяет редакции ставить различные диагнозы и выдвигать мнения относительно сегодняшнего положения в этой части Европы.

Ничего удивительного, что организаторы фестиваля «Стокгольм — культурная столица Европы-1998» обратились к коллективу «Красноруды» с предложением подготовить своего рода путеводитель по самым интересным художественным и интеллектуальным кругам Центральной и Восточной Европы. Результатом был номер журнала на английском языке.

Свою специальную премию присудила «Красногруде» парижская «Культура». А в 2000 г. Кшиштоф Чижевский и его «Пограничье» были удостоены (вместе со специальным посланником ООН в бывшей Югославии Тадеушем Мазовецким) медали Св. Георгия, которой редакция краковского «Ты-годника повсехного» награждает за «заслуги в борьбе со злом и созидание добра в общественной

жизни». На этот раз в обосновании награды были добавлены слова о «созидании терпимости и уважения к другим культурам, религиям и народам».

«Красногруда» — это не только журнал, но и серия книг центральноевропейских авторов — литература, история, история культуры. В «Библиотеке «Красноруды»» выпущены, например, проза Григория Кановича, эссе и стихи Геннадия Айги, антология словенской поэзии и сборник произведений писателей — сербов и босняков, которые несмотря на войну остались в Сараево. Однако самым важным изданием «Библиотеки «Красноруды»» стала книга Яна Томаша Гросса «Соседи», раскрывшая соучастие польских жителей городка Едвабне (на польско-литовском пограничье) в погроме своих соседней-евреев в 1941 году. Эта книга положила начало общепольской дискуссии о причинах антисемитизма, темных сторонах национального наследия, ответственности нынешних поколений за прошлое, качестве исторического образования...

■ «Красногруда» — разумеется, не массовый журнал. Чижевский понимает, что многокультурный мир — это тоже миф, так как отдельные общины живут сегодня если не наперекор друг другу, то во всяком случае порознь. Но он верит, что в людях можно воскресить память доброго соседства:

«Речь идет не о том, чтобы забыть плохое. Однако эту память надо хранить в себе вместе с прощением, компромиссом, открытостью. Сама жизнь к этому принуждает в пограничных местностях, таких, как Сейны. Без этого жизнь становится непереносимой. Это чувствуется каждый день, не перестает мучить, как камушек в ботинке. У родителей молодежи, которая работает с нами в Сейнах, свои установившиеся взгляды на литовцев, поляков, евреев, белорусов, староверов. Они претерпели обиды, а может, и сами причинили другим что-то такое, что предпочли бы забыть или скрыть. Мы можем не соглашаться друг с другом и различаться во взглядах. Но они знают, в каком духе мы будем работать с их детьми, и ничего против этого не имеют. Наш консенсус касается будущего».

На вопрос, действительно ли память о хорошем может преодолеть кровавую память, Чижевский отвечает:

«Принято считать, что память разделяет. Поэтому в мире сильна тенденция забвения как способа решения проблем. Так говорят люди, которые полагают, что иначе с Центральной и Восточной Европой ничего не поделать. А значит, лучше подвергнуть цензуре школьные учебники. Но это значит прятать голову в песок. Память надо очистить от отравы, хотя это и трудно».

Чижевский, например, отвергает тезис, согласно которому причиной войны на Балканах было обращение к памяти былых обид. По его мнению, все было как раз наоборот: причиной были десятки лет затушевывания прошлого навязанной сверху идеологией братства. Если бы на протяжении тех лет были произведены попытки разобраться с памятью, возможно, она не вернулась бы так бурно и жестоко. Он приводит пример Сейн: после I Мировой войны за город шла яростная война между поляками и литовцами. До сих пор здесь живут и те и другие, всяк со своей памятью. Поляки чтят польские могилы, литовцы — литовские. Но по обе стороны лежат настоящие герои, и «две этих памяти должны сложиться во взаимное признание».

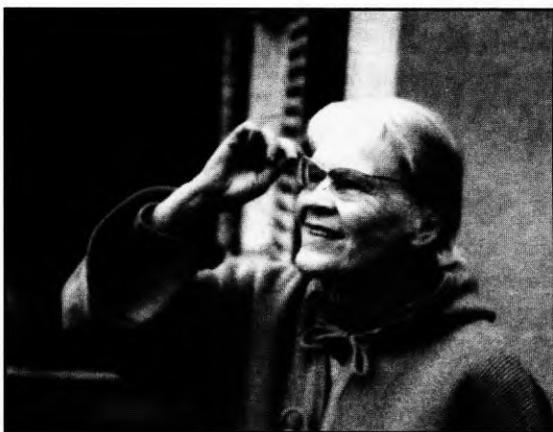
Запутанные корни, разумеется, провоцируют вопрос о самосознании. Людям, создававшим «Красногруду», тоже пришлось разрешать дилемму: как укорениться в столь разнородном месте — не лучше ли выбрать из этой путаницы свою частицу и на нее опираться? Надо помнить, что при попытке приятия многих традиций всегда встает вопрос: насколько можно быть открытым к другому, не теряя своего самосознания?

Ответ им подсказали сами жители пограничья. Их опыт показывает, что тот, кто боится «смешения и многоголосья», сам не уверен в своих корнях. И если молодые «бритоголовые» покрывают сегодня стены надписями «Польша для поляков», это доказывает их слабость, а не силу.

Лешек Шаруга

ПРИШЕСТВИЕ К СТИХУ

Кристина Милобендзкая

Восприятие поэзии Кристиной Милобендзкой (1932 г.р.) лучше всего выражает название опубликованного в 1994 году сборника «Перед стихом». Мы имеем дело с «записями». Разумеется, записи эти — поэтические, однако стих недостижим, он лишь намечает линию горизонта этой лирики — может быть, неосуществимого, недостижимого, но одновременно указывающего путь, по которому идет эта поэзия. Стоит сразу определить его направленность: это стремление преодолеть барьеры, установленные в польской послевоенной поэзии творчеством Тадеуша Ружевица, тоже по-своему стоящим «перед стихом», но в то же время намекающим, что стих, поэзия — (уже? еще?) — недостижимы, невозможны. У Милобендзкой иначе: она предполагает возможность стиха, возможность поэзии. Более того — предполагает их необходимость. Их животворящую силу. Писать, создавать эти поэтические «записи» и есть пришествие к стиху. Впрочем, удивляет эта осторожность называния, но одновременно она объясняется фактами:

*оборванная на четверть-слове
сработанная слишком короткой для всего
что здесь надо повторить своими силами*

Эта «запись» взята из последней книги Милобендзкой озаглавленной «Причастия» («Imiesłowu», 1999). Уже в само название вписана многозначность: с одной стороны, это название части речи, с другой — читается оно как «имена слов», или, скорее, «именование словами». Прием, берущий свое начало, по-видимому, в традиции «лингвистической поэзии» и, кажется, очень близкий поискам Тимотеуша Карповича — несомненно, одного из учителей поэтессы. Это родство имеет свое значение: Карпович предпринял труд написания «невозможной книги» (кстати, «невозможной» он нарек поэзию Лесьмяна, пожалуй, самого выдающегося польского поэта минувшего века). К тому же кругу поисков — направленных на то, чтобы отыскать горизонт Книги, — следует отнести поэзию Милобендзкой.

Объять всё в целом, всё уловить, показать кровное родство всех элементов мира: слов и вещей, культуры и природы — вот главное устремление этой поэзии, о чем свидетельствуют хотя бы названия ряда книг: «Родственно» (1970), «Дом, корм» (1975), «Перечень сущего» (1984). Насколько в ранних записях доминирует построенная на «лингвистическом» фундаменте сюрреалистическая тональность, не лишенная тонкой иронии, настолько теперь образ сжимается до минимума, а лирика получает статус медитации: краткость, конденсация мысли, почти афористическая сжатость — вот ее самые бросающиеся в глаза черты. Одновременно здесь можно проследить эволюцию отношения к действительности — от захлеба богатством и разнообразием мира до попытки проникнуть к тому, что в нем ни к чему другому не сводится, что создает его «первичную материю». Эти «порции» поэтических записей (своеобразные «лирические кванты») стремятся доложить о не-

возможности разгадки основополагающего противоречия бытия: непостоянства опыта, составляющего «всё это», и постоянство «всего этого», обретаемое при «воспроизведении собственными силами». Это неустанная конфронтация мира и литературы, материи космоса и текста.

Одна из самых околдовывающих черт этой поэзии — строительство в ней как будто тайных ходов, соединяющих абстрактное понятие с конкретным, а также дар «вписывать себя» в попытки уловить действительность, причем этот прием одновременно учреждает личность и олицетворяет мир. Так, Милобэндзкая скажет «пахну лес» (здесь это выражение можно разложить на составляющие: «я — лес, который пахнет», но и «собой привожу к тому, что лес пахнет»). Одновременно поэтесса умеет так выстроить текст, что — как, например, в целом цикле «Помню», уходящем корнями в общественный порыв 80-х и военное положение, — обнаруживает себя в общности переживания: «говорит мы, преклоняет колена мы, встает мы, поет мы», — эта игра слов позволяет показать общность («мы») в «первом лице единственного числа», следовательно, позволяет наделить множество чертами личности.

Таких приемов у нее гораздо больше: в них не только идет бескорыстная словесная игра; прежде всего они как будто устремлены к такой конденсации переживания — как в эмоциональной, так и в интеллектуальной плоскости, — которая наполнит их смыслом, выходящим за рамки одного лишь экзистенциального познания. Это поэзия сознательной жизни, выражающей как радость бытия, так и одновременно — ответственность за это бытие, которое никогда не дано тебе одному, но включено в жизнь общества, мира, в космическое движение. Эта ответственность воспринимается не-

вероятно глубоко и — хоть сегодня это и не в цене — серьезно. Это мир, где нет ясной и бесспорной классификации, где человечество — хотя и трудно думать так в повседневной жизни — объединяет палача и жертву, а лирический герой между ними посредник: самое полное выражение этого подхода мы находим в цикле «Помню», но заметить его в поэзии Милобэндзкой можно было с самого начала. В этом тоже проявляется смелость ее поэзии, из этого вырастает уверенность в бытии «перед стихом»: перед исполнением, перед — невозможным? — освобождением от неизбывного напряжения между «нет-нет» и «да-да». Стих, к которому эта поэзия стремится, возможен только после преобразования слова, а преобразование слова (и мира) есть обретение в себе иного «я» — отражения всеобъемлющего «Ты»:

твоими руками извлечься (остаться)

растратиться (иметь)

сложи меня из одиноких Ты, отчетливей

я буду ни одна и многая

Многоликость этого Ты (которое всегда, с самого начала, пишется у Милобэндзкой с заглавной буквы) не требует особых комментариев: поэтесса включает в него и природу, и трансцендентность (обращает на себя внимание богатство стилистики — хотя бы отзвук молитвенной тональности), и ближнего. В это Ты вписано и собственное «я» — это урок дистанции и одновременно урок смирения. Не случайно же мы прочтем как бы противоречащее опыту чтения этих стихов признание: «позор мне, слова — не сильная моя сторона».

**Кристина
Милобендзкая**

**Перевод
Наталии Астафьевой**

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Я есмь. Сопричастница, соучастница, совиновница. Солиственна, советвиста. Сосушествую. Ты еще не знаешь что это значит. Одарена проникновеньем. Растворяюсь творюсь. Сопребываю (с Тобю) в этот стеклянистый день (с этим стеклянистым днем в котором я растворяюсь) который растворяется со мной так легко. Я не знаю что это значит. Сооткрытая вместе с окном, сотекущая вместе с рекой. Я есмь чтобы знать растворяюсь? Растворяюсь чтобы знать есмь? Вся но нигде меня всей нет. Соперелетная, сонесбесная. Полвека я жила ради этого!

* * *

Огромное мы, в котором я стою первый раз в жизни. Прибавлена и умножена.

Мы открытые рты, мы изголодались по себе.

Слова поднимают нас, мы слышим выше. Слова удивленные величиной, величием. Здесь руки, сложенные в молитве, тут ты поправляешь волосы, там сжимаешь кулаки. Чудо преображения ты в мы. (Мы это ты много тебя?).

Учусь знать вслух. Безымянно от имени. Непонятная трудность меня здесь собравшейся. Передадим друг другу знак мира.

Этим цветком еще зацветется. Этой жизнью еще улыбнется. Этого не объять, ибо уже объято.

Все что я хочу сказать о мы, уменьшается до твоего лица.

Считаются с тобой несчитанным.

До первой крови улицы, до последнего баллона газа, до открытых окон, до дверей костела. Мы не хотим разойтись.

Ты должен знать, откуда этот едкий дым в городе. Ты должен решить, кто ты, чтобы не быть в их руках. Кем будешь ты из того, что тебе здесь рассыпалось — и сложилось в какой узор?

Маленький рогатый червяк, серый-серый, взбирается по пупыристой ткани пиджака, выше крест и алтарь.

Это складывается в кружащийся миг, мигующий круг. Складывается нескладно. Если б я имела (знала) такую молитву за умерших что живы и живых что мертвы.

Лицо рядом со мною. Черное лицо матери на красно-белом фоне.

Я все больше ценю память. Все, что памяти нужно — глаза, уши, руки.

Не упал! Удержался, движется, несомый песней. Боже, спаси его, он не умеет летать, некрасивый смешной нелетатель, наскоро-серо одетый.

Она показывает письма. Кому писала. 4 декабря, 8 декабря, 10 декабря «это будет, не вижу, провижу кроваво» (Самуил). Что с тобой? Зажги свет. «И хоть бы один голос», Самуил, «хоть бы только нам хватило бодрствования в тишине». Теперь опять показывает письма, «эти в доказательство, что человек может».

Весна у нас. Слышна тишина похоронных шествий. Меж лесом рук синий до слез воздух. Старые мастера не знали столь поседевшей зелени.

Это огромное мы нашей страны. Семьями. Поодиночке. Огромное беззащитное тело. История лжет ему в глаза.

Тела объединенные людской безоружностью в людское оружие.

Молчанье. Высказать это молчанье живым голосом
Мой долг перед языком, на котором я говорю
перед песком, который
перед

Что я пишу?
«отойди, я учусь бросать камни»

Что я молчу?
«не ладимся умереть, сынок»

Ах эти индивидуумы нарциссы кошечки сумочки сумки платьица! Или безответственность их «быть» это мой изъян?

Видимый дышимый говоримый — ты видишь дышишь говоришь. В тесноте отцов сестер матерей братьев — просторный. Вольный — в неволе ударов собственного сердца.

Этот лист бумаги полностью свободен.

Мы говорим множеством лиц. Мы говорим общее, очень старое слово. Мы говорим простыми вещами, простейшими выраженьями своего города.

Словом таким большим что при малейшем прикосновении рождается песнь.

Одна из живых неразделимых букв малюсенького значка «S»¹. Я не участвовала ни в одной демонстрации, боялась. Годами я привыкала к шепоту, пошли другие. «В теннисных туфельках на танки».

Говори о том, чему нет цены, о бесценной мечте.

Так мало в моих руках, все в моих руках. Внезапная нежность к этой хрупкой девушке. Береги себя, каждая смерть человека это смерть мира.

Твои слезы на моем лице говорят о том же самом.

Рисунки Piotr Gidlewski

¹Значок «Солидарности».

* * *

на одном и том же языке, но разными языками
за одним и тем же столом, но по разные стороны
не помню (помню)
помню (не помню)
кровные не от слова ли кровь, от открытой раны
не помню лица человека, который задает мне вопросы
мы живем с ним в одном квартале, завтра может мне поклониться
так много сказано здесь обо мне, сама бы я не посмела
столько слов
монолог о британской полиции (как по-английски улица Луговая?)
(не помню) помню
возле глаза шрам, видно в детстве упал с качелей
его мать пожалуй моложе меня
нас учили истории
помню криво срезанную картинку с еще теплым
букетиком фиалок на гильотине
двери одни другие третьи четвертые
но это никакой не выход
выхожу

* * *

... записать себя тебя, небесные дары из Парижа, маргарин с подсолнухом на обертке выстоянный в
костеле, запах украдкой подаваемых записок (всегда они пахнут тем стиральным порошком, который
есть в продаже), «любимая, когда-нибудь удастся»

лицо этого «когда-нибудь» улыбающееся над нашими головами, прекрасные уста произносящие плохие
стихи

плохие стихи, «прочти, запомни, передай другим»

* * *

из рук в руки. из уст в уста. изо дня в день, лицом к лицу
сколько лиц у тебя, наша воля подняться
ты здесь, чтобы бежать, чтобы бить
чтобы били тебя,
чтобы они поняли, чтобы поняли мы
где бы то ни было, отдельно вместе, как тебя назвать, у тебя столько
ты это буки, березы, монастырь на
Ясной Горе, кузнечик в поле
отдельно
вместе

* * *

Записать бег мыслей бег слов в бегущем мире. Которым я бегу, который мной бежит.

Говорить, а не писать. Однако записать. Успеть.

Я не мыслю словами. Я мыслю картинками. Мир меня мыслит бегущими животными растениями людьми. Лучше скажу: они через меня бегут. Мир бежит у меня в голове предметами. (Бегущим картинкам, обрывкам картин в беге я ищу слов).

Расстояние от мыслю до говорю. Чем пробежать это расстояние? Более бегло говорить, более бегло бежать. (Говорю звучащий остаток того что потихоньку мыслю. Пишу остаток остатка).

Что говорит твоя улыбка, когда глазами ты пробегаешь этот текст? Трещина пробегающая через стол на котором пишу. Добегающий из-за окна треск сороки. День убегает — скоро вечер.

На совести. На воле. На земле. На бетонной стене за садом. Всегда одна, на чужом языке.

Стараюсь не оставить следа, что это бегу едва-едва у меня идет. Каждый ребенок меня обгонит своим ооо!

Дух захватывает над ирисом. Дух захватывает над каждым ты. Каким же чудом ты мне сказался? Легкий голубой. Миг открытия.

Бегущая из ребенка через девушку мать бабушку (прабабушкой уже не успею). Песок пепел, по кругу дней ночей декабрём июнем. Катюшка с разматывающейся лентой.

Серые собачьи лица. Старая птичья голова.

На последнюю минуту. Перепрыгиванье через. Копошенье над. Наперерез наискосок, напрямик. На красный свет.

По немногу по дороге по выбрасываю себя с легким сердцем.

уже не тут еще не там
уже не я еще не ты
в дожде ветре солнце

не о себе, себя, не о тебе, тебя писать
не писать, бежать

само собой бежать
себя которую, тебя которые
что это бежать, что это писать
если бы я знала
(если бы не это что это, давно уж были бы мы дома)

видеть что-то в беге кроме бега
что я имею в беге кроме бега

со мной все легче

не смотри что укодит меж пальцев

я здесь только раз

Рышард Матушевский

МАЛЕНЬКИЙ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Польские читатели старшего поколения хорошо помнят научно-популярный ежемесячник «Проблемы», главным (притом замечательным) редактором которого был в 1948-1968 гг. проф. Юзеф Хурвиц. Ю.Хурвиц, специалист по химической физике, выпускник Варшавского политехнического института, где в 1951-1968 гг. он был профессором физической химии, а с 1960-го — и физики. Однако он был и остался до сегодняшнего дня — в прошлом году ему исполнилось 90 лет — не только выдающимся ученым в своей области, но и влюбленным в свое дело популяризатором науки, и в эту деятельность он вкладывал всю душу.

Тираж «Проблем» в те годы, когда Хурвиц был там главным редактором, достигал 130 тыс. экземпляров, что в послевоенной Польше, где население составляло всего лишь 27 млн. человек, было явлением необычайным. «В чем коренился успех «Проблем»? — задает себе вопрос проф. Хурвиц в автобиографической книге «Воспоминания и размышления» и сам отвечает: — Принципы нашей редакционной политики были таковы: рассказывать о труднодоступных вещах языком простым и понятным, не теряя при этом научной точности; относиться к читателям с уважением, не отделяться от них пустыми фразами. (...) Мы не чуждались и юмора, который науке отнюдь не вредит, а наоборот, придает живости и делает ее более осязаемой. Дилетантов-популяризаторов мы избегали как чумы. Популяризация науки — это по сути дела перевод ее достижений с языка, понятного лишь специалистам, на язык повседневности (в особенности это относится к математическим, естественным и техническим наукам). Поэтому популяризатор дол-

жен знать оба эти языка. (...) Но отнюдь не каждый ученый (...) достаточно свободно владеет этим вторым языком, чтобы из него вышел хороший популяризатор. Как правило, однако, лучшими популяризаторами бывают выдающиеся ученые».

Проф. Хурвиц сумел добиться того, что с «Проблемами» сотрудничали самые крупные ученые. В своей книге он упоминает как представителей точных наук — например, замечательного физика-теоретика Войцеха Рубиновича, опубликовавшего в «Проблемах» статью об открытиях Нильса Бора, или математика, логика и кибернетика Генрика Греневского, — так и ведущих польских гуманистических того времени: философов Казимежа Айдукевича, Владислава Татаркевича и Владислава Витвицкого, психолога Стефана Балея, антрополога Яна Чекановского, археолога Влодзимежа Антоневича, специалиста по романской филологии Мечислава Брамера, историков Александра Гейштора и Мечислава Валлиса, лингвистов Витольда Дорошевского, Тадеуша Лер-Сплавинского и Генрика Улашина, социологов Марию и Станислава Осовских и Яна Щепанского, специалиста по классической филологии Тадеуша Синко и многих других.

Добавим, что, кроме корифеев науки, проф. Хурвиц сумел заинтересовать своим журналом и крупнейших писателей. Среди авторов «Проблем» фигурируют, в частности, Мария Домбровская, Аркадий Фидлер, Ярослав Ивашкевич, Павел Ясеница, Игорь Неверли, Ян Парандовский, Антоний Слонимский. Однако самой крупной «добычей» Хурвица для журнала был поэт Юлиан Тувим. Особым пристрастием поэта было, как он сам писал в поэме «Цветы Польши», «копаться в толстых фолиантах, чтоб выловить одно словечко». Эта склонность поэта реализо-

Ю.Хурвиц с советским физиком Г.Флеровым перед музеем М.Склодовской-Кюри. Октябрь 1967 г.

валась в его постоянной рубрике в «Проблемах» — «Cicerum saule, или горох с капустой. Паноптикум и архив культуры». (По-польски «горох с капустой» — это «кавардак, ералаш», а по-латыни это выражение добавлено для пушей важности — *Пер.*). Нельзя сомневаться, что блестящий юмор Тувима, находивший свое выражение в этой рубрике, во многом способствовал издательскому успеху «Проблем». После кончины поэта проф. Хурвиц составил и издал трехтомник, в который включены до сих пор пользующиеся популярностью заметки Тувима из рубрики «Cicerum saule».

Юзеф Хурвиц родился в 1911 г. в Варшаве в ассимилированной еврейской семье. В Варшаве он окончил среднюю школу, где одним из его преподавателей был позднейший выдающийся физик, сотрудник и соавтор Эйнштейна проф. Леопольд Инфельд. Еврейское происхождение дважды сыграло свою роль в судьбе проф. Хурвица. В 1939 г. гитлеровская оккупация Польши заставила молодого научного сотрудника физического факультета Варшавского политехнического института покинуть родной город и искать спасения во Львове, оказавшемся под советской оккупацией. Там он нашел работу редактора и переводчика русских учебников математики, физики и химии для польских средних школ; в то же время во Львове он познакомился с выдающимися учеными — математиками Стефаном Банахом и Гуго Штейнгаузом, с биохимиком Якубом Парнасом. После нападения Германии на СССР он добрался до Свердловска, где работал научным сотрудником на станкостроительном заводе, производящем оборудование для химической и оборонной промышленности. Оттуда в начале 1946 г. он переехал в Москву, где некоторое время работал в Польском агентстве печати (ПАП), пока, наконец, в середине 1947 г. ему не удалось вместе с семьей репатрироваться и включиться в научную и культурную жизнь ПНР.

На эти двадцать с лишним лет, которые он прожил в Польше после войны, приходится не только

его основные достижения в научной работе, место, которое он занял в научном мире как профессор, а в течение некоторого времени и декан химического факультета Варшавского политехнического института, но и заслуженная популярность, которую он завоевал в качестве главного редактора «Проблем». Его собственные исследования касались структуры молекул, в особенности их дипольных моментов и межмолекулярных взаимодействий. Будучи лектором, он написал учебник для высшей школы «Строение вещества» (1964). В качестве популяризатора перевел с русского такие книги, как «Занимательная математика» Якова Перельмана и «История электричества» Федора Вейткова.

Вторым глубоко драматическим событием в жизни проф. Хурвица стал 1968 год, который запечатлелся в послевоенной истории Польши как год самых позорных действий тогдашних властей. Развязанная под лозунгом «борьбы с сионизмом» антисемитская травля привела к тому, что проф. Хурвица лишили и кафедры в политехническом институте, и должности главного редактора «Проблем». И хотя журнал продолжал существовать вплоть до 1994 г., он никогда уже не достиг того уровня, которым был обязан проф. Хурвицу. В 1969 г. Хурвиц эмигрировал во Францию, и Марсельский университет немедленно пригласил его на должность профессора физической химии, которую он занимал до самого выхода на пенсию в 1979 году. Однако и это не стало для Хурвица ни отказом от продолжения научной работы, ни прекращением его интенсивной деятельности в академической среде: он продолжал участвовать в научных конгрессах и конференциях, выступал на них с докладами о своих новых открытиях, расширял профессиональные связи и все это продолжает делать до настоящего времени.

В своей автобиографии он писал: «Нередко во Франции, а еще чаще — в США люди удивляются, что я не испытываю чувства обиды по отношению к «антисемитской» Польше, которая от меня отказалась в 1968 году. Мне бывает трудно объ-

Ю. Хурвиц беседует с советским теоретиком космических полетов А. Штернфельдом. Варшава, август 1964 г.

яснить им, что польское общество — это не то же самое, что тогдашние партийно-гепешно-правительственные круги. Антипольская настроенность вызывает во мне такое же отвращение, как и антисемитизм. (...) Можно слышать, как поляков обвиняют в том, что они во время оккупации выдавали евреев немцам. Что ж, были и такие. Но нельзя забывать, что если тысячи евреев пережили оккупацию, то только благодаря тысячам польских семей, которые их укрывали...»

Он приводит также многочисленные примеры отклика как своих студентов и сотрудников, так и крупнейших польских ученых на те преследования, которым он подвергся. В частности, он цитирует письмо, полученное им в то время от проф. Тадеуша Котарбинского, старейшины польских философов, неизменно пользовавшегося высочайшим моральным авторитетом среди прогрессивной части польской общественности.

Задолго до крупнейших политических перемен, происшедших в Польше в 1989 г., он воспользовался первой же возможностью и осенью 1981-го, в эпоху «Солидарности», приехал в Польшу на ежегодный съезд Польского химического общества, который состоялся в Гданьске. «Страну, оставленную мною в столь печальных обстоятельствах 12 лет назад, — пишет Хурвиц, — я застал совершенно другой. Везде царили радость и энтузиазм, особенно среди молодежи. (...) Особенно порадовал меня тот факт, что на повестке дня вновь были лозунги, которые выдвигали в 1968 г. студенты, дорого за это заплатив. Было отброшено время пустых лозунгов, в которые никто не верил. Я был счастлив, что к людям вновь вернулось человеческое достоинство».

Сразу вслед за этим, в декабре 1981 г., в Польше было введено военное положение, что перечеркнуло планы нового приезда проф. Хурвица. Но вскоре после отмены военного положения, в 1984 г., он вновь приехал на родину — почетным гостем международного симпозиума «Социально-культурные проблемы развития науки и цивилизации», выступив с докладом «Мария Склодовская-Кюри и традиции ее школы в польских

ядерных исследованиях». Впрочем, это только один из многочисленных примеров интереса, проявляемого проф. Хурвицем к личности дважды нобелевской лауреатки в области физики и химии. Он посвятил ей множество научно-популярных статей.

Преобразования, начатые в Польше в 1989 г., кардинально изменили и официальное отношение к несправедливости, с которой столкнулся проф. Хурвиц в 1968-м. В феврале 1990 г. он получил письмо от ректора Варшавского политехнического института, где, в частности, говорилось: «Прошло более 20 лет с того времени, когда без всяких оснований и по не зависящим от Вас причинам тогдашний министр уволил Вас с работы в нашем учебном заведении. (...) В настоящее время Сенат [Ученый совет] Варшавского политехнического инсти-

тута приносит Вам глубочайшие соболезнования в связи с несправедливостями, которые Вам пришлось претерпеть, и одновременно заявляет, что готов вновь принять Вас в наш коллектив как человека, чрезвычайно нам дорогого и достойного высочайшего уважения». К письму была приложена выписка из протокола заседания Сената института от 8 ноября 1989 года.

В 1996-1998 гг. проф. Хурвиц принимал активное участие в праздновании столетия открытий в области радиоактивности, в которых столь значительную роль сыграли супруги Мария Склодовская-Кюри и Пьер Кюри. В 1997 г. на съезде

Французского физического общества он рассказал о деятельности варшавской радиологической лаборатории, действовавшей с 1913 до 30-х гг., вначале под руководством находившейся за границей Марии Склодовской-Кюри, а затем — ее ученика проф. Людвика Вергенштейна.

Публикуя в 1996 г. первое издание своих «Воспоминаний и размышлений», проф. Хурвиц заканчивает книгу весьма характерной попыткой определить свою национальную принадлежность. Он, в частности, пишет: «Во Франции каждый французский гражданин считается французом (...), там «национальность» и «гражданство» — сино-

Обложка автобиографической книги Ю. Хурвица «Воспоминания и размышления»

нимы. Поэтому на вопрос, француз ли я, я отвечаю: с французской точки зрения — да, француз, польского, а если кто предпочитает, польско-еврейского происхождения. Я от своих еврейских корней никогда не отрекался. Я не считаю, что нужно их стыдиться или, наоборот, гордиться ими. Но в чем же заключается мое еврейство? Никакие узы, за исключением традиций, не связывают меня с иудейским вероисповеданием; я неверующий, и потому вероисповедания у меня просто нет. К сожалению, не знаю я и еврейских языков — ни идиша, ни иврита. (...) И все-таки я еврей, по определению Жан-Поля Сартра: «Еврей — это человек, считающий себя евреем» («Размышления о еврейском вопросе»). Но не только поэтому. Мои предки были евреями. С еврейством меня связывает определенная привязанность к еврейским традициям, некоторая симпатия. Мне близок туви́мовский «Еврейчик», о котором поэт пишет:

Над ним глумятся люди, бегут как заразы,
У вечного изгоя помутился разум...

Меня трогают «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема или, например, «Диббук» Соломона Ан-ского. Во мне находит отклик еврейский юмор, полный иронии по отношению к себе. Я люблю еврейские мелодии. Мне очень понравился «Скрипач на крыше». С огромным удовольствием я смотрю картины Марка Шагала и Мане-Каца на темы из жизни евреев Центральной и Восточной Европы. (...) С некоторым смущением должен признаться: мне приятно, что Эйнштейн был еврей, что среди нобелевских лауреатов — столько лиц еврейского происхождения, что евреи играют такую большую роль в интеллектуальной жизни всего мира, хотя в этом и нет моей личной заслуги».

Воспоминания проф. Хурвица полны шуток и анекдотов, услышанных им из самых разных источников. Например, Хурвиц рассказывает об уже упомянутом выше математике Гуго Штейнгаузе. Тот прислал ему в «Проблемы» анекдот о том, что дали человечеству пятеро евреев: «Моисей дал закон, Христос — милосердие, Маркс — классовое сознание, Фрейд — подсознание, а потом явился Эйнштейн и заявил, что все это относительно». Анекдот, впрочем, в печать не прошел, не понравился цензору.

А что говорит проф. Хурвиц о своей «польскости»? Он пишет: «Мои родители и более отдаленные предки жили на польской земле. (...) Я ро-

дился и воспитывался в Польше. Здесь я получил образование, здесь провел большую часть своей жизни. Мой язык — это польский язык. (...) Моя культура — это польская культура, и могу без ложной скромности добавить, что и я внес в нее свой небольшой, но непреходящий вклад. От культуры, которой ты проникнут, нельзя избавиться. Воспоминания о детстве невозможно стереть из памяти. Варшавские Лазенки навсегда останутся для меня самым прекрасным парком в мире. Увидев березу, столько редкую в Средиземноморье, я могу всерьез растрогаться. (...) Я горжусь тем, что Коперник, Мария Склодовская-Кюри и Шопен были поляками, что Комиссия народного образования [1773-1794] была первым в мире своего рода министерством просвещения. Но я стыжусь той ксенофобии и нетерпимости, которую проявляет польское мещанство. Мне не безразлично мнение о Польше и поляках.

Все это, на мой взгляд, достаточные причины, чтобы считать себя поляком, хотя я теперь в Польше и не живу. И, наконец, я мог бы повторить вслед за Тувимом: «Я поляк, потому что мне так нравится. Это мое личное дело, и я не намерен никому в этом отдавать отчет, или объяснять, растолковывать или оправдываться» (Ю.Тувим. «Мы, польские евреи...»). Я могу лишь добавить, что двадцать с лишним лет пребывания во Франции связали меня с этой страной, которая дала миру столько выдающихся людей науки и искусства. Так что я одновременно поляк, еврей и француз и не вижу никакого противоречия в этой различного рода принадлежности к трем различным человеческим сообществам».

Я полагаю, что это заявление проф. Хурвица близко мысли, высказанной Антонием Слонимским в одном из самых прекрасных его стихотворений «Вот этот — мой земляк». Выражая в нем свою человеческую солидарность с любым страдающим и преследуемым народом, Слонимский противопоставляет эту позицию всяческому национальному эгоизму, говорит, что ему близок представитель любой нации, борющейся за свои права, и заканчивает стихотворение словами: «Вот этот — мой земляк. Он — человек». Так он выражает единственно достойную позицию — позицию подлинного гуманиста. К таким подлинным гуманистам (хоть он и не гуманитарий) я бы отнес и профессора Юзефа Хурвица.

Ян Зелинский

КРЕПКИЙ СТИЛИСТ

Из внушительного 14-го тома «Сочинений» Юзефа Мацкевича (изданного недавно лондонской «Контрой»), куда вошли тексты, публиковавшиеся в виленской прессе в 1922-1936 гг., можно выкроить несколько книг. В другом очерке (в варшавском «Плюс-минусе») я обзораю их с точки зрения автобиографических мотивов. Здесь же я хотел бы рассказать о другой книге, содержащейся среди этих пятисот с лишним страниц, где собраны десятки рассеянных в периодике статей (а уже анонсированы следующие тома, наверняка такие же толстенные, — за 1937-1949 годы), — о наследии Юзефа Мацкевича — эссеиста и стилиста.

С этой точки зрения на первый план выходит очерк «Последнее имя Пушкиных» (1935). Речь идет о поместье Маркути под Вильно, где Мацкевич бывал в детстве. Он вспоминает: «Внизу, как и теперь, бурлила по камням Вилейка, со всех сторон сбегались ручейки, камешки, старые деревья, птицы и цветы». Он не колеблясь называет это место раем. Вновь приехав туда в бесснежном декабре 1935 г., он застал то, что называет живым музеем: «Стоит кресло поэта, а над ним полочка из Михайловского. Керосиновая лампа. Изящные столы, стулья, картинки, писанные самой Варварой Пушкиной, портреты императоров, домотканые занавески, какие-то салфетки, вышитые подушечки. Комнаты обиты материей, иные — еще в те времена, когда ее ткали руки крепостных кре-

стьян, даже потолки затянуты холстиной. Комодики, шкафчики, старинное охотничье снаряжение, тут же застекленные полки с письмами, многие из которых сегодня — ценные документы».

Трудно было удержаться и не процитировать это описание — оно характерно для Мацкевича с его любовью к детали, чуткостью к запечатленному в предметах историческому времени.

В межвоенное двадцатилетие Маркути находились в пределах Польши и благодаря этому — после конфискации, произведенных большевиками в Советской России, — остались единственным именем, по-прежнему принадлежащим семье Пушкиных, а конкретно — вдове сына поэта, Варваре Алексеевне, дожившей до 1935 года.

Сам Пушкин никогда в Маркутях не был, но из родовой усадьбы в Михайловском сюда привезли колоду, выпиленную из сосны, что была сломана бурей 5 июля 1895 года. Ее поставили в маркутинской гостиной, в углу между двумя шкафами, и снабдили табличкой со стихотворением, в котором поэт воспел эту сосну:

*...На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...*

Мацкевич цитирует это стихотворение в оригинале и сопоставляет с другим стихотворением о деревьях — Адама Мицкевича.

Что дает право на такое сопоставление? Маркути были излюбленным местом прогулок и встреч филоматов, «здесь выросла идея, которая, бросив Мицкевича в кибитку, повезла его в Россию, где он познакомился с Пушкиным». А многие дубы и сосны в окрестностях Маркутей стоят еще с тех времен, когда под ними проходил будущий автор «Дзядов». Так под пером Юзефа Мацкевича усадьба под Вильно стала реальным памятником, соединившим двух поэтов-романтиков. «Маркути Мицкевича и Маркути Пушкина».

В текстах, составивших цикл «Бульбин из Едносельца», Мицкевич присутствует повсеместно. Взять хотя бы репортаж под мицкевичевским заглавием «Кто знает пуц литовских...» (1929): «От Олькенник ли, от Воронова ли едешь в Эйшишки, дальше ли оттуда на Радунь, порою кажется, будто листаешь страницы «Пана Тадеуша». Того и гляди на пригорке блеснут белые стены соплицовского дома. И всё вокруг — как описано в книге первой. Какая-то особая, характерная печать лежит на этой земле, словно воплотившей идиллию».

Сравнение пейзажа и книги появляется уже раньше, в очерке «По волчьему следу» (1925). Мацкевич говорит там: «Множество знаков видит тот, кто умеет смотреть на лес, на поля и небо: аисты улетают раньше, птицы уже в августе собираются в стаи, красные снегири появляются не как обычно, с приходом морозов, а еще по осени. Чудесно, что люди умеют читать по кронам деревьев — совсем как по книге или молитвеннику». Если бы мне пришлось в третий раз писать о новой книге Мацкевича, я написал бы о природе и топографических описаниях.

В свою очередь, в репортаже под опять-таки мицкевичевским заглавием «Последний наезд на Литве в 1936 году», тексте открыто злободневном, «Пан Тадеуш» фигурирует как один из важных аргументов: «Слово «наезд» в современном уголовном праве вышло из употребления. Но неважно, как это называется. Последним наездом на Литве был вовсе не тот, в Соплицово! Это случилось в 1936 году от Рождества Христова, в Шереметовщине у Скирмунтов! Мицкевич писал поэму. Мы сегодня пишем горькую правду».

Коль скоро речь о заглавиях, надо подчеркнуть, что они — одна из сильных сторон творчества Мацкевича. В данном томе (кроме общего загла-

вия, которое лично мне не очень нравится, но это ведь не авторское название книги, а всего лишь заголовок одной из статей, вынесенное издателем на титульный лист) в оглавлении — десятки замечательных заглавий, а другие, не менее замечательные, скрыты в самом тексте как подзаголовки. Несколько примеров: «Мои военные действия на Мейшагольском тракте», «Подумаем о собственной Направе» (по поводу книги Ялу Курека «Грипп безумствует в Направе» [Направа — географическое название; направа, польск. — исправление]), «Обызвествление вен польских железных дорог», «Научная диктатура сапожников в Польше», «Как король Эдвард VIII переписывался с еврейчиком из Олькенник».

И несколько подзаголовков: «Богата библиотека на Соловках», «Дом, заколдованный на память», «Однажды надо и это сказать», «Липучки для мух, пепельница и 17 коров», «Чего нам Эмма показать не хотела», «Бюрократия или цинизм», «Все лежали лицом на восток», «Неизвестная ранее форма гробов».

Однако мой бесспорный фаворит — «Дайте название этой статье», особенно если учесть, что заглавие относится к полемической статье о том, как незаконно и без всякой нужды у крестьянина отобрали землю под строительство шоссе, и статья кончается словами: «Как назвать такую систему управления? Кто храбрый, пусть даст название!»

Одна из повторяющихся, как рефрен, тем этого тома — книги и чтение. Мацкевич не раз упоминает о том, как детское чтение повлияло на то, что он избрал предметом изучения естественные науки. Он не пишет о литературных влияниях, но можно догадаться, что влиял на него именно Мицкевич, с которым, помимо сходства фамилий, его объединяет то, что оба воспринимали Литву как

Члены революционной виленской газеты «Слово». Третий слева — Юзеф Мацкевич

родину (это не меняет факта, что оба были польскими писателями). Далее — Сенкевич, Ожешко, Мария Родзевич (одна из статей 1928 г. называется «Мы выросли в эту землю, как дуб Девайтис»). А из иностранных авторов — прежде всего писатели русские.

Обращая на это внимание, я, конечно, не открываю ничего нового. Об этом писала, к примеру, Мария Заденцкая в книге «В поисках утраченной родины» (Упсала, 1995); в главе «Присутствие России» там рассматривается влияние Достоевского, Толстого и Бунина на творчество Юзефа Мацкевича. Но в ранних текстах, собранных в этой книге, я усматриваю влияние других русских авторов.

Возьмем, к примеру, текст «На «даче»» (1923). Чеховское название и чеховский зачин: «В деревню меня отправили друзья. Они говорили, что распускать мой истощен и мне положен отдых, как старому коняге, который каждое утро возит на продажу кипы макулатуры». Кажется, Мацкевич переживал тогда какие-то любовные неурядицы (из биографии писателя мы знаем, что первый раз он женился в 1924 г.; через несколько лет этот брак распался). Повествователь лежит на траве и смотрит снизу на раскидистый дуб, который, «как выписанный из больницы паралитик, весело подрагивает ажурно сплетенной кроной». Или вглядывается в глубь ручья и замечает там «самый настоящий бриллиант, словно только что с платья [актрисы] Кавецкой, а вокруг жужжат разноцветные мушки». Врачебные и театральные сравнения, характерные для Чехова, который был врачом и человеком театра. Или такая картинка: «Сколь сладостны бывают минуты, проведенные за ужином все на той же веранде. Керосиновая лампа отбрасывает круг света — верное средство привлечь ночную мошкарку, которая среди бела дня, укрывшись в безопасности от глаз людских, спала сном праведного вора в щелях потолка и стен. Летучая мышь постукивает головой в потолок, испугавшись дыма от самовара, ночная бабочка, неосторожно опалив усики о стекло, падает в чай...» На этой веранде за ужином идет разговор «сдержанный и до того целомудренный, что хоть дюжина детей может его слушать, для потехи стягивая скатерть со стола или макая пальцы в чужие стаканы с чаем». Отличная картинка, и при очевидных влияниях чеховского стиля по-своему оригинальная и необычная.

В статье «Возьмем пример с «Тихого Дона»» (1936) Мацкевич обращается к роману Шолохова и замечает, что «советский писатель поднялся до уровня необычайной объективности и даже не остановился перед тем, чтобы показать офицеров царской армии в ореоле героизма» (это замечание вполне созвучно высказанным гораздо позднее сомнениям в подлинности авторства романа). После чего он цитирует девиз, который, по его словам, проходит через «Тихий Дон» красной нитью: «Коммунисты не могут быть слабыми. Они должны не только победить, но и уничтожить, втоптать в землю, искоренить, истребить, убить, расстрелять всех своих врагов! — Никаких компромиссов!» Мацкевич предлагает сделать вывод и отплатить коммунистам той же монетой: «Мы должны коммунизм уничтожить, истребить, расстрелять! Никакого снисхождения, никакого компромисса!» Этот пример показывает, что Мацкевич обращался не только к литературе XIX и начала XX века, но следил и за тем, что происходит в литературе советской России, делая соответствующие выводы.

Некоторые фельетоны позволяют предполагать, что он знал Зоценко. А текст под названием ««Антиобщественный» фельетон» вызывает у меня непреодолимые ассоциации с... Булгаковым. Мацкевич начинает с описания того, как он садится в Вильно на автобус, который должен отправиться в 12 часов: «Автобус полон пассажиров. Сажусь и жду, как остальные. Все едут в Новую Вилейку, а разговор идет о самоубийствах. С интересом прислушиваясь, я и не заметил, как стрелка часов перевалила за полдень. Мою ближайшую соседку, которая высоко над коленом держит в вытянутой руке шоколадные пирожные, самоубийства не интересуют. Жара, шоколад уже просачивается сквозь бумагу и грозит капнуть на светлое платье». Но автобус по расписанию не отправляется, так как в городе проходит мотопробег. Мацкевич описывает, как водитель вышел из затруднительного положения, после чего рассуждает, что произошло бы, окажись он менее предприимчивым: «Лично я еще больше опоздал бы к обеду, моя соседка облила бы платье шоколадом, но кто-то другой мог опоздать на похороны, кто-то — на заключение важной коммерческой сделки, кто-то — к умирающей матери...» Не напоминает ли это первую главу «Мастера и Маргариты», рассказ о далеко идущих последствиях того мелкого факта,

что Аннушка пролила масло? Я говорю не о прямом влиянии (роман Булгакова создавался в 1928-1940 годах), а о сходной атмосфере, родстве изобразительных деталей. Истекающие шоколадом пирожные в автобусе — и подсолнечное масло на трамвайных путях.

Том включает по крайней мере две интересные ссылки на собственные книги Мацкевича. Воспоминание «В 105-м Оренбургском» (1935) содержит, в частности, краткий пересказ опубликованных в одной рижской газете мемуаров некоего Минцлова. Минцлов вспоминает разные довольно пикантные эпизоды из виленской молодости офицера этого полка Сергея Николаевича Мясоедова. Значит, уже тогда, в 1935-м, Мацкевич интересовался этой фигурой, которой после войны посвятил большой роман «Дело полковника Мясоедова», вышедший в 1962 году. (Кстати говоря, довоенные воспоминания о полку не тождественны статье под тем же заглавием, опубликованной в 1949 г. в эмигрантском журнале «Львов и Вильно»).

Второй случай менее очевиден, но более удивителен. Давайте послушаем: «Осторожно приподнимаем крышку. Тяжел полесский дуб. — Череп, кости. Ничего. Один череп мал, скорее всего — женский. Второй, напротив — огромен. Никаких украшений, никаких предметов, оружия, ничего. Только обувь». И еще: «Живые люди стоят вокруг и молча смотрят в открытый гроб. Когда мы до него докапывались, оттуда исходило резкое, пронзительное зловоние. Но недолго. Едва расширили раскоп, тут же все исчезло. Газы улетучились. Остались кости». Знакомо звучит, не так ли?

Как известно, Юзеф Мацкевич был одним из свидетелей эксгумации польских офицеров, убитых в Катыни. Он описал то, что там увидел, сперва в интервью газете «Гонец цодзенный», потом в

репортаже «Дым над Катынью»; позднее подготовил документальную книгу «Катынское злодеяние в свете документов», английское издание которой («The Katyn wood murders», 1951) было переведено на многие языки. Однако цитированные фрагменты — не из интервью, не из репортажа и не из документальной книги. Они — из тома статей 1922-1936 гг., о котором мы ведем речь, то есть написаны до катынского преступления. Оказывается, во время посещения Катыни Мацкевич не впервые столкнулся с эксгумацией. В 1936-м, в год своего книжного дебюта, писатель ездил в Давид-Городок на Полесье и описал только что открытые там могилы киевских князей XII века. На холме детинца, под сожженной церковью, было обнаружено более десятка гробов необычной формы. Тела, обутые в сапоги из лосиной кожи, обращены были лицами на восток.

Еще одна цитата, на этот раз из интервью, даного через несколько дней по возвращении из Катыни: «Угнетающе действует отвратительное, сладковатое, липкое трупное зловоние. Несмотря на холод и ветер, оно было так мучительно, что я инстинктивно отшатнулся, сделав шаг назад, и наступил на предмет, который подался под ногой. Это была фуражка нашего, польского офицера, с темно-зеленым артиллерийским околышем. Я поднял ее и положил в сторону, на коврик росших там бессмертников. Может, это слишком патетично, но я обратил внимание на цветы...» Родство с интонацией репортажа из Давид-Городка поразительно.

Ранние тексты Мацкевича, собранные в книге, подтверждают истину, в которой еще кое-кто сомневается, а именно — то, что в лице Юзефа Мацкевича, чье столетие мы будем отмечать 1 апреля, мы имеем дело с одним из самых крепких стилистов в польской литературе XX века.

Перевод

Юзеф Мацкевич

Андрея Базилевского

ИЗ ПАПКИ «НЕУДАЧНЫЕ СУДЬБЫ»

Известный русский литератор и замечательный публицист С.Л.Войцеховский прожил в Варшаве все годы после большевистской революции (включая немецкую оккупацию). Он активно участвовал в русском эмигрантском движении, писал и для польской прессы времен независимости. Недавно он поместил в нью-йоркском «Новом журнале» фрагменты воспоминаний о том времени.

В 1920 г., пишет Войцеховский, Борис Савинков основал в Варшаве газету «Свобода», которая после польско-большевистской войны и высылки Савинкова из Польши стала называться «За свободу».

О печальных обстоятельствах и последствиях заключенного Пилсудским 12 октября 1920 г. перемирия с большевиками Войцеховский не упоминает. Некоторые детали я использовал в своем романе «Сторонись направо»; не буду их здесь приводить. Недавно в ПНР вышла пространная работа Адольфа Юзвенко «Польша и «белая» Россия» (Вроцлав, 1973), в которой автор довольно благожелательно оценивает позицию Пилсудского. Но я отсылаю читателя к превосходным «Запискам» Вендзягольско-го, который был одновременно и поклонником Пилсудского, и личным другом Савинкова. Как известно, знаменитый эсер Савинков был единственным из антибольшевистски настроенных русских политиков, с которым Пилсудский охотно беседовал. Однако при заключении перемирия большевики потребовали удалить Савинкова из Польши. И Пилсудский согласился.

Главным редактором газеты «За свободу» стал Д.В.Философов. Войцеховский характеризует его как решительного противника и коммунистов, и «реакционеров». Особенно монархистов. Но Философов восстанавливал против себя и других эмигрантов. В итоге он оказался в изоляции и мог рассчитывать на сотрудничество лишь нескольких бывших эсеров.

Я вызываю то время из мглы забвенья. Не хочу сказать ничего дурного, но мне приходит в голову следующее сопоставление: Вендзягольский открыл (в «Записках») закон, управляющий любой революцией: «Враг — прежде всего справа». Так было и так есть. И как-то мне кажется, с далекой перспективы, при всем нынешнем политическом оживлении неприязни к коммунизму, что, по-видимому, уже ранне-послебольшевистский *habitus* до некоторой степени, еще не так отчетливо, как сегодня, но все же предвещал то, что ныне ставка будет делаться на «диссидентов», Джиласов, Михайловых, самиздат, улучшателей коммунизма «изнутри», «критиков режима» (Сахаров) и всех тех, кто отрекается от свержения коммунизма силой (Солженицын, Максимов) в пользу его моральной то ли эволюции, то ли реконструкции. То есть отказывается от воинствующего антикоммунизма. Тогда его еще не заменили «антисталинизмом», так как о Сталине пока не было и речи. Нынешний жупел «фашизма» тогда заменял жупел «царизма», который, впрочем, во вполне цветущем виде сохранился и в Польше, и в эмиграции по сей день, доминируя над призраком большевизма.

Вот в такой, уже неблагоприятной атмосфере в июне 1927 г. на варшавском Главном вокзале раздался выстрел юного Коверды. Коверда застрелил советского посла в Польше Петра Войкова за то, что

тот принимал участие в убийстве Николая II в Екатеринбурге. Это была воистину гнусная резня в подвале, где убили императора, его жену, несовершеннолетнего наследника, дочерей. Потом их тела разрубили на части, бросили в яму, облили керосином и подожгли. Но у нас не принято горевать о судьбе царской семьи. Пожалуй, один только Грыдзевский до конца упорно утверждал, что последний император «был джентльменом».

Какая же судьба ожидала Коверду?

Усилия по спасению юноши предприняла русская эмиграция в Варшаве. На сей раз и Философов принял участие в демаршах. Войцеховский описывает ход событий.

Действовавший тогда в Польше уголовный кодекс предусматривал за такого рода преступления лишь два наказания: смертную казнь или пожизненное заключение. Спешно приступили к организации защиты: чрезвычайный суд должен был состояться в семидневный срок. Этим занялся прежде всего В.Я. Семенов, председатель Русского комитета в Польше, человек весьма состоятельный, а значит, независимый. Быть защитником сразу вызвался виленский адвокат П.В. Андреев, «позднее, в 1941 г., замученный в подвалах виленского НКВД». Семенов же обратился к адвокату Недзельскому, который тоже согласился. Неожиданно вмешался Философов. Он заявил, что, если возьмут в защитники Недзельского, это станет вызовом правительству, ибо тот — член ненавистной Пилсудскому оппозиционной партии национал-демократов. На снисходительность суда могли рассчитывать лишь такие адвокаты, как Пасхальский и Эттингер. Семенов был против Пасхальского, которого считал «русофобом, революционером и масоном», но в конце концов, на благо дела, попросил Войцеховского пойти к нему.

Роскошные апартаменты этого варшавского адвоката, приближенного к правительственным кругам, пишет Войцеховский, вместе с великолепной коллекцией фарфора не слишком вязались с образом «революционера». Пасхальский, казалось, был кем-то предупрежден о просьбе и взялся защищать Коверду, не выдвинув никаких возражений против Недзельского.

Суд приговорил Коверду к пожизненному заключению, но обратился к президенту Мостицкому с просьбой заменить наказание 15-ю годами тюрьмы строгого режима.

С виду все происходило в рамках тех принципов XIX века, обломки которых еще плавали на поверхности. Если уж нечто признано «государством» — пускай это даже гнездо международных заговорщиков — и если уж посол этого государства аккредитован, разумеется, нельзя позволить, чтобы в него стреляли на улице или на перроне, будь он хоть самым отъявленным злодеем.

Лишь современные «принципы политического реализма» опровергли на практике все те принципы, которые когда-то были непреложны. Например, де Голль мог послать специальный автомобиль, чтобы в центре Германии, посреди города, среди бела дня похитить из большого отеля своего врага, полковника ОАС. И немцы не только не задержали автомобиль на границе, но и не заявили дипломатического протеста. Точно так же Израиль посылает в Аргентину самолет, выкрадывает легально живущего там бывшего нацистского преступника и торжественно вешает его в Тель-Авиве. Когда не так давно некая Клара организовала тайную шайку для того, чтобы силой выкрасть из Кельна человека, обвиненного в преступлениях, совершенных во Франции тридцать лет назад, и была арестована и приговорена судом ФРГ к... нескольким месяцам заключения, левая (а другой, собственно, и нет) мировая общественность организовала массовые протесты, усмотрев в этом приговоре «возрождение гитлеризма в Германии». Мы знаем, как ведутся переговоры с палестинскими убийцами, угонщиками самолетов и прочими гангстерами, угрожающими убить заложников. Им аккуратно выплачивают выкуп, их выпускают из тюрем, предо-

ставляют охранные грамоты. Недавно в Голландии как национальных героев встречали пилотов, которые переправили в Сирию, живыми и невредимыми, японских бандитов — угонщиков самолета.

Словом, сомнительно, чтобы в нынешней атмосфере за бессудное убийство на улице бывшего гитлеровского преступника, даже менее отягощенного виной, чем большевик Войков, дали бы пожизненное заключение или хотя бы 15 лет тюрьмы. Зато убийство всякого «войкова» каралось и будет караться по всей строгости — смертной казнью или пожизненным заключением. Ибо коммунист — это привилегированное исключение. Не столько на основании закона, сколько в силу «реальной политики», подменившей закон.

Л Мемуары Войцеховского рикошетом вызвали у меня собственные воспоминания. Например, картины виленского предместья — Заречья. Коверда был мальчишкой — кажется, еще учился в школе. Он жил там на улице Кшиве Коло. Я тогда был журналистом. Мы с коллегой Константы Сиревичем поехали по указанному адресу в пролетке. Надо было свернуть в ту улочку.

— Не-е-ет... господа. Тут никакой конь не вскарабкается... на такую гору... Тпр-р-ру... — извозчик натянул поводья.

В самом деле, Кшиве Коло напоминало скорее пересохшее русло горного ручья. Сирень в окрестных садах уже отцвела. Одноэтажный домик семьи Коверды стоял высоко на пригорке, его палисадник возвышался над дранкой деревянных кровель. Помню, открыла нам сестра Коверды, прелестная девушка; сперва она приняла нас за вновь явившихся с визитом агентов тайной полиции. Нынче такое предместье: запах жасмина и овощей, стелющийся поверху дым из труб, над головой облака, которые, впрочем, и в эмиграции те же, а внизу дремлющий в зное город — кажется утраченной тихой пристанью. Чистая иллюзия. Может, именно там со времен большевистской революции дурной крови утекло больше, чем где бы то ни было.

Коверда учился в школе, и пистолета у него не было. Покушение организовал казачий есаул Михаил Ильич Яковлев, с которым меня связывали узы дружбы, хотя в войну 1920 г. он был командиром казачьей бригады, воевавшей на польской стороне, а я всего лишь уланом-добровольцем. О его последующей тайной антибольшевистской деятельности много мог бы рассказать Рышард Врага. Яковлев — молодой блондин, всегда в кавалерийских сапогах, обычно улыбающийся. В Ковно он организовал покушение на советского посла Александровского — правда, неудачное.

Естественно, после убийства Войкова его арестовали, посадили в тюрьму. Никаких доказательств не было. Поэтому Яковлева вместе с другими эмигрантами выслали в Гданьск, вольный город. Он перебрался в Париж, где торговал дамским бельем. Дело шло неплохо. Каким-то образом он даже приезжал в Польшу. Мне рассказывали, что последний раз он появился в Варшаве уже во время немецкой оккупации. Будто бы его преследовало гестапо. Он скрывался и советовался с другими: пожалуй, как монархисту и профессиональному, так сказать, борцу с большевизмом немцы ему не должны ничего сделать, а? надо переходить на легальное положение... Слыхал я, пытались ему отсоветовать, ой, пытались! Не послушался Яковлев. Перешел на легальное положение и — пропал без вести... Эх, времена-то ведь были для контрреволюционеров по-прежнему неблагоприятные.

Об адвокате Андрееве Войцеховский вспоминает, что в 1941 г. он был «убит в подвалах виленского НКВД» (скорее — НКГБ; тогда был создан особый наркомат государственной безопасности под руководством Меркулова, а Берия остался начальником НКВД); а я в последний раз встретил этого человека на железнодорожной станции в Черном Бору, в 12 километрах от Вильно. Приближалась весна. В лесу снега было еще по колено, но в полях уже чувствовалось дыхание оттепели. Я был тогда возницей. Лес возил на санях. Пора было позаботиться о прочных колесах. С этой целью я и ждал поезда в город. Скамейка была пустая, солнце пригревало. Кто-то подсел ко мне. Сперва я его не узнал — не потому что он слишком уж изменился физически или выглядел особенным оборванцем. Но трудно было представить себе более

разительную перемену: все движения его свидетельствовали о каком-то распаде. Этот некогда сухой и энергичный адвокат теперь казался воплощением беспомощности. Собственно, как и все мы под Советами, но он больше, чем другие: глаза бегали, он поминутно озирался. Как все под Советами — когда выпадал редкий случай поговорить по душам, — он делился своими горестями, говорил о каких-то надеждах на «либерализацию» системы... — Как вы думаете? — Я выплюнул окурочной самокрутки и придавил каблуком. — Война... Весной? — Ах, все тогда ждали войны. Все. Сегодня об этом не принято говорить (хотя люди тоже ждут войны). Тогда это была единственная реальная надежда.

Подошли товарные вагоны с лавками. Он не стал садиться. Ждал — чего-то или кого-то. Не знаю. Как не знаю точно, когда именно его арестовали и убили.

Возвращаюсь к запискам Войцеховского. Вскоре после убийства Войкова, 4 мая 1928 г., в Варшаве был обстрелян автомобиль советского торгпреда Лизарева. Лизарев был легко ранен. Покушавшегося схватили и приговорили к 10 годам строгого режима. Русский комитет в Варшаве закрыли; его председатель Семенов был выдворен из Польши вместе с рядом других эмигрантов.

Лишь в 1931 г. при содействии Тадеуша Голувки, тогдашнего шефа восточного отдела МИДа, удалось создать в Польше новый Русский общественный комитет. Председателем его стал эмигрант, некогда богатый купец и бывший член Московской городской управы Н.Г.Буланов. Человек взглядов «умеренно либеральных»... Вместо закрытой газеты «За свободу» с 1932 г. стала выходить «Молва», печатавшаяся в новейшей типографии «Экспресса поранного». Редактором был все тот же Философов, в расширенную редколлегию вошли сам Войцеховский, Г.Соколов, А.Федоров (сейчас он преподает в одном из американских университетов), А.Хирьяков и его жена.

Судьба госпожи Хирьяковой оказалась трагической. В 1939-м, через несколько дней после того, как в Варшаву вошли немцы, она отравилась. Она была еврейкой и решила отравиться вместе со своей очаровательной семилетней дочуркой, которую родители звали «Елочка». Но Елочка выжила. Она осталась в Варшаве вместе с отцом, однако в 1942 г. Хирьяков умер. Девочку приняли под свою опеку монахини. В польском католическом монастыре она благополучно дождалась конца войны.

В 1944 году, когда к Варшаве приближалась Красная армия, в городе оставался только Г.Соколов. В коммунистической Польше он сумел договориться с новыми властями и был «избран» председателем просоветского «Русского благотворительного общества». Однако ненадолго. Обвиненный в спекуляции, Соколов был арестован, получил срок и исчез.

«Ведомости», 1964, №12

Перевод

Юзеф Мацкевич

Натальи Горбаневской

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСИЗМ

Я никогда не был, что называется, «германофилом». Правда, я считал и считаю, что немецкая угроза политически гораздо менее опасна для Польши, чем большевистская, но эти политические убеждения не играют никакой роли в данных рассуждениях. Признаюсь, что я, может быть, рассуждал бы более пылко и аргументированно, если бы, например, весь русский народ винили и делали ответственным за большевизм настолько же, насколько делают весь немецкий народ ответственным за нацизм. С детских лет у меня были друзья среди русских. С ними я ходил в школу, с ними играл, читал рассказы про индейцев. Воюя с большевиками, я возил в седельной сумке классиков русской литературы — так неужто вдруг, по приказу свыше, я принялся бы побивать русских камнями? По причине того, что их *cathedra* национального ареопага вынесена резолюция, что они-де все потенциальные большевики? Чушь! Не хочу, и дело с концом. Но и этого бунта против требований отечественного коллектива я не рассматривал бы как вызванного какими-то особыми симпатиями. Скорее как протест в защиту здравого разума, стремиться к которому каждый человек, по-моему, не только имеет право, но обязан.

Я по образованию натуралист и рассуждаю так: на что бы растратились годы моего ученья, чем бы стали для меня философия Аристотеля, книги Александра Гумбольдта, труды Дарвина и всех великих биологов, генетиков и психологов последнего времени, если бы я на старости лет пошел исповедовать политический расизм? Или вообще скатился бы на мировоззренческий уровень приготовительного класса, когда люди и народы так легко делились по критерию черного и белого?!

Я не «защищаю» ни немцев, ни русских. Я защищаю себя самого от инфантилизма навязываемых мне взглядов. Моему другу, старому «хорошему» эндеку, недавно сделали в немецкой больнице переливание крови. Кто-то пустил шутку, что кровь-де была взята у бывшего эсэсовца и что после выхода из больницы мой друг должен будет подвергнуться денацификации... По-моему, многие из моих соотечественников не отдают себе отчета в том, что их взгляды на политическую биологию... недалеко ушли от уровня этой остроты. С той разницей, что любая острота всегда останется в границах дозволенных шуток, в то время как родственное ей политическое кредо нередко граничит с шутковством.

Из статьи «Немецкий комплекс» // «Культура», 1956, №1

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Творчество Рышарда Капусцинского привлекает к себе все более живое внимание читателей. Это один из немногих польских писателей, которые способны одним взглядом охватить процессы, происходящие в мире: не исключая того, что характерно для отдельных частей нашего мира, он прежде всего видит те явления, которые способны в рамках этого многообразного опыта явить общность человеческой судьбы. Таков его взгляд и в «Замечаниях о глобализации», напечатанных в люблинском ежеквартальном журнале «Акцент» (2001, №4):

«На чем основан процесс глобализации и когда он начался? Ускоренными темпами глобализация пошла после окончания «холодной войны», разделившей мир на два лагеря и заморозившей его почти на полвека. За эти полвека политические и военные события в мире рассматривались сквозь призму механизмов и разделений, созданных «холодной войной». Десять лет тому назад рухнул Советский Союз, наша планета перестала быть двухполюсной, и мы оказались в мире, охваченном одной структурой — глобальной. Конец «холодной войны» в соединении с электронной революцией привел к тому, что мы как человечество оказались в новых всемирных обстоятельствах, заставших нас врасплох. Мы не умели и по-прежнему не умеем их освоить. Успехи глобализации были связаны также с ослаблением роли государства во всем мире. Традиция национального государства существует лет двести — с конца XVIII века. Мир был разделен на национальные государства: государства управляли отдельными его частями, государства объединялись, создавали союзы или вступали в войны друг с другом... Государство было ключом к пониманию мира. Сегодня, в особенности после окончания «холодной войны», роль государства стала ослабевать везде. Государство оказалось в кризисе. Это случилось, потому что оно было ослаблено как сверху, так и снизу. Сверху государство теряло свое значение в результате деятельности крупных международных корпораций, особенно финансовых, которые производили сделки и вели свою политику поверх государственных границ. (...) Снизу государство ослабляли нарастающие во всем мире центробежные тенденции: развитие всяческого микронационализма, этноцентризма, регионализма; ослабляла его также зарождающаяся и развивающаяся структура неправительственных организаций. (...) Результатом слабости государства стали два процесса глобального характера. Первый — потеря государственной монополии на насилие. (...) Второй — новая, нарождающаяся финансовая система, позволяющая уклоняться от уплаты налогов. Современные электронные средства позволяют выводить из любой экономики огромные капиталы в частные банки, находящиеся вне всякого государственного контроля; в результате государства беднеют».

Эта ситуация стала контекстом событий 11 сентября 2001 г. в США. Отмечая неверность тезиса Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» и победе системы либеральной демократии, Капусцинский рассматривает тезисы Сэмюэла Хантингтона, выступившего в журнале «Форен афферс» с теорией столкновения цивилизаций:

«Сама эта концепция, кстати, не нова: ее сформулировал еще английский историк Тойнби, автор 11-томной всемирной истории, выдвинувший тезис о том, что историю нельзя рассматривать как историю наций или государств, так как это слишком узкий угол зрения. На историю человечества надо смотреть как на историю цивилизаций. Эти цивилизации — тут уже точка зрения Хантингтона — будут вступать в конфликт. Американец Хантингтон имел в виду прежде всего американскую цивилизацию, а двумя ее главными противниками видел китайскую и исламскую цивилизации. Только они, по его мнению, могут противопоставить себя американской цивилизации. (...) Другой взгляд на отношения между цивилизациями выдвинул французский социолог и антрополог Марсель Маусс, тезисы которого разделял британский антрополог, поляк Бронислав Малиновский. Они утверждали, что цивилизации не обязательно должны

вступать в конфликт — между ними может происходить диффузия, обмен. В результате контакты между цивилизациями могут создавать взаимное стимулирование, взаимное обогащение».

Обе эти концепции Капусцинский приводит, одновременно указывая глобальный аспект нашей судьбы и нашего будущего: «Нас сейчас на свете шесть миллиардов, каждый год прибавляется 80 млн. человек, из них 75 — в странах Третьего мира. Перед нами два пути. Человечество может выбрать хантингтоновский вариант войн между цивилизациями, и, возможно, произойдет конфликт с мусульманской цивилизацией, а ислам в настоящее время исповедуют свыше миллиарда человек — эта религия в нашем мире и самая динамичная, и быстрее всего распространяющаяся. Но мир может выбрать и вариант Маусса и Малиновского — вариант сотрудничества, поисков контакта, диалога и взаимопонимания».

Да вправду ли человечество «может выбрать»? Мне лично кажется, что мы оказались в положении ученика чародея, того, что некогда произнес слова непонятного ему заклятья и пустил в ход механизмы, овладеть которыми уже не способен. Капусцинский, однако, — и это-то и составляет интеллектуальную завлекательность того, что он пишет, — принадлежит к людям, одаренным способностью охватывать мысль нашу планету в целом и, отдавая себе отчет в опасности положения, продолжающих искать возможное спасение. Один из важных для него вопросов — попытка понять, что такое «глобальный человек», не перестающий при этом оставаться «локальным человеком». Об этом говорится в тексте его речи на церемонии присуждения ему звания почетного доктора наук Вроцлавского университета («Од-ра», Вроцлав, 2002, №1):

«Это отношение между человеком и его местом на земле приобретает особый вес сегодня, когда так расшатаны критерии и нормы самосознания. Откуда мы? Кто мы? Многие люди с трудом находят ответы на эти вопросы. Между тем человек с расшатанным самосознанием — это человек ослабленный, потерянный в лабиринте современного мира. Мир же этот своей растущей усложненностью, растущими темпами, растущей неуверенностью еще больше обостряет терзающие людей потерю ориентиров и одиночество. Потому-то так близок и дорог человеку тот краешек земли, который Станислав Оссовский когда-то назвал «частной родиной», а позднее Станислав Винценц — «малой родиной». Обычно речь идет о тех местах, где было прожито детство. С ними связан наш первый опыт, там начинало формироваться наше миропонимание и мировосприятие. Это тот уголок, воспоминание о котором наполняет нас ощущением плоти и безопасности, память о котором укрепляет в нас сознание того, что мы существуем — и как отдельные личности, и как члены однородной общины. Именно *память* есть сама материя, живая связь, соединяющая общины каждой малой родины. Без этого связующего материала существование такой общины попросту невозможно. (...) Память — необходимый составной элемент малой родины. Она позволяет нам хранить эту родину в воспоминании, даже если мы утратим прямой контакт с нею. Пока мы живы и где бы мы ни жили, она остается частицей нашего самосознания, нашим опознавательным знаком. Это обладает особой ценностью сегодня, ибо для многих людей их город, их область, их малая родина составляют щит, нишу, желанную защиту от резкого прогресса всё уравнивающей глобализации. Ибо людям надо сознавать, что они имеют на что-то влияние, а гигантские, подавляющие силы, наводящие единообразие, лишают их этой уверенности. (...) Современный человек, то есть каждый из нас, живет одновременно в четырех взаимопроникающих социально-культурных мирах: первый — наше близкое окружение, наша «околица», т.е. пространство, которое мы можем каждый день испытывать и познавать, — обитаемая и переживаемая нами малая, частная родина; второе — наша страна, наша большая родина, наше государство, с которым мы себя отождествляем как патриоты и граждане; третье — континент, на котором мы живем, и определяющее его самосознание — культура, традиция и ценности (...); четвертый — наша планета, подвергающаяся интенсивным процессам глобализации, Земля, населенная сегодня шестью миллиардами людей всех рас и религий, с самыми разнообразными интересами, убеждениями и чаяниями. Люди часто не сознают, что в эпоху, в которую мы живем, на нашу судьбу влияет не каждый из четырех по отдельности, — нет, все эти четыре мира воздействуют на нас *одновременно, связанно*. Непонимание этого закона, ныне основного, — причина блужданий и разочарований многих наших современников».

Особое внимание, что можно понять, Капусцинский уделяет вопросу европейского самосознания:

«Как европейцы мы участвуем в настоящее время в двух больших и нелегких исторических процессах. Первый касается места Европы в будущем многокультурном мире. На протяжении последних пятисот лет

Европа господствовала над миром не только политически и экономически. Ее культура, ценности и законы тоже представляли собой образцы, нормы и критерии для остального мира. Что-то приближалось к европейским стандартам или, наоборот, стояло далеко от них; по этому принципу оценивали ценность других культур, их степень развития и совершенства. Но во второй половине XX века началась эпоха деколонизации, а вместе с ней — пробуждение других, неевропейских культур. Благодаря тому, что мир стал более открытым и близким к демократии, а связь — более легкой, они переживают период быстрого продвижения и динамичности, которому сопутствует растущее чувство гордости и уверенность в своих высоких ценностях. Таким образом, возникает *многокультурный* мир, где европейская культура начинает утрачивать свое уникальное и господствующее место. Ей придется найти *новое место* в большой семье различных культур. Это брошенный Европе вызов извне. Но одновременно она проходит период внутренних, структурных перемен, связанных с кризисом института столь европейского, здесь, на этом континенте, рожденного, — национального государства. Этот кризис особенно обострился по окончании «холодной войны», то есть в последние годы. В Южной и Восточной Европе распались одни и возникли другие, более многочисленные государства. Даже в ряде стран стабильной Западной Европы — хотя бы в Испании, Бельгии или Италии — действуют центробежные силы, ослабляющие их внутреннюю сплоченность. Во многих странах различные этнические группы добиваются лучшего места за общенациональным столом. Национальное государство, хотя по-прежнему жизнеспособное и не теряющее своего значения, тем не менее постоянно ослабляется: сверху — всяческими наднациональными силами и институтами глобального мира; снизу — многообразным микронационализмом, этническим фанатизмом, фобиями глухой провинции. Не удивительно, что многие европейские мыслители уже некоторое время подсказывают, что в этих обстоятельствах ослабления европейских центров и иерархий, расшатывания стабильных систем и некогда нерушимых ценностей человеку следует создавать себе место по мере своих возможностей и представлений, сил и потребностей. По их мнению, самый человеческий аспект в этом — масштаб малой родины. За это выступала еще Симона Вайль в своей страстной «Укорененности», называя отсутствие этой укорененности «смертельной болезнью» человека. К созданию такой Европы — Европы регионов — призывал в своем «Открытом письме к европейцам» Дени де Ружмон. Но если на малой родине царит дух ксенофобии, недоверие к миру и страх перед ним, отсутствие готовности ответить на требования современности, то она будет слабой и второразрядной, маргинальной, мертвым омутом. Ибо настоящая сила малой родины, источник ее динамики и богатства лежит в открытости к миру, к соседям, к иным, в духе обмена и общности. В каком направлении пойдут европейские малые родины? Сегодня мы живем в мире, в котором ничто не дано раз и навсегда. Мы должны постоянно делать усилие обновления, постоянно все обговаривать заново, двигаясь среди бесконечного множества переменных и неизвестных. Материя мира бывает ненадежной и хрупкой, а дух его — скрытым и непредсказуемым. Тем ценнее все то, что приносит нам радость, каждый жест и дар добрых людей, само их наличие».

Размышляя над комментарием к этим словам, я обратился к недавно напечатанной поэме Кшиштофа Чижевского, создателя фонда «Пограничье» и издателя замечательного журнала «Красногруда» (об этом журнале мы пишем на стр. 34-35 настоящего номера Н.П. - ред.), выходящего в Сейнах близ литовской границы. Поэма называется «Тропинка пограничья». «Земля исписана тропинками» — так начинается поэма, представляющая собой своего рода поэтическое эссе. В части, озаглавленной «Пограничье», Кшиштоф Чижевский, человек, уже много лет живущий в пространстве диалога и обмена, пишет: «Пограничье — тень, отброшенная границей на ближайшее соседство. / Так возникает зона, хранящая различие, живоносная. Не то что зона пограничной полосы, пустая, охраняемая и враждебная. / Пограничье не смазывает границу, но расширяет ее пространство, осваивает ее обитаемость и проникновение в эту зону. / Пограничье — это *agora* [площадь, др.-греч.], здесь тот, кто не вступил в диалог с другими, прозябает на окраинах. / Центр шара всегда находится во встрече, то есть везде, а его поверхность — в том, что не затронуто инаковостью, то есть нигде. / Пограничье отнимает у границы безжалостность тонкой линии, которая разрезает и разделяет открытое пространство, все выхолощивая на соседней территории. / Кто живет в зоне границы, тот больше думает о ее пересечении, чем о возврате домой. (...) Пограничье не знает конформизма — оно знает лишь консенсус. / Оно знает, что это самоотречение, но не отказ от себя. Оно дает опыт примирения, всегда нелегкого, но никогда не достигаемого ценой смазывания правды или забвения».

Катажина К. Гардзина

ЕДИНСТВЕННОЕ В МИРЕ КОНТРАЛЬТО

В начале года польская публика получила редкую возможность встретиться с вокальным искусством Эвы Подлесь не в записи и не в трансляции. Эта самая известная сейчас в мире польская певица чаще выступает в Нью-Йорке, городах Канады, Италии, Франции, Испании, чем в Польше. На рубеже 2001 и 2002 гг. ее можно было дважды услышать на сцене варшавского Большого театра. Эва Подлесь выступила под Новый год, а затем 2 января с оркестром Большого театра под управлением Альберто Дзедды. Программа была целиком составлена из сочинений Россини.

В настоящее время Эву Подлесь считают единственным подлинным контральто в мире. Родилась она в Варшаве и там же закончила вокальный факультет Музыкальной академии по классу проф. Алины Болеховской. Лауреат многих крупнейших конкурсов вокалистов, в т.ч. в Афинах, Барселоне, Рио-де-Жанейро, Тулузе. Путь к карьере ей открыл Московский конкурс им. Чайковского. Ее заграничный дебют состоялся в 1984 г. на сцене нью-йоркской «Метрополитен-оперы», где она исполнила партию Ринальдо в одноименной опере Генделя. Она выступала и выступает в миланской «Ла Скала», лондонском «Ковент-Гардене», Венской государственной опере, венецианском театре «Ла Фениче», театрах Парижа и Берлина. Ей довелось выступать с такими знаменитыми оркестрами, как Берлинский филармонический и Сан-Францисский симфонический, с такими дирижерами и солистами, как Альберто Дзедда, Марк Минковский, Гарик Ольссон и многие другие. С успехом она ведет и концертную деятельность, выступая в таких залах, как Плейель и Театр Елисейских Полей в Париже, Виктория-холл в Лондоне и зал Варшавской национальной филармонии.

Эва Подлесь сделала множество записей для фирм «Декка», «ДГ-Архив», ЭМИ, «Эрато», «Форлейн» и «Накос». Последний крупный успех ее записей в США — диск, на котором записаны арии из опер Генделя «Ринальдо» и «Орlando» с Московским камерным оркестром под управлением Константина Орбеляна (фирма «Делос»).

В программу новогоднего россиниевского концерта в Варшаве вошли главным образом малоизвестные сочинения композитора. Мы стали свидетелями первого в Польше исполнения трех сочинений Россини: увертюры и интродукции к двухактной трагической опере «Гермиона», а также кантат для голоса и оркестра «Юнона» и «Жанна д'Арк». Кроме того, хор и оркестр Большого театра под управлением Альберто Дзедды исполнили фрагменты из оперы «Вильгельм Телль». В заключение прозвучали увертюра к «Итальянке в Алжире» и знаменитая ария Изабеллы из 2 акта той же оперы.

Альберто Дзедда — несомненный авторитет в исполнении музыки Россини. Ему любители Россини обязаны возможностьюзнакомиться со всё новыми малоизвестными сочинениями, он же подгото-

Э.Подлесь и А.Зедда в Варшаве

вил первые критические издания партитур композитора. Ничего удивительного, что в прошлом году Дзедда стал директором Фестиваля Россини в Песаро, городе, где родился композитор, и сразу пригласил участвовать в нем Эву Подлесь. Варшавские меломаны помнят, как он дирижировал «Танкредом» на сцене Большого театра в 2000 году.

Под управлением Альберто Дзедды варшавский оркестр выступил триумфально: россиниевская фразировка звучала тонко, искрилась оттенками. В хоровых сценах из «Вильгельма Телля» и кантатах очень хорош был хор Большого театра (хормейстер — Богдан Гола).

Если одной звездой концерта был дирижер, то второй — а по мнению слушателей, наверняка первой — Эва Подлесь. Певица продемонстрировала все свое мастерство. Впрочем, исполнение Россини у Эвы Подлесь всегда было великолепно. Так было и на сей раз. Трудно сказать, что восхищало больше — бархатная окраска голоса, проникновенная интерпретация кантат (особенно «Жанны д'Арк») или блестящее исполнение отдельных вокальных номеров. После неизвестного Россини Подлесь представила публике и Россини популярного, исполнив арию Изабеллы «Pensa alla patria», а на бис, с комической запинкой, арию Изабеллы из 1 акта «Cruda sorte».

Второй возможностью прямо и косвенно встретиться с певицей был выход книги о ней и ее муже, выдающемся пианисте Ежи Мархвинском. Книга-беседа «Вместе в жизни и в музыке» (с четой музыкантов беседовала Дорота Шварцман), вышедшая в Польском музыкальном издательстве, имеет все шансы стать бестселлером: она наверняка заинтересует не только отъявленных меломанов и верных поклонников певицы. Это живой, естественный рассказ о жизни на сцене и частной, семейной жизни, сопровождаемый пригоршней анекдотических историй из малого мира оперы.

Ведущий мотив книги можно определить как «свободу в партнерстве». Партнерству как в супружеских отношениях, так и в музыке Эва Подлесь и Ежи Мархвинский уделяют особое внимание. Подлесь делится своим опытом сотрудничества с дирижерами, партнерами по сцене, пианистами-аккомпаниаторами. Она хвалит выдающихся, мудрых, понимающих принцип этой свободы, и называет их по именам. Когда же речь заходит о заблуждениях и недоразумениях, имена звучат реже... Главное достоинство книги состоит в том, что в ней сохранено естественное течение разговора. Благодаря этому мы получили настоящий портрет первоклассных музыкантов без всякой позы, котурнов, маски.

Третья встреча с искусством Эвы Подлесь, к сожалению, стала уделом немногих. Певица выступила на концерте польской и русской музыки, состоявшемся в Варшаве 16 января по случаю визита в Польшу президента РФ Владимира Путина. В первом отделении концерта оркестр Большого театра под управлением художественного руководителя театра Яцека Каспшика исполнил 4-ю (Концертную) симфонию для фортепьяно с оркестром Шимановского. Солировала пианистка Эва Купец. Во втором отделении была исполнена кантата Прокофьева «Александр Невский». Сольную партию в части «Мертвое поле», предназначенную для меццо-сопрано, исполнила Эва Подлесь — выразительно и трагически. Оба президента присоединились к долгой овации, которую зал устроил всем исполнителям.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

● «Нам надо научиться наводить культурные мосты между соседями, даже если их снова будут разрушать. История Европы учит, что это Сизифов труд, но одновременно и условие нашего существования, ибо нет будущего у тех, кто остается в одиночестве на одном из берегов реки», — сказал на юбилее фонда «Пограничье» и центра «Пограничье — искусств, культур, народов» руководитель центра Кшиштоф Чижевский, один из тех, кто десять с лишним лет назад участвовал в его создании. В этом году в Сейнах прошло много встреч, в том числе с послем Израиля в Польше Шевахом Вейсом; в течение двух дней проходил также Центральноевропейский форум культуры. Были открыты Дом Пограничья и литературное кафе «Европа». «Мы хотим, чтобы встреча в Сейнах стала попыткой понять действительность. Нам нужны мудрость, опыт и представления близких нам людей», — написали организаторы в приглашениях на это мероприятие. (О «Пограничье» мы публикуем два текста в этом номере «Новой Польши».)

● Премию имени польского историка Александра Гейштора, присуждаемую организациям или частным лицам за деятельность по сохранению культурного наследия, в этом году получил Стефан Сутковский, директор известного во всем мире Варшавского камерного оперного театра, музыковед, на счету которого немало открытых им произведений старинной польской музыки.

● В Варшаве в возрасте 87 лет скончался Арнольд Мостович — врач, писатель, журналист и общественный деятель. Во время оккупации он был врачом в лодзинском гетто. А. Мостович — автор сценария знаменитого документального кинофильма «Фотолюбитель» о гетто в Лодзи, где он выступил также в роли комментатора. Он возглавлял Еврейский союз ветеранов и жертв II Мировой войны. Его перу принадлежат и работы, сочетающие в себе фантастику и науку («Мы из космоса», «Спор о сынах неба»).

● Лауреатами премии им. Владислава Реймонта стали Тадеуш Конвицкий за литературное творчество в целом и Ярослав Абрамов-Неверли за книгу «Львы моего двора». Эта премия, присуждаемая Союзом польского ремесла, ценится все выше. «Мне кажется, — сказал при получении премии Тадеуш Конвицкий, — что даже в эпоху глобализации всегда будет цениться то, что создано лично

стью, отдельным человеком. Поэтому я с удовольствием и удовлетворением принимаю премию Союза польского ремесла, ибо рассматриваю ее как награду от коллег».

● Два польских автора выдвинуты на присуждаемую с 1974 г. литературную премию американской критики. «Поэтический трактат» Чеслава Милоша выдвинут в категории поэзии, а книга Яна Томаша Гросса «Соседи» — литературы факта.

● Книга «Мир моими глазами» Юзефа Чапского, художника и писателя (автора книги «На бесчеловечной земле»), вышла в серии «Свидетели XX века» в издательстве «Apostolicum — Edition du Dialogue». Это цикл бесед с Чапским, состоявшихся в Мезон-Лаффите незадолго до его кончины. «Бесценным документом эпохи» называет книгу Эльжбета Савицкая в газете «Жечпосполита» и далее пишет: «...эта книга стоит того, чтобы читатель прочел ее, чтобы он услышал и понял голос одного из самых важных свидетелей драматических событий XX столетия. Это рассказ не только о событиях — революции, войнах и лагерях, — но и о том, что было увлекательного в области мысли и искусства».

● Польский ПЕН-Клуб во главе со своим новым председателем проф. Владиславом Бартошевским организовал интересный вечер, посвященный политическим взглядам Томаса Манна, под лозунгом «Опасные соблазны: Томас Манн и консервативная революция».

● В фойе Театра им. Словацкого открылся Краковский салон поэзии. Встречи здесь происходят по утрам в воскресенье. Выдающиеся актеры читают стихи по своему выбору. На первых встречах зал не смог вместить всех желающих.

● Прекрасно проходят также встречи в Салоне писателей, организованном директором варшавской Национальной библиотеки Михалом Ягелло. Недавно гостями Салона были Петр Соммер и Лешек Шаруга, а Салон издателей принимал издательство «Пограничье».

● В списке бестселлеров за весь 2001 год царствуют, разумеется, женщины — это по-прежнему Катажина Грохоля и ее «Никогда в жизни», Иоанна Хмелевская (на сей раз «Нелегкий труп»), а также Малгожата Мусерович («Каламбурка»). Однако между ними вклинился лауреат премии «Нике» за 2001 год Ежи Пильх («У Крепкого Ангела»,

2-е место), сразу же за ними оказалась книга воспоминаний Владислава Шпильмана «Пианист», а следующие места (с 6-го по 10-е) заняли пять книг писателя в жанре «фэнтези» Анджея Сапковского.

● Мода на экранизацию польской классики в польском кинематографе отнюдь не прошла, и все указывает на то, что пройдет нескоро. Стимулируют ее кассовые сборы вышедших в прокат фильмов. Анджей Вайда, приступивший к съемкам «Мести» по мотивам комедии Александра Фредро (с участием Януша Гайоса, Анджея Северина, Романа Полянского и Даниэля Ольбрыхского), добавил еще один аргумент, свидетельствующий в пользу такой практики. На пресс-конференции, предварившей первый стук «хлопушки» на съемках «Мести», А.Вайда представил первое японское издание «Пана Тадеуша», вышедшее из печати после того, как по экранам японских кинотеатров прошла экранизация поэмы Мицкевича.

● 40-летие своей творческой деятельности отметил в краковском «Театре Ста» Даниэль Ольбрыхский — звезда польского экрана. В юбилейном вечере, прошедшем в атмосфере веселья и шуток, приняли участие самые знаменитые деятели польской сцены и эстрады во главе с Адамом Ханушкевичем и Марылей Родович.

● К работе над документальным фильмом «Шоу-бизнес по-польски» приступил Сильвестр Латковский, автор ряда интересных документальных кинолент. «Недавно... — сказал Латковский в интервью «Газете wyborczej», — я убедился воочию, насколько поверхностно преподносит большинство СМИ образ жизни в шоу-бизнесе... Настало время замахнуться на очередных священных коров. На сей раз — погребенных в шоу-бизнесе».

● Не смолкают дискуссии вокруг решения о закрытии единственного серьезного кинематографического журнала в Польше — ежемесячника «Кино». Конечно, по финансовым причинам. И хотя все больше лиц, ответственных за это решение, заверяют, что журнал не перестанет выходить, денег как не было, так и нет.

● В плебисците газеты «Жечпосполита» на самого популярного актера этого года первое место занял Януш Гайос («Бигда идет»). Второе место присуждено самому популярному в последнее время герою-любовнику польского кино, Скшетускому и Пану Тадеушу в одном лице, — Михалу Жебровскому. На третьем месте Франтишек Печка («Quo vadis»), на четвертом — Кшиштоф Печинский («В горе и в радости»), на пятом — Марек Кондрат («Экстрадиция»).

● В последнее время среди некоторых политиков быстро завоевывает популярность школа имиджмейкера Петра Тыховича. Самым способным его учеником оказался лидер «Самообороны» Анджей

Леппер. Недавно Петр Тыхович пропагандировал свои методы в телепрограмме, объявив с высоты самой массовой трибуны, что «в средствах массовой информации слова имеют значение только на 20%, ибо на 80% эффективность определяют жесты». Петр Тыхович учит в своей школе как раз соответствующим жестам.

● Современное оборудование, с которым выехала в Афганистан съемочная группа польского информационного канала ТВН-24, произвело фурор: оказалось, что в тот момент это было единственное в тех местах оборудование, способное передавать телесигнал с любой точки планеты. Его возможностями воспользовались представители испанского телевидения, Эн-Би-Си и Рейтера, а также... катарского телеканала «Аль-Джазира», получившего известность благодаря передаче видеозаписей с речами бен Ладена. Беря по 600, а то и по 1000 долларов за 10 минут телепередачи, ТВН-24 заработал состояние на этом афганском бизнесе. Оборудование вернулось домой лишь в конце января. Вот это называется: оказаться в нужном месте в нужный момент.

● В возрасте 60 лет в Щецине скончалась Хелена Майданец, одна из первых звезд польской эстрады после эпохи массовой песни. Ее самый знаменитый хит — «Рыжий рыжик». Она выступала и за рубежом, часто в Советском Союзе. Много лет Х.Майданец провела во Франции, завоевав и там большую популярность.

● В Польше на постоянной основе работают 22 филармонии и еще два оркестра, регулярно организующих концертные сезоны. В Варшаве состоялся Фестиваль польских филармоний, в рамках которого были представлены достижения этих организаций, играющих важную роль в музыкальной жизни страны.

● В третий раз кресло директора Нового театра в Лодзи готовится занять режиссер Казимеж Деймек (постановщик, в частности, знаменитого спектакля «Дядя» по Мицкевичу, с которого начались студенческие волнения 1968 года), занимавший должность министра культуры в правительствах Вальдемара Павляка и Юзефа Олексы. Нынешний директор Нового театра Михал Грабовский переходит в краковский Старый театр, руководить которым в настоящее время, вероятно, особенно нелегко: это сцена со славными традициями, до которых нынешнее ее состояние решительно недотягивает.

● Сара Кейн покончила жизнь самоубийством в возрасте 28 лет три года назад. Однако ее уже объявили классиком современности, чуть ли не Шекспиром XX века, автором, в произведениях которого полное всего отразился жестокий лик столетия. После долгих колебаний и сомнений, окруженные ореолом скандала, произведения англичанки были, наконец, показаны в

Польше. Сначала Кишиштоф Варликовский на сцене варшавского «Театра розмаитости» поставил ее «Очищенных». Потом Гжегож Яжина подготовил в Познани и в Варшаве постановку последней пьесы Сары Кейн «Психоз 4.48». И хотя критика, особенно настроенная консервативно, не всегда в восторге, публика валом валит. Оказалось, что скандальные пьесы британского автора, в которых говорится о безнадежности жизни, становящейся для большинства людей экзистенциальной ловушкой, все-таки трогают польского зрителя. Так, как некогда — якобы столь же скандальные драмы Беккетта и Ионеско.

● Между тем в радомском «Театре повсехном» прошла «Неделя смелых пьес» — смотр драматургии современных польских актеров.

● На выставке в Музее литературы представлены десятки фотографий, макетов, костюмов и программ, связанных с многочисленными экранизациями и инсценировками произведений Достоевского, автором которых был Анджей Вайда. После варшавской премьеры выставка будет перевезена в Музей Достоевского в Петербурге.

● Из Брюсселя перевезена в Варшаву большая выставка польского искусства конца XIX — начала XX века «Канун веснь». Выставка была организована в рамках фестиваля «Европалии — Польша-2001». На выставке представлены около 150 самых известных картин и рисунков, 15 скульптур и 60 фотографий из собраний 17 музеев и семи частных коллекций. В Варшаве выставка, размещенная в галерее «Захента», вызывает не меньший интерес, чем в Брюсселе.

● В варшавский Королевский замок доставлены в больших ящиках «Сокровища Габсбургов» из венского Музея истории искусства. И хотя здесь нет самых ценных экспонатов из собрания музея, все же выставка дает представление о страсти членов этой династии к коллекционированию и передает атмосферу духовной жизни бывшей империи. Ее сокровища нашли заботливого опекуна в возникшей на ее руинах современной австрийской республике. Можно только пожелать многочисленным польским собраниям такого же пиетета в отношении к прошлому.

● В Силезском музее в Катовице открылась выставка «Да здравствует император». Ее герой — Наполеон Бонапарт, вернее его образ, сохранившийся в польских музеях и частных коллекциях, а также в умах и сердцах поляков.

● В Европе (и не только) многие по-прежнему интересуются «странствиями» произведений искусства, которые в результате войн и изменения границ оказались у владельцев, не всегда признаваемых правомочными. О правовом статусе захваченных произведений искусства и иных последствиях перемен, которые принес в жизнь этого континента XX век, говорилось на двухдневной конференции, организованной Фондом им. Стефана Батория. «Слушая выступления на заседаниях, — пишет журналист «Газеты wyborczej», — можно прийти к выводу, что в сфере объектов культуры II Мировая война закончилась совсем недавно и во многих случаях исторический опыт и память остаются знаменами раздора. Но мы все чаще обсуждаем эти вопросы».

● В варшавском Большом театре открылась одна из самых необыкновенных художественных выставок последнего времени. На ней представлены неизвестные прежде гуаши, акварели и рисунки Анджея Врублевского. Художник, трагически ушедший из жизни в возрасте 30 лет, испытавший на своем творческом пути самые разные превратности судьбы в не лучшие для искусства 50-е годы, посмертно был признан одним из самых выдающихся польских художников современности. Выставку, составленную из найденных недавно дочерью художника рисунков, критики единогласно признали сенсационной.

● Семья Лениц стала коллективным героем организованного в Познани фестиваля. Ретроспектива живописи старейшины рода Альфреда Леницы сопровождалась монографической выставкой, посвященной творчеству его сына Яна — художника и режиссера, автора мультипликационных и художественных фильмов, а также выставкой книжных иллюстраций и графики дочери Альфреда Дануты Леницы-Конвицкой.

● На южном фасаде варшавского Королевского замка появилась ярко-желтая реклама чая «Липтон», загораживающая силуэт здания. Впрочем, это не единственный случай такого рода в Польше. Шутники утверждают, что реклама «превосходно расцвечивает серый пейзаж города». Однако надо понять, что таких случаев будет все больше, ибо платная реклама различных фирм — единственный способ добывать средства на обновление или хотя бы консервацию исторических памятников. Средства, которых в государственном бюджете не нашлось.

Татьяна Вольтская

ЧЕЛОВЕК И РОЯЛЬ

С фотографии смотрит человек, откинувшийся от рояля, на котором он только что играл. Позади инструмента книги. На лице — улыбка. Это композитор Сергей Слонимский, обладатель многочисленных регалий и наград, народный артист России, лауреат

фестиваля в петербургском Генеральном консульстве Польши прошел творческий вечер Сергея Слонимского. Когда я раскрыла программку, из нее выпал листок с родословным древом Слонимских, из которого следовало, что род Слонимских происходит из Варшавы.

О том, насколько фамилия *Слонимский* не чужда польской культуре, с истинно польским изяществом сказали во вступительном слове Генеральный консул — г-н Эугениуш Мельцарек и консул — г-н Хероним Граля.

А потом была музыка. Интересно, что нарядного ведущего с громким официальным голосом не было: Сергей Слонимский сам вел свой концерт — рассказывал о произведениях, заботливо звал на сцену артистов, — и это придало вечеру удивительную теплоту и непринужденность, с первых минут растопив традиционный концертный холодок.

Государственной премии РФ им. М.И. Глинки, преподаватель петербургской консерватории, основатель и ведущий музыкальных собраний петербургского Фонда культуры, музыковед, пианист, автор опер «Виринея», «Мария Стюарт», «Мастер и Маргарита», «Гамлет», «Видения Иоанна Грозного», многих симфоний, фортепианных произведений, романсов, и т.д., и т.д. А главное — обаятельный человек. И очень молодой, несмотря на то, что год его рождения — 1932.

Нынешний год для него юбилейный. В Петербурге вот уже несколько месяцев идет фестиваль его имени, кульминация которого намечена на август. 12 марта в рамках этого

Сначала выступали дети. Пока маленький артист (лауреат международных конкурсов, между прочим) Саша Болдачев обнимал арфу, готовясь исполнить Чеченскую рапсодию, я вспомнила, что Сергей Михайлович уже рассказывал мне об этом произведении. Он написал его во время первой чеченской войны — «в честь доброй чеченки Эльмиры Саламовой». А когда написал, артисты долго не хотели ее исполнять — просили назвать Восточной рапсодией, но композитор отказался: так она и осталась Чеченской.

Мы тогда разговаривали долго, поскольку я задумала передачу о Слонимском для радио «Свобода», и разговор, конечно, шел не только о музыке. Мы сидели у него дома, в знаменитом писательском доме на канале Грибоедава, а когда сидишь в таком месте, сами собой всплывают

многие громкие имена. Отец композитора, писатель Михаил Слонимский был членом группы «Серапионовы братья», куда входили и Зощенко, и Каверин, и Федин, и Тихонов. В этой самой комнате восьмилетний Сережа Слонимский присутствовал при первом чтении «Дракона» Евгения Шварца — в исполнении автора. «После этого ни один театр, ни один актер не производил такого впечатления... Потрясающий, страшный рев Дракона — ну что, страшно? — и Ланцелот: да нет, нисколько. Инфернальное начало, XX век, новый сверхзлодей... Потом, когда это в музыке Шостаковича появилось, мне это было понятно благодаря «Дракону» Шварца».

А еще у Сергея Слонимского был знаменитый дядя, Николай Слонимский. «Это был американец, эмигрант, — рассказал мне композитор, — он внес огромный вклад в музыкальную культуру Америки, был первым исполнителем музыкальной классики — Айвза, Коуэлла; новейшее поколение модернистов училось, посещая его концерты. Он умер в возрасте 101 года. Знал 14 языков. Кроме того, это был человек с колоссальным чувством юмора. В своей книге «Лексикон музыкальной брани» он собрал всю критику на музыкантов, начиная с Баха и кончая Шенбергом и Стравинским. Оказывается, всех ругали за одно и то же — академично, не хватает душевной мелодии... Даже про Чайковского написано — «вонючая музыка».

Кстати, с Чайковского мы тогда и начали. Я собралась к Слонимскому в гости после разговора с Шемякиным. Как известно, Михаил Шемякин поставил в Мариинском театре «Щелкунчика», а тут стало известно, что этим дело не кончится — что Сергею Слонимскому заказан пролог к балету. И вот я сижу у композитора в гостях, и он играет мне фрагменты из будущего одноактного балета, а я спрашиваю его, представляет ли он, сколько брани обрушится на него за попытку покушения на святое — нашего родного привычного «Щелкунчика». И он терпеливо объясняет, что никакого покушения не будет, Чайковский останется невредим, просто в прологе будет дана предыстория про волшебный орех Кракатук и про то, как молодой племянник Дроссельмейера превратился в деревянного уродца, — все это есть в сказке Гофмана.

«Наказанное благородство — тема этого пролога, — объяснил Слонимский. — В конце Михаил Михайлович по моей просьбе придумал очень интересную трагическую кульминацию. Все крысы во главе с Крысильдой злорадно обступают Дроссельмейера и его племянника, начинается оргия крыс.

У Чайковского идет тема злых сил, мышинного теневого царства. Это очень современная музыка. Так же, как в VI симфонии, он предвидел в ней какие-то страшные разрушительные силы не только XX, но и XXI века.

Я думаю тут найти нечто новое в обрисовке злых сил. В обрисовке мышей я хочу использовать компьютерную музыку и то, что называется современной минимусикой. Это течение, модное во всем мире, особенно в Соединенных Штатах: однообразная, назойливая повторяемость коротеньких мотивчиков. И это может быть тоже спародировано, как спародирован был рыцарский роман в «Дон-Кихоте». Я собираюсь этих крыс и мышей изобразить адептами примитивной, минимальной музыки и такого же образа жизни.

Вместе с тем, мне бы не хотелось, чтобы, слушая пролог, люди уж слишком тосковали — когда же будут красивые мелодии. Поэтому я хочу начать с мелодии, которая ассоциировалась бы с Чайковским, но не цитировала бы его».

Мне повезло — я эту мелодию уже слышала. На концерте в польском консульстве она, конечно, не звучала, зато была замечательная полька, написанная к гоголевскому «Ревизору» в постановке Г. Товстоногова (ее, кстати, исполняли дети самого композитора: Марианна и Саша Слонимские играли на рояле в четыре руки). Еще были две арии королевы Марии из оперы «Мария Стюарт» в исполнении Варвары Дитятковской, были Романтический вальс и интермеццо памяти Брамса в исполнении лауреата Международного конкурса Галины Жуковой (фортепиано), была коротенькая пьеса «Колокола» в исполнении автора — всю программу переписывать бессмысленно. Но об окончании концерта не сказать нельзя.

Во-первых, после всех объявленных произведений Слонимский сыграл 7-й вальс Шопена, и это было необычайно уместно и

Татьяна Вольтская

необычайно трогательно. Во-вторых, после этого началось своего рода второе отделение, когда композитор импровизировал на заданные темы. Жанр почти забытый, а, между тем, удивительно

живой: записка из зала, несколько строк, мысль, образ — и тут же музыкальный ответ, всегда яркий и неожиданный, всегда созвучный поводу, хотя и перевернутый по закону отражения — как облако, плывущее в воде.

Именно во время импровизации стало видно, что Сергей Слонимский и рояль — это нечто единое, нераздельное.

Что тут скажешь? Не повторять же банальности вроде того, что концерт — это праздник, и что музыка — праздник... В банальности всегда ложь. И музыка на самом деле никакой не праздник, музыка — это жизнь.

Ниже помещаем стихотворение Татьяны Вольтской — известной петербургской журналистки и писательницы, которое было прочитано в финале концерта С.Слонимского и тут же переведено на язык музыкальной импровизации самим композитором.

• • •

Чем настойчивей рвется в окно пурга,

Тем теплее губы, прочней рука

Заключает плечи в кольцо, и тем

Невозможней дрожь отделить от тел,

Как от пламени отличить дрова,

Тем сильнее откинута голова,

Тем больнее жжешься - едва коснись,

Тем быстрее качаешься - вверх и вниз.

И лежит под нами в гробу Нева,

Свесив в море белые рукава,

И стоит укоризненно за спиной

Город с белыми крыльями за спиной.

март 2002

Янина Куманецкая

ПРОБУЖДЕНИЕ ОТ ЛЕТАРГИИ

В течение нескольких предыдущих сезонов Театр ТВ сохранял свою репутацию, радуя зрителей поразительно рационалистическим исполнением польских романтических драм («Ксендз Марек» и «Серебряный сон Саломеи» Юлиуша Словацкого), поставленных Кшиштофом Назаром, или отличными постановками Мацея Войтышко по Михаилу Булгакову («Мастер и Маргарита», «Мольер, или Кабала святош»). После этих удачных премьер театр, существование которого оказалось под угрозой, как будто надолго погрузился в летаргию, быть может, предпочитая не привлекать к себе внимания властей, неустанно грозящих закрыть театр ТВ: видите ли, спектакли по телевидению смотрят всего каких-то... два миллиона человек. К сожалению, властям это оказалось на руку, а страдали зрители, которым даже по государственному телеканалам мало что оставалось смотреть, кроме всяческих подвигов типа «того убили, а тот убёг». И все выглядело так, будто эта необычайно высоко ценимая сцена, один из лучших замыслов во всей истории польского телевидения, на глазах у зрителей собирается совершить демонстративное самоубийство.

И вдруг... меньше чем за месяц — целых четыре премьеры. И все разные, каждая выдержана в ином стиле. И все интересные. А вдобавок одно повторение — но, пожалуй, самого интересного спектакля последних лет — «Бигда идет», поставленного Анджеем Вайдой по весьма популярному в межвоенном двадцатилетии роману Юлиуша Каден-Бандровского. Кстати, сегодня этот спектакль, рассказывающий о манипуляциях в Сейме, где в игру входят только цинизм и безжалостность на пути к цели, а отнюдь не порядочность и интересы избирателей (хотя иногда и задается вопрос: что-то они скажут?), приобрел новую злободневность и стал чем-то вроде грозного *memento*. Теперь же, после свар последних месяцев в Сейме, в которых главную роль сыграл Анджей Леппер со своей «Самообороной», спектакль стал выглядеть просто пророческим.

Две из вышеупомянутых премьер — это современные польские пьесы. «Паломники» Марека Прухневского уже показали свои достоинства на обычной сцене. У автора немалый театральный опыт, и он всегда обращается к современным проблемам. На этот раз тема пьесы — паломничество католиков к святым местам, а место действия — битком набитый польскими паломниками автобус. После театральной премьеры об этой пьесе заговорили как о современной «Свадьбе»: как и в драме Выпянского, мы имеем дело со сплавом обыденно-необыденной действительности и мифологизированной истории, а также с неспособностью простых людей соответствовать ее требованиям. Опытный кинорежиссер Мацей Дэйчер создал в Театре ТВ весьма реалистическую и в то же время постоянно доходящую до гротеска картину современной польской жизни в тени истории, от которой герои, может, и хотели бы избавиться, да не могут. И это тоже весьма правдиво. Выпускник сценарной студии при Лодзинском киноинституте Мацей Писук обратился к материалу, отстоящему во времени и пространстве гораздо дальше. Действие его пьесы «Звезды и судьба человека» происходит под Москвой в 30-е годы минувшего века. Две цепочки энкаведистов по приказу товарища Сталина ищут астронома, который мог бы сообщить диктатору, как называется только что увиденная им звезда. К сожалению, разыскиваемые непредвиденным образом реагируют на раздающиеся поздно ночью слова «Откройте, милиция»: один умирает от разрыва сердца, другой прыгает из окна на мостовую, третий... И в конце концов молодым бойцам НКВД приходится бороться за свою жизнь, ибо они обязаны принести ответ товарищу Сталину. И снова гротеск становится носителем новейшей истории нашей части мира. Создатели телевизионного спектакля поставили его как серию накладывающихся друг на друга и взаимопроницающих картин, создающих ощущение нереальности. Увы, как в спектакле, так и в отображаемой им жизни вполне реально смерть. И это заставляет смотреть на разыгрывающуюся историю несколько иначе, чем на балаганную повестушку о гебешных неудачниках.

Третья польская премьера — «Брат Элвис» Марины и Михала Щепанских, байка о кратком пребывании гурала из Америки у родных на Подхалье. Прелесть ей придает гуральский диалект, а главное, балладная тональность рассказа о знаменитом сказочнике Сабале, одном из самых популярных героев легенд Татр: он давно уже умер, но продолжает жить, и благодаря ему польские горы навсегда останутся бастионом поэзии, а гуралы, хочешь не хочешь, даже делая все наоборот, будут ей служить.

И в заключение — жемчужина. У телевизионного театра две главные миссии. Первая — пропагандировать и представлять современную польскую драматургию. Вторая — воспитательная: вводить все новых и новых зрителей в зачарованный мир театра. В ее рамках и воспринимается изумительно красивый спектакль, который поставил Густав Холоубек по комедии Мариво «Игра любви и случая». Французский драматург XVIII века, мастер любовных фарсов, был и мастером анализа чувств и изображал пропитанный любовью, лишенный пуританства мир эпохи до Великой французской революции, от которого нас потом на целые световые годы отделила закованная буржуазная комедия, ставившая целью не утверждение, а критику. Холоубек как огня избегает такого стиля, зато он известен своими телевизионными постановками романтических и предромантических пьес. У него есть чувство стиля и стиха, и он умеет передать его актерам. Не впервые он доказал, что на телевидении есть место для традиционно понимаемой театральной классики, что здесь она выходит лучше, чем в обычном театре, так как в распоряжении телевидения имеются лучшие актеры и, что в данном случае тоже весьма важно, замечательные сценографы. «Игра любви и случая», отлично сыгранная (среди исполнителей, в частности, Артур Жмиевский, один из самых популярных польских киноактеров), поставленная в прекрасных декорациях и красивых костюмах, стала настоящим отдыхом и доставила наслаждение зрению и слуху. Небольшая пауза, позволяющая забыть о силках истории, в которых мы так безнадежно запутались.

О ЧЕЛОВЕКЕ

Беседа с Барбарой Скаргой

Барбара Скарга родилась в Варшаве, до войны изучала философию в Виленском университете им. Стефана Батория, в 1944 г. была арестована НКВД, сидела в советских лагерях до 1955 года. В 1957 г. закончила философский факультет Варшавского университета, в настоящее время — профессор-пенсионер Института философии и социологии Польской АН. Автор многих книг по современной философии. Последние изданные труды: «Границы историчности» и «Тождественность и различие».

— Мы пригласили вас, чтобы поговорить о человеке, но хотели бы начать с коварного вопроса: существует ли еще сегодня человек как индивидуум, как личность?

— Сейчас упорно твердят, что человека уже нет, что человек умер, что ему пришел конец. Это слышно с самых разных сторон. Чтобы говорить о человеке, сегодня нужно обладать немалой храбростью и самоуверенностью. Я не думала, что наберусь такой храбрости. А набралась, очевидно, потому, что хотела выступить против этого чудовищного мнения. Хотя в каком-то смысле оно обосновано...

— В каком смысле?

— Факт, что язык прежнего гуманизма уже устарел. Говоря о человеке, нужно было бы использовать какой-то новый язык, которого у нас еще нет. Критика же вращается вокруг аргументов, ныне уже банальных. Самый простой их тип, наиболее распространенный, говорит о технизации нашей жизни. Технике полагалось быть послушным нам инструментом. Казалось, что для этого мы ее и создали. Но бывает и так, что она господствует над нами. Она изменяет наши нравы, образ жизни, отношения между людьми. Она приближает нас к себе — в том смысле, что облегчает контакты, но, с другой стороны, они становятся анонимными. Теряется их индивидуальный аспект: мы уже не умеем друг с другом разговаривать, мы общаемся. Это уже сто раз описанные банальности, но о них стоит напомнить. Ибо что представляет собой человек для науки? Это организм, вид, элемент общества, расы, нации и всего прочего... Но человека как личности нет. В сущности им управляют, скажем прямо, анонимные силы.

— Анонимные силы, которые он сам пустил в ход?

— Это неизбежный процесс. Мы действуем себе на благо, но в то же время против себя. Мы никогда не знаем последствий процессов, которые приводим в движение даже с благими намерениями. Мы изобретаем лекарство, которое потом оказывается причиной другой тяжелой болезни.

Современная критика человека затрагивает еще один важный вопрос. Сейчас осуждают всю форму европейской культуры — не только технику, науку, но и что-то, лежащее глубже, у истоков, как говорят философы, и что должно было разрешить проблему технизации нашего времени. Вот говорят, что со времен Декарта Я-сogito, или Я-субъект, все делает объектом, а объектом можно манипулировать. Отсюда вывод, что нужно забыть о философии субъекта, которую обвиняют ныне даже в том, что она породила тоталитаризм. Субъект начинают расценивать как узурпатора и винят во всевозможных

репрессиях и насилии. Так что нужно отбросить понятие субъектности. Так теперь говорят. Но не каждый познавательный акт влечет за собой эксплуатацию и манипуляцию. Перечеркивая субъект, личность, мы перечеркнем ответственность.

Критика субъектности и лозунг «конца человека» для меня столь же опасны, как вышеупомянутая анонимность. Это две стороны одной и той же тенденции.

Европейская культура, ибо только о ней я хочу здесь говорить, на протяжении веков двигалась к анонимности, а те, кто пытается эту культуру спасти, готовы усматривать причины этого именно в индивидуальном «я», как будто оно во всем виновато. По моему убеждению, здесь совершается крупная ошибка: анонимность — это факт, но единственная сила, которая может защитить нас от анонимности, которая может ее сокрушить, — это индивидуальное, ответственное «я».

— Почему «человек без свойств» стал равно удобен и пригоден при тоталитаризме и демократии? Откуда такой спрос на этот тип человека? Почему мы на это соглашаемся?

— Человеку удобнее переложить ответственность на внешние обстоятельства, искать оправдания в истории, в обществе: это не моя вина, что я украл, меня так воспитали, виноваты семья, общество, история.

Люди не хотят думать самостоятельно; они необычайно легко поддаются тому, что положено. Хайдеггер бы сказал, что победило анонимное «неопределенно-личное»: так говорят, так делают, так положено. Ныне господствует мнение, что говорит не человек, а язык говорит посредством человека, культура говорит посредством человека. Мы рождаемся внутри языка, который нас формирует с самого начала, мы рождаемся внутри культуры, которая нас формирует. Все это правда, но не вся правда. Ибо кто мы такие? Кто такие те, чьи голоса мы слышим в культуре? Неужели автора в самом деле нет? Хотя язык нас формирует, хотя он каким-то образом организует наш интеллект, не подлежит ни малейшему сомнению, что только в отдельном человеке таится та удивительная созидательная сила, которая способна этот язык изменить. Обновить его, избавить от штампованных оборотов.

Этой силой обладает только отдельный человек: ученый, поэт, философ — такой, как Кант, Гуссерль, Хайдеггер, Декарт, тот, кто изменяет наш образ мыслей. Благодаря ему все мыслят иначе. Затем рождаются новые стереотипы и вновь овладевают нами, но всегда есть где-то тот единственный, кто отважился изменить наши взгляды.

Автор существует! А раз он существует, то поклонимся ему. Не будем говорить, что его посредством культура заговорила, ибо заговорил он, воздадим ему должное.

Кто-то отважился высказаться иначе, чем все. Ибо нужно иметь храбрость, чтобы мыслить иначе и чувствовать себя кем-то другим.

— Этот страх — проявление боязни отчуждения?

— Может быть. Группа людей хочет быть вместе, поэтому, например, даже дети хотят быть похоже одеты. Иначе они рискуют выделиться, а мы не любим, когда кто-то выделяется...

— Но все же самое захватывающее в нашей жизни — встреча лицом к лицу с другим человеком.

— Мне бы хотелось, чтобы так было, чтобы мы питали уважение к инаковости. Но все же обычно происходит иначе — чужих мы не любим.

— Однако мы говорим не только об инаковости в плане культуры или цвета кожи. Каждый человек — иной, и когда вы говорите об анонимности, мы понимаем, что это также бегство от другого человека, неспособность начать диалог в основополагающем смысле слова.

— Наверное, да. Человек — существо неповторимое и парадоксальное. В нем живет страх перед другим человеком, но вместе с тем и стремление к нему. Собственно говоря, он не может без него жить. Есть у нас также — может, не у всех, нельзя обобщать — желание сделать другого таким же, как мы, кем-то не отличающимся от нас. Мы любим общаться только с людьми, ко-

торые мыслят и реагируют так же, как мы сами, мы себя с ними лучше чувствуем. Но, с другой стороны, этот другой человек дает нам что-то, чего мы даже не ожидаем. Есть в этом удивительная противоречивость страха, стремления, неприязни и тоски. Человек — существо непростое, в нем все это коренится вместе.

— *Вы написали, что мы никогда не бываем одни, но всегда одиноки.*

— Одиночество временами ужасно, но порой ценно. Только в одиночестве мы можем быть сами собой. Только оно дает нам возможность взглянуть в себя. С одной стороны, нам необходимо общение, но с другой — человек, который задумывается над смыслом своей жизни, над собой самим, порой нуждается в барьере, отделяющем его от других. И это не результат психологических предположений. Я готова утверждать, что одиночество позволяет нам найти свои онтологические корни — оно затрагивает структуру нашего бытия.

— *А не философский ли это абстракт? Существует ли вообще абсолютное одиночество?*

— Думаю, да. Может быть, иногда при сильном страдании. Может, в те редкие моменты, когда мы полностью отчуждены, когда невозможно друг друга понять. А кроме того, жизнь устремлена к смерти, и умираем мы одни. Никто не умирает с кем-то.

— *Это-то и есть предел нашего одиночества? Смерть...*

— Может быть. Не знаю.

— *Мы считаем, что любовь — это нечто, соединяющее двух людей в одно целое. Но из нашего разговора вытекает, по-видимому, что-то иное. Рильке писал, что любовь — это забота о чужом одиночестве. Это определение любви как будто подходит к тому, о чем мы здесь говорим.*

— Генрик Эльзенберг сказал, что любовь — это радость от чужого существования. Мне нравятся эти слова. Дело тут не в единстве, а в чем-то противоположном: в глубоком признании инаковости. Мы никогда не подчиним себе другого человека — я не верю в слияние воедино. Зато я верю в признание инаковости, в восхищение другим существом. Зачарованность его инаковостью: спасибо, что ты другой. Меня влечет к тебе именно потому, что ты — другой; что ты не такой же, как я. Может, это самое важное в любви? Зато когда хочется этого другого человека сделать себе подобным, нивелировать, то это, пожалуй, любовь неглубокая, которая заканчивается чаще всего трагически.

— *Когда же мы начинаем искать себя? Когда возникает вопрос: кто я? Или бывают какие-то особые обстоятельства, которые провоцируют человека, какие-то пограничные ситуации?*

— Очень мало людей задумываются об этом. Проще жить, не задаваясь вопросом о себе, о смысле собственной жизни. Я не знаю, когда возникает такой вопрос. Может быть, необходимо стечение обстоятельств, которые заставили бы его задать? Есть люди, которые никогда его себе не задают. Но есть и такие, кто от этого вопроса не может избавиться, ибо он постоянно возникает и все время терзает.

— *Что могут дать человеку эти поиски?*

— Не знаю.

— *А что это принесло вам?*

— Я не могу этого объяснить. Но для меня важна сама потребность придать смысл собственному существованию — столь хрупкому, погруженному в небытие.

— *В небытие?*

— Да. Оно нам сопутствует постоянно.

— Что оно такое, небытие?

— Вам это, может, покажется смешным, но небытие — это то, чего нет. То, о чем мы сейчас говорим, длилось невероятно краткое мгновение, и этого уже нет. А то, что наступит, чего мы ждем, еще не существует.

Существует лента памяти — это правда, — но что-то было, что-то будет, и где же мы пребываем? На тонком острие настоящего, которое все время передвигается. Может, мы находимся скорее в том,

что было, а может, скорее в том, что будет... Мы непрерывно перескакиваем из прошлого в будущее и обратно.

— *И у нас никогда нет «теперь»?*

— Никогда. «Теперь» вообще не существует. Но это бытие еще откуда-то выглядывает. Ведь мы появляемся неизвестно откуда, брошенные в мир, и уходим неизвестно куда.

— *Мы никогда не находимся в «теперь», которое окружено небытием. Ужасающая картина.*

— Может быть. Что ж, человеческая жизнь столь зыбка, непрочна, столь в сущности коротка. Поэтому нужно задумываться о смысле данной минуты. Задавать себе вопрос, что она такое.

— *Что же может придать ей смысл?*

— Может, только... нет, на это я не могу ответить. Скажу лишь, что с каждым человеком это происходит по-разному.

— *А что такое надежда? Говорят: «слепая надежда», «надеждой жив не будешь»...*

— Я придаю надежде огромное значение. Из великих кантовских вопросов это для меня самый главный: на что мы можем надеяться?

— *Этим-то мы и живем?*

— Без этого мы не могли бы жить или же нам пришлось бы погрязнуть в повседневности. Надежда устремлена в разных направлениях — для каждого она значит что-то свое.

— *Так что же нас удерживает при жизни?*

— Сильнее всего — деятельность. Для многих людей именно она реальна, нормальна, а весь этот философский вздор, размышления о собственной жизни — пустая болтовня, чистая метафизика. Однако человек — существо метафизическое, и он не может избежать этих вопросов.

Впрочем, я убеждена, что человек, который задумывается над собой, который может взглянуть на себя со стороны, живет иначе, иначе реагирует на мир. Он становится другим.

— *А что такое суть человека?*

— Можно ли вообще говорить о сути человека, если мы не можем познать самих себя? Эта суть столь удивительна, противоречива, многогранна...

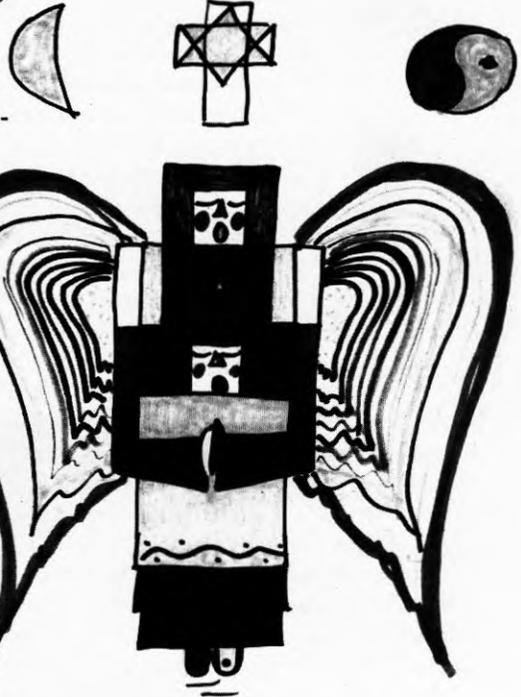
— *Мы не знаем, что такое человечность, но есть же что-то такое, чему человек должен стараться соответствовать? Что-то, что мы назвали бы призванием...*

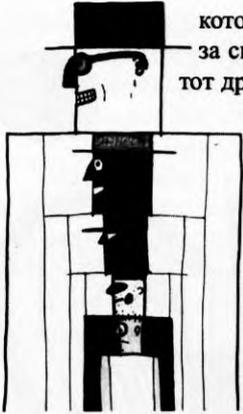
— Часто говорят, что человек изначально задан. Мне бы не хотелось об этом говорить, ибо тут мы вторгаемся в сферу морализаторства. Меня в человеке занимает его бытие как некая онтологическая структура. Ее неоднократно пытались описывать, но она продолжает оставаться загадочной. Человек — это тайна, это входит в структуру его бытия. Его невозможно постичь до конца. Он сам себя постичь не может. Ведь вопрос «кто я?» извечен. Со времен древней Греции мы ставим этот вопрос и ответить на него не можем. И тотчас возникает сомнение: так зачем же об этом спрашивать?

— *И зачем же об этом спрашивать?*

— Я всего лишь утверждаю, что тот, кто спрашивает, живет иначе. Я говорю только об этом.

Уже сам вопрос есть ценность. Он заставляет нас задуматься о смысле жизни, которая нам дана. Мы ее никогда не постигнем до конца, мы, люди, конечны, ограничены, у нас нет таких возможностей. Всегда остается что-то, что для нас абсолютно трансцендентно, даже в нас самих, но — давайте приближаться, искать. Ведь единственное, что нам действительно задано, — это поиски. Станем перед самими собой и попытаемся что-то сделать с этой тайной, как-то ее освоить, а не бежать от нее. Я не хочу говорить, к чему это усилие может вести. К добру? К самоотречению? Не знаю. Но это путь, на

котором удастся жить честно по отношению к самому себе, с полной ответственностью за свою судьбу. Это самое главное: я за себя отвечаю, и в эту ответственность включен тот другой, за кого я тоже в ответе.

— *Отложим временно вопрос, что такое человечность. Но подумаем: может ли человек отказаться от человечности, можно ли у него ее отнять?*

— Ее можно утратить. Можно перестать быть человеком. Человек способен быть зверем. Нам не уйти от той истины, что в человеке живет зло. Зла не существует вне людей. И крайне трудно бежать от зла. Подчиниться же ему, наоборот, легко. Как это прекрасно сформулировал Эммануэль Левинас: добро — нечто высшее, нежели наша жизнь. В нашей жизни есть зло, а добро трансцендентно. Я не была бы столь категорична, ибо даже в худшем человеке порой выявляется крупинка добра в совершенно неожиданных обстоятельствах. Мне самой доставались эти крупинки добра от подонков общества, от людей, которых общество сочло в корне плохими. Нет в корне плохих людей.

— *Проведя десять лет в лагерях, вы видели человека, которого столкнули на дно существования...*

— Да, видела.

— *Что же тогда происходит с людьми?*

— Существует еще нечто такое, как прозябание, но это, пожалуй, другая тема.

— *Но ведь это тоже человек...*

— У человека тогда отняты все возможности оставаться человеком... Им правит физиология, он уже не властен над собой, никаких человеческих реакций: он предаст, убьет, лишь бы получить миску баланды. То, что голод делает с человеком, это страшно.

— *Как это выглядит, когда с нас сдирают оболочку цивилизации?..*

— Человек действительно может стать зверем. Но то же самое происходит, когда мы считаем, что все правила, все нормы, которые нам внушали с самого детства, — чепуха и нелепость. Человек не может существовать вне культуры, но он нередко охотно сбрасывает с себя ее «верхнюю одежду».

— *Сбрасывает, чтобы освободиться?*

— Для одних это — освобождение, для других — забава. Но нельзя забывать, что в человеке заложены запасы необычайной жестокости и что только культура их затормаживает. Маленькие мальчики выкалывают кошкам: глаза, старшие мальчики ради забавы способны убить. Совершенно очевидно, что слой культуры крайне тонок. Он так тонок, что зверь, которого мы носим в себе, легко пробуждается. Но настоящий зверь убивает, когда он голоден. А зверь в человеке способен убить ради забавы. Мы не можем жить без культуры, без цивилизации, ибо без них мы пожрали бы друг друга.

— *Значит ли это, что надо делать усилие для того, чтобы быть человеком?*

— Да, и, думаю, постоянное усилие. Я не даю рецептов — у меня их нет. Но когда мы говорим о человеке, необходимо подчеркивать, что это существо не простое — это существо сложное, полное противоречий, прекрасное и в то же время жуткое. Вы смотрите на меня с ужасом, но так оно и есть. Он не благословенное существо.

— *Значит, есть бесконечная пропасть между злом, на которое человек способен, и добром, к которому он призван?*

— Думаю, никто не призван ни к добру, ни к злу. И каждый отвечает сам за себя.

Автор рисунков, известный график Адам Мацедоньский родился в 1931 г. во Львове. Сотрудничает с журналом „Пшекруй“. Проживает в Кракове, где создал Катыньский институт.

Март 1998 г.
Беседу вели Катажина Яновская
и Петр Мухарский

На обложке 2-го номера «Новой Польши» неправильно была написана фамилия автора статьи «Империализм? Он уже просто невыгоден». Автору статьи А.КОРАШЕВСКОМУ и всем читателям редакция приносит свои извинения.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Р.Яроцкий о Петре Слонимском

Я.Тазбир о «Тарасе Бульбе»

Г.Пшебинда о Михаиле Хайфеце

Я.Гослицкий о Станиславе Бжозовском

К.Бурнетко: Газетный киоск

Л.Бальцерович о будущем Европы

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р.Пшибыльский об И.Бродском и А.Ахматовой

Виктория и Рене Сливовские: Чем нас привлекла русская культура?

Я.Стшалка беседует с Анджеем Вайдой

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши люди: Яцек Возняковский

Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, П.Слонимский, З.Рыбчинский,
А.Холланд, В.Скальмовский, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Шимборской, Бялошевского и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой,

Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

руч muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%